

**А.Ю. КАРКОТКО
М.А. РОССИЙСКИЙ**

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 года

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3
К66

Рецензенты:
доктор исторических наук О.Г. Назаров
(Российская Федерация),
доктор исторических наук С.А. Пивоварчик
(Республика Беларусь)

Каркотко, А.Ю.
К66 На линии огня. Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 года /
А.Ю. Каркотко, М.А. Российский. — М. : Вече, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-4444-3938-8

Знак информационной продукции **12+**

Книга белорусского историка А.Ю. Каркотко и его российского коллеги М.А. Российского освещает тему сражений Первой мировой войны на территории современной Беларуси. Она посвящена одному из эпизодов Вильно-Молодеченской операции 1915 года — боям за город Вилейку. Авторы впервые собрали в одной книге и снабдили научным комментарием свидетельства очевидцев и непосредственных участников событий: командира 27-го армейского корпуса генерала от инфантерии Д.В. Баланина, руководившего освобождением Вилейки, поручика 304-го пехотного Новгород-Северского полка К.И. Клуге, награжденного орденом Св. Георгия 4-й степени за бои на Вилейщине, действительного статского советника В.П. Кравкова, помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии, волею судеб оказавшегося в Вилейке накануне немецкого наступления, священника села Нарочь Вилейского уезда П.И. Сосновского, посвятившего военным событиям немало страниц своей приходской летописи. Дополнением к ним служат два фрагмента немецких полковых историй о сражениях на Вилейщине, ранее не публиковавшихся на русском языке.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4444-3938-8

© Каркотко А.Ю., 2015
© Российский М.А., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX век ушёл в прошлое. Он запомнился как столетие беспрецедентного технического прогресса и выдающихся научных открытий, выведших человечество на новую ступень цивилизации. Но вместе с тем он вошел в историю и как один из самых жестоких и разрушительных её периодов. Только две войны — Первая мировая (1914—1918) и Вторая мировая (1939—1945) — унесли жизни десятков миллионов жителей планеты Земля. Спорить и дискутировать о том, можно ли было избежать этих рукотворных катастроф, сегодня бессмысленно. Но знать и помнить о них мы обязаны, чтобы предотвратить повторение подобного варварства в дальнейшем.

Вторая Отечественная война... Именно так российский офицер поначалу предпочитал называть начавшуюся в 1914 году войну с Германией и Австро-Венгрией. Вскоре появилось и другое ее название — Великая Европейская война. После 1918 года её станут называть империалистической, мировой, а уже в 1940-х годах, в разгар другого, еще более страшного конфликта, окончательно отчеканят исторический термин — «Первая мировая война».

Первая мировая война длилась с 19 июля (1 августа) 1914 года по 11 ноября 1918 года и продолжалась 1568 дней и ночей, охватив 3 континента. В ней приняли участие 38 государств с совокупным населением 1,5 миллиарда человек — три четверти жителей планеты. Потери были огромные — 10 миллионов убитых и умерших от ран, 20 миллионов раненых.

Беларусь не являлась самостоятельным участником этого конфликта. Собственной государственности она в то время не имела и была

одним из регионов Российской империи. Однако судьбе было угодно, чтобы именно белорусская земля стала театром военных действий, на котором были разыграны важнейшие боевые операции Первой мировой войны, во многом определившие её исход: Виленская, Нарочская и Барановичская.

В августе 1915 года, после ухода русских войск из Восточной Пруссии и оставления ими Польши, война пришла в белорусские губернии России. Вскоре громовые раскаты артиллерийской канонады стали доноситься и до жителей небольшого уездного города Вилейка. В ходе развития Свенцянского прорыва 3 сентября 1915 года германские войска ворвались в Вилейку со стороны местечка Куренец. Немецкая артиллерия обстреляла железнодорожную станцию, на которой находился русский воинский эшелон. Многим солдатам в тот день пришлось спасаться вплавь через Вилию.

На берегу реки располагались две русские артиллерийские батареи. Подошедший враг сбил их пулемётами. В разгоревшейся схватке погибли около сорока русских солдат, сами же орудия удалось переправить через реку. Павшие в бою артиллеристы были похоронены мирными жителями там же, на берегу Вилии.

Немецкие войска занимали Вилейку в течение шести дней. 10 (23) сентября 1915 года стало особой датой в истории этого небольшого белорусского города. Именно тогда Вилейка была освобождена русскими войсками от германских оккупантов.

Очевидец вспоминал, что когда части русских войск с победой входили в город по деревянному мосту через Вилию, то над пехотой невысоко летел серый орёл, а прятавшееся по подвалам мирное население встречало своих освободителей с такой радостью, как будто наступил светлый праздник Пасхи.

Бой за Вилейку стал первым победоносным наступательным боем Русской императорской армии после «великого отступления», занявшего всю первую половину 1915 года. Он определил дальнейший ход войны: дальнейшее продвижение германцев в глубь России было решительно остановлено.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Операция по освобождению Вилейки стала одним из наиболее значимых наступательных сражений русской армии на белорусской земле за время войны 1914—1918 годов. О значимости этого боя красноречиво свидетельствуют следующие факты:

— Высокими наградами за бои на Вилейщине были отмечены многие офицеры и солдаты. Среди них двадцать девять офицеров получили Георгиевское оружие, девятнадцать были удостоены ордена Св. Георгия 4-й степени.

— В память об этом бое созданный в ноябре 1916 года 748-й пехотный полк 187-й пехотной дивизии получил наименование «Вилейского». В этой пехотной дивизии, включенной в состав XXVII армейского корпуса, все четыре полка были названы в честь побед, одержанных корпусом в 1914—1915 годах.

— На железнодорожной станции Вилейка прошло несколько смотров войск, в которых приняли участие представители царствовавшей династии Романовых. Первый из них провел вскоре после освобождения города 28 сентября 1915 года великий князь Георгий Михайлович. От имени Верховного главнокомандующего — императора Николая II он вручил несколько тысяч георгиевских наград нижним чинам, отличившимся в боях, в том числе и тем, кто освобождал Вилейщину. 23 декабря 1915 года Вилейку посетил сам император Николай II. На железнодорожной станции он провел высочайший смотр войск 2-й армии Западного фронта. В своем дневнике в этот день последний русский царь записал:

«Утром поезд проиёл Молодечно и в 9½ остановился в ВИЛЕЙКЕ. Тут находился командующий 2-й армией и почётный караул от 113-го пехотного Старорусского полка. Погода стояла тёплая, и даже солнце выглянуло часа на полтора. Кругом были видны окопы, могилы и другие следы сентябрьских боёв во время прорыва германцев к Молодечно. На смотре участвовали представители от 2-й армии — следующих корпусов: 4-го Сибирского, 5-го, 20-го, 27-го и 36-го армейских корпусов, пограничной стражи и казаков разных войск. Как всюду, войска представились в прекрасном виде. После парада назначил Эверта генерал-адъютантом.

Посетил в Вилейке лазарет Георгиевской общины, где лежало 20 раненых. Накормил всё начальство завтраком и в 2 часа дня поехал обратно...»

Пребывание императора Николая II в Вилейке нашло отражение в одном из высочайших приказов, изданных от его имени. 31 декабря 1915 года монарх обратился к армии и флоту со следующими словами: *«Минул 1915 год, полный самоотверженных подвигов моих славных войск. В тяжёлой борьбе с врагом, сильным числом и богатым всеми средствами, они истомили его и своею грудью, как непреодолимым щитом родины, остановили вражеское нашествие.*

В преддверии Нового 1916 года я шлю вам привет, мои доблестные воины. Сердцем и мыслями я с вами в боях и окопах, призывая помощь Всевышнего на ваши труды, доблести и мужество.

Помните, что без решительной победы над врагом наша дорогая Россия не может обеспечить себе самостоятельной жизни и права на пользование своим трудом, на развитие своих богатств.

Проникнитесь поэтому сознанием, что без победы не может быть и не будет мира. Каких бы трудов и жертв нам ни стоило это, мы должны дать Родине победу.

В недавние дни я приветствовал некоторые полки на прославленных сентябрьскими боями полях Молодечно и Вилейки. Я сердцем чувствовал горячее стремление и готовность всех и каждого до конца исполнить свой святой долг защиты Родины.

Я вступаю в Новый год с твёрдою верою в милость Божию, в духовную мощь и непоколебимую твёрдость и верность всего русского народа и в военную доблесть моих армии и флота».

Настоящий сборник посвящен славным и одновременно трагическим событиям, происходившим на Вилейщине 100 лет тому назад. Его основой стали дневниковые записи и воспоминания четырех очевидцев, судьбы которых оказались тесно связанными с Вилейкой в трудном для города сентябре 1915 года.

Первый среди них — командир XXVII армейского корпуса генерал от инфантерии Дмитрий Васильевич Баланин. Он детально проанализировал Вилейскую операцию в очерке «Вилейка. Бой 10 сентября

1915 года», который был опубликован в журнале «Военный сборник» №10 за 1916 год.

Свои воспоминания о событиях на Вилейщине оставил и Константин Иванович Клуге — скромный обер-офицер Русской императорской армии, честно выполнявший свой воинский долг, не задумываясь о наградах и отличиях.

Ценные для историков наблюдения оставил в своем дневнике военный врач Василий Павлович Кравков — действительный статский советник, занимавшей в то время должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии. Волей судеб он попал в Вилейку в августе 1915 года и искренне полюбил этот милый, патриархальный городок, о котором у него остались весьма теплые воспоминания.

Свою лепту в общую картину исторического события внес и отец Павел Сосновский — священник одной из местных церквей, чей приход сильно пострадал в ходе непродолжительной немецкой оккупации.

Предлагаемые вниманию читателей сборника документальные свидетельства современников интересны и тем, что их авторы — представители разных слоев общества. Среди них и боевой генерал, и офицер-герой, и военный медик-интеллигент, и приходской священник. Каждому из них посвящены отдельные статьи, проливающие свет на их биографии до и после судьбоносного для Вилейщины 1915 года. Тексты опубликованных памятников снабжены комментариями, поясняющими важные для их понимания географические названия, а также содержащими краткие сведения об упомянутых в текстах людях и исторических фактах.

Вместе с тем картина событий 1915 года на Вилейщине была бы неполной, если бы авторы ограничились лишь свидетельствами их русских участников. Выработанный древнеримскими юристами принцип *audiatur et alteram partem* — «следует выслушать также и другую сторону» — применим не только к формулированию верной юридической оценки события, но также и к поискам исторической истины. Поэтому в пятой главе сборника слово предоставлено противнику — немецким солдатам и офицерам, чьи дневники и вос-

поминания были использованы в послевоенное время при написании исторических очерков об участии частей и соединений Германской имперской армии в боевых действиях на Восточном фронте. Выдержки из этих изданий 1930-х годов, касающиеся пребывания немецких войск в Вилейском уезде Виленской губернии в 1915 году, впервые публикуются на русском языке.

Для полноты картины военных событий сборник дополнен приложениями, в которых можно найти сведения о воинских частях и соединениях, участвовавших в освобождении Вилейки в сентябре 1915 года, а также фамилии наиболее отличившихся офицеров, награжденных орденом Св. Георгия или Георгиевским оружием. Отдельным приложением публикуется список погибших солдат и офицеров XXVII армейского корпуса (к сожалению, далеко не полный). Авторы считают своим долгом отдать дань памяти и уважения всем павшим за освобождение Вилейщины.

Представленный сборник является плодом международных усилий. В его создании приняли участие граждане четырех стран: Республики Беларусь, Российской Федерации, Австралии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

В связи с тем, что многие документы и воспоминания написаны в период Первой мировой войны, даты в сборнике до 1 февраля 1918 года приводятся по старому стилю. Это не касается 5-й части сборника, где даты приведены по использовавшемуся в Германии в то время новому стилю.

Сборник публикуется на средства одного из его авторов — российского историка и дипломата М.А. Российского. Весь доход от реализации книги будет направлен на обустройство воинских захоронений периода Первой мировой войны на территории Вилейского района Минской области Республики Беларусь.

Авторы выражают искреннюю благодарность и признательность за помощь в сборе и предоставлении материалов для сборника:

Богданову Владимиру Анатольевичу, г. Минск;

Бондаренко Вячеславу Васильевичу, г. Минск;

Григорову Александру Игоревичу, г. Москва;

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карпееву Игорю Вячеславовичу, г. Москва;
Колосовой Ольге Александровне, г. Вилейка;
Лиходедову Владимиру Алексеевичу, г. Вилейка;
Новикову Павлу Александровичу, г. Иркутск;
Пивоварчику Сергею Аркадьевичу, г. Гродно;
Плежаку Франку (Frank Pleszak), г. Манчестер, Великобритания;
Полонскому Виктору, г. Томск;
Прониной (Клуге) Ольге Константиновне,
г. Беверли-Хилл, Австралия;
Рогге Вадиму Олеговичу, г. Москва;
Семенову Владимиру Геннадьевичу, г. Оренбург;
Хайрулину Марату Абдулхадировичу, г. Москва;
Цитовичу Борису Борисовичу, д. Забродье Вилейского района;
Юшко Валентину Леонидовичу, г. Москва.

Фотографии, иллюстрирующие настоящий сборник, взяты из фондов Вилейского краеведческого музея, из периодических изданий начала XX века и любезно предоставлены упомянутыми выше историками и частными коллекционерами.

Глава I

ГЕНЕРАЛ БАЛАНИН — ПОЛКОВОДЕЦ И ПИСАТЕЛЬ

Дмитрий Васильевич Баланин родился 26 ноября 1857 года в православной дворянской семье. Его детские годы и юность были связаны с Киевом: здесь он получил начальное военное образование во Владимирской Киевской военной гимназии, позднее продолжал обучение во 2-м Константиновском училище. 10 августа 1876 года Д.В. Баланин был выпущен из училища в чине подпоручика. Видимо, среди сокурсников он считался одним из лучших, поскольку уже в следующем году последовал его перевод на службу в Санкт-Петербург — в престижный лейб-гвардии Семеновский полк.

Д.В. Баланин

Боевое крещение молодой офицер получил на полях сражений Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. За отвагу, проявленную в схватках за освобождение Болгарии, в 1878 году, по итогам кампании, Д.В. Баланин был награжден орденом Св. Анны 4-й степени — Аннинским оружием с надписью «За храбрость», а также орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Получив боевой опыт, подпоручик Баланин занялся дальнейшим самосовершенствованием в военном

деле. Пройдя жесткий отборочный конкурс, подающий надежды молодой офицер поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Академический курс он окончил в 1882 году по 1-му разряду с производством в чин штабс-капитана и с правом зачисления в Генштаб.

Дальнейшую службу Д.В. Баланин проходил при штабе Киевского военного округа. В 1885—1886 годах он отбывал цензовое командование ротой в 130-м пехотном Херсонском полку, который также дислоцировался в Киеве. В 1888 году Д.В. Баланин был произведен в подполковники, в 1888—1889 годах занимал должность штаб-офицера при управлении начальника 9-й местной бригады, в 1889—1890 годах — старшего адъютанта штаба Киевского военного округа. В этот период его безупречная служба престолу и Отечеству была отмечена орденами Св. Анны 3-й степени (1884), Св. Станислава 2-й степени (1887) и Св. Анны 2-й степени (1890).

В 1890 году Д.В. Баланин был переведен в Санкт-Петербург, где занял должность помощника делопроизводителя канцелярии Военного министерства. Подробности этого назначения сохранил в своих мемуарах его многолетний непосредственный начальник А.Ф. Редигер¹, в рассматриваемое время занимавший должность делопроизводителя канцелярии Военного министерства. Он, в частности, писал: «Мне было предоставлено выбрать себе помощника; при этом Лобко² от себя предложил Поливанова³, я возразил, что Поливанов едва

А.Ф. Редигер

П.Л. Лобко

А.А. Поливанов

ли долго будет довольствоваться таким местом; кроме того, он мне не нравится тем, что больно ласков и искателен; я предложил на выбор двух кандидатов: капитана Борисова и подполковника Баланина; первый произвел на меня отличное впечатление во время бытности его в академии, а второго я знал по со-

вместной службе в Семеновском полку. Лобко отдал предпочтение Баланину, как занимавшему должность старшего адъютанта в штабе Киевского военного округа, полагая, что он поэтому должен быть силен в штабной службе. Я запросил Баланина, согласен ли он принять должность моего помощника, и получил его согласие; назначение его было объявлено 12 октября, а 19 октября я его уже встречал на вокзале Варшавской железной дороги.

Дмитрия Васильевича Баланина я знал еще со времен турецкого похода, в котором он участвовал совсем юным прапорщиком, затем встречал его в полку до окончания им курса академии, после чего он уехал на службу в Киевский военный округ. Я его знал и ценил как человека честного, глубоко порядочного, совершенно неспособного на какой-либо дрянной поступок, вместе с тем человека способного, хорошо окончившего курс академии. О том, как он служил восемь с половиной лет в Киевском военном округе, я не знал; только от Поливанова, тоже служившего в Киеве, я слышал, что Баланин очень много читает и следит за новостями военной литературы. Все эти данные, говорящие в пользу Баланина, оказались вполне верными и несомненными за время одиннадцати лет его службы под моим начальством; я еще более убедился в его порядочности, в уме и начитанности, в его способностях ко всему, кроме канцелярской работы. Этот дефект в нем, доставлявший мне много огорчений и работы по исправлению и переделке его писаний, меня положительно удивлял, тем более что разные его статьи в “Военном сборнике” написаны вполне ясно, последовательно и литературно»⁴.

Через два года службы в столице империи его усердие было отмечено производством в полковники «за отличие». С 11 мая по 20 сентября 1894 года Дмитрий Васильевич отбывал цензовое командование батальоном в 14-м стрелковом полку. В 1896 году он стал кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени.

В начале 1897 года в связи с повышением по службе А.Ф. Редигера встал вопрос о переводе Д.В. Баланина на освобождавшуюся вакансию делопроизводителя канцелярии Военного министерства. А.Ф. Редигер позднее вспоминал: «Была речь также о Баланине: Лобко не хотел давать ему мое место, так как тот мало вникает в дело и недо-

Н.А. Данилов

статочно его охватывает; я предлагал его назначить с тем, что буду руководить им»⁵. 1 февраля 1897 года полковник Баланин все же стал делопроизводителем канцелярии Военного министерства. В связи с этим А.Ф. Редигер отмечал: «Лобко поручил мне найти ему хорошего помощника; я избрал Генерального штаба капитана Николая Александровича Данилова⁶, которого предупредил, что Баланин слаб, так что я рассчитываю, что он будет восполнять, по возможности, его недостатки. Выбор Данилова оказался крайне удачным»⁷.

В годы службы в канцелярии Военного министерства Д.В. Баланин общался и работал под руководством видных военных деятелей эпохи — П.С. Ванновского, А.Н. Куропаткина, А.Ф. Редигера. Их служебные и личные отношения не всегда складывались удачно. В своих мемуарах А.Ф. Редигер свидетельствует: «Куропаткин никогда не вмешивался в мои распоряжения по канцелярии, никогда мне никого не навязывал и утверждал все мои представления о наградах. В одной

А.Н. Куропаткин

награде он мне в этом <1901> году отказал: я просил о производстве Баланина на 6 декабря в генералы, но он помнил, что Баланин еще в 1884 году представил ему легкомысленную работу, был плохого о нем мнения и отказал»⁸.

Однако производство Д.В. Баланина в генерал-майоры, несмотря на недоброжелательное отношение к нему военного министра, все же вскоре состоялось. Об этом А.Ф. Редигер писал: «В начале февраля <1902 года> Баланин оставил канцелярию, пробыв в ней более одиннадцати лет. Мне удалось устроить его в Главное интендантское управление заведующим мобилизационной частью; должность была генеральская, и он при назначении был произведен в генералы. Его очень любили и уважали в канцелярии за порядочность, веселый нрав и приветливость; его чествовали прощальным обедом и подарками от всей канцелярии и от административного отдела. Я был рад за него, что он выходил на более широкую дорогу, и за себя, так как мне одиннадцать лет приходилось водить его на помочах. В интендантстве он пробыл менее года, а затем получил штаб корпуса и окончательно перешел в строй»⁹.

В 1902 году Д.В. Баланин вернулся из Санкт-Петербурга в Киев. С 11 декабря 1902 года по 9 марта 1904 года он служил начальником штаба XXI армейского корпуса. В 1904 году Дмитрий Васильевич был удостоен своей первой «генеральской» награды — ордена Св. Станислава 1-й степени. В 1904—1906 годах он занимал ответственную должность генерал-квартирмейстера штаба Киевского военного округа, а со 2 июня по 1 сентября 1907 года командовал бригадой 42-й пехотной дивизии.

В 1908 году — вновь с формулировкой «за отличие» — Д.В. Баланин был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальни-

ком 18-й пехотной дивизии, которая дислоцировалась в губернском Люблине, одном из лучших городов Царства Польского. В 1911 году он был удостоен очередной высокой награды — ордена Св. Анны 1-й степени.

Август 1914 года застал Д.В. Баланина на том же посту начальника 18-й пехотной дивизии, которая вступила в Первую мировую войну в составе XIV армейского корпуса 4-й армии на Юго-Западном фронте. С первых дней войны генерал-лейтенант Баланин показал себя храбрым и рассудительным командиром и быстро пошел на повышение. С началом войны возникла необходимость создания с нуля большого количества новых воинских частей и соединений. Среди прочих был образован XXVII армейский корпус, в состав которого включили 1-ю стрелковую и 76-ю пехотную дивизии с артиллерией и вспомогательными частями. Командиром нового корпуса 2 сентября 1914 года был назначен генерал-лейтенант Д.В. Баланин.

В октябре 1914 года XXVII армейский корпус по приказу главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала от инфантерии Н.В. Рузского был передан в состав Принаревской группы войск, образованной для защиты Варшавы со стороны Восточной Пруссии,

Д.В. Баланин присутствует при церемонии освящения полкового знамени. 1916 г.

Д.В. Баланин — командир XXVII армейского корпуса. Август 1915 г.

и включен в состав 2-й армии, которой в то время командовал генерал от кавалерии С.М. Шейдеман. В составе 2-й армии корпус Д.В. Баланина принимал участие в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях, его решительные действия во многом способствовали успешной реализации оперативных замыслов русских военачальников. 6 декабря 1914 года за успешное командование корпусом Дмитрий Васильевич Баланин был произведён в генералы от инфантерии — чин полного пехотного генерала.

В 1915—1916 годах XXVII армейский корпус входил в состав 1-й и 2-й армий. Его солдаты и офицеры последовательно сражались на Северо-Западном, Северном и Западном фронтах. За успехи в проведении воинских операций и умелое руководство дивизией и корпусом Д.В. Баланин был отмечен многочисленными боевыми отличиями. Так, 26 февраля 1915 года он был награждён мечами к ордену Св. Анны 1-й степени, 9 апреля 1915 года — орденом Белого Орла с мечами.

Высочайшим приказом от 9 марта 1915 года генерал-лейтенант Дмитрий Васильевич Баланин был награжден почетным Георгиевским

оружием. В документе его заслуги описываются так: «За то, что в боях с 13 по 21 авг. 1914 г., командуя пехотной дивизией, отбил все повторные атаки превосходного в силах противника и, не уступив позиции, сам перешел в контратаку».

В сентябре 1915 года XXVII армейский корпус под командованием Д.В. Баланина принимал участие в операции по ликвидации Свенцянского прорыва. Ее частью был и бой за уездный город и станцию Вилейка. На это время пришлось изменение в составе корпуса: вместо 1-й стрелковой дивизии ему была придана 45-я пехотная дивизия. По итогам осенних боев 1915 года Высочайшим приказом от 15 марта 1916 года Д.В. Баланин был награжден орденом Св. Александра Невского с мечами.

Д.В. Баланин (справа)
и А.М. Иванов

Приезд генерал-адъютанта Н.В. Ружского в штаб XXVII армейского корпуса.
1916 г.

В марте 1916 года, во время Нарочской наступательной операции, XXVII армейский корпус входил в правофланговую ударную группу генерала от кавалерии М.М. Плешкова. Корпус не смог развить наступление и понёс ощутимые потери.

С 20 декабря 1916 года генерал от инфантерии Д.В. Баланин командовал 11-й армией Юго-Западного фронта. При планировании кампании 1917 года на армию Баланина было возложено нанесение удара на город Львов в обход с севера на город Злочев. Однако запланированному наступлению не суждено было состояться — помешала Февральская революция 1917 года. Придя к власти, Временное правительство первым делом устроило настоящую чистку русского генералитета. Многие военачальники, которых подозревали в монархических симпатиях, были вынуждены оставить свои посты. Не минула эта чаша и Д.В. Баланина: 5 апреля 1917 года он был отстранен от командования 11-й армией и переведен в резерв чинов при штабе

Д.В. Баланин (сидит в центре) с офицерами штаба корпуса. 1916 г.

Киевского военного округа. 4 мая 1917 года заслуженный генерал был уволен в отставку с мундиром и пенсией.

Революционные события усугубили и без того тяжелую личную трагедию, которой Первая мировая война обернулась для Дмитрия Васильевича. 20 февраля 1915 года на фронте погиб его единственный любимый сын Георгий — подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка. Совершенный им подвиг был посмертно отмечен орденом Св. Георгия 4-й степени.

Г.Д. Баланин

После Октябрьской революции 1917 года Д.В. Баланин поступил на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. Однако служба при новой власти не всегда проходила гладко для старорежимного генерала — известно, что в 1919 году он некоторое время провел в заключении.

С 1920 года Д.В. Баланин служил в Управлении всеобуча штаба Петроградского военного округа. В августе 1920 года его имя фигурирует в списке Генштаба РККА, однако уже в октябре 1921 года он был уволен по болезни.

Последние годы жизни Д.В. Баланина покрыты мраком неизвестности. С одной стороны, имеются сведения, что он пал жертвой репрессивной политики Советского государства, был арестован и умер в тюрьме до октября 1928 года. Но в то же время имеются и другие сведения, согласно которым в ноябре 1930 года он благополучно проживал в Ленинграде. Ясности в этом вопросе пока нет.

Дмитрий Васильевич Баланин получил признание не только как способный военачальник, но и как талантливый военный писатель. Его очерки и статьи публиковались в популярных журналах «Русский инвалид», «Военный сборник», «Разведчик» и других периодических

изданиях¹⁰. Большой интерес у читателей вызывали его статьи в «Разведчике» под авторской рубрикой «Наброски из войсковой жизни», где первостепенное внимание уделялось моральному элементу воспитания войск. Значительное место в размышлениях Д.В. Баланина занимали вопросы подготовки командного состава. В таких статьях, как «Большой не правит — малый сбивается с пути», «К вопросу о подготовке военачальников» и др., он выступал за предметность работы с молодыми офицерами, развитие у них инициативы и почина, самостоятельности в принятии решений и ответственности за их выполнение.

В годы Первой мировой войны Д.В. Баланин стал автором ценных для историков публикаций о боевых эпизодах, в которых ему самому довелось принять непосредственное участие. Из-под его пера вышли такие работы, как «Вилейка. Бой 10 сентября 1915 года», «Спасение г. Варшавы от захвата ее немцами в 1914 г.»¹¹ и др.

Революция и Гражданская война во многом изменили отношение общества к офицерам и генералам «старого режима». Новые власти смотрели с подозрением даже на тех из них, кто добровольно пришел в РККА. На это имелись веские причины: немало их прежних друзей и сослуживцев, еще недавно сражавшихся за свое видение будущего России в составе белых армий, после войны охотно принимали участие в шпионаже и диверсионной деятельности против СССР, являясь членами военных организаций русской эмиграции. При этом в общественном сознании оставался неприятный осадок от воспоминаний о проигранных «старой армией» войнах — Русско-японской и Первой мировой. В неудачах русского оружия обвиняли (хотя и не всегда безосновательно) прежде всего бесталанных генералов и плохо подготовленный офицерский корпус. В чести были новые герои, вышедшие на историческую сцену в братоубийственных схватках Гражданской войны. Поэтому в 1920—1930-х годах редкий представитель дореволюционного генералитета удостоивался положительной характеристики в прессе или специализированной печати. Распространенным пропагандистским приемом стало сознательное принижение воинских и человеческих достоинств «царских генера-

лов», граничившее порой с беспардонным шельмованием. Можно только догадываться о том, с какой внутренней болью переживал боевой генерал Баланин такое отношение к себе и своим товарищам в последние годы жизни.

Генерал Дмитрий Васильевич Баланин до конца своих дней с честью пронёс высокое звание русского офицера. Он дорожил жизнью каждого своего солдата, и строевые офицеры и нижние чины, понимая это, искренне отвечали ему любовью и преданностью. Возможно, именно в этом и заключался секрет успеха многих боевых операций, проводившихся под его руководством.

Статья воспроизводится по изданию: *Баланин Д.В.* Вилейка. Бой 10 сентября 1915 года // Военный сборник. № 10. 1916. С. 41—52, схемы. Текст приведен в соответствии с требованиями современной орфографии.

**Д.В. Баланин. Вилейка
(Бой 10 сентября 1915 года)**

В недавние дни я приветствовал некоторые полки на прославленных сентябрьскими боями полях Молодечно и Вилейки.

Из приказа Верховного главнокомандующего

Смелым и широко задуманным Свенцяным прорывом немцы мечтали достигнуть решительной цели. Они хотели окружить русские армии, припереть их к бездорожной лесисто-болотистой полосе между линией Лида¹² — Молодечно¹³ и р. Неманом, прервать железнодорожные артерии на Полоцк¹⁴ и Минск¹⁵ и, поставив наши армии в критическое положение, нанести им громовой удар.

При выполнении этого грандиозного плана особое значение для немцев имел Молодечненский железнодорожный узел, с занятием которого уже достигался громадный успех. Упорными боями на фрон-

те Вильна¹⁶ — Сморгонь¹⁷ наступление противника сдерживалось, а удачной обороной важного для всего фронта армии узла — станции Молодечно мы успели отбить опаснейший удар и положить начало к парированию всего германского вторжения.

Теперь оставалось выбить клин, загнанный противником в живое тело России, и сделать это как можно скорее, чтобы не дать ему возможности использовать первоначальный крупный успех.

Отбросивши противника от Молодечненского узла, необходимо было быстрее ликвидировать это дерзкое предприятие немцев и очищением лесной полосы к северу от Молодечно, а затем взятием Вилейки положить прочное основание для выполнения дальнейшей трудной и сложной стратегической операции, проводимой успешно, энергично и настойчиво высшим командованием, с целью дать должный отпор вторжению противника и свести его, в худшем случае, на нет.

После боев частей XXVII корпуса в районе Молодечно, в течение 4—7 сентября, окончившихся для нас вполне удачно, миновала грозная опасность захвата противником этого важного пункта. Для развития дальнейшего успеха приказано было XXVII армейскому корпусу настойчиво продолжать энергичное наступление. К вечеру

Станция Молодечно. Вид на вокзал и водонапорную башню

8 сентября № <76-я>¹⁸ пехотная дивизия несколько продвинулась на север, имея ближайшей задачей выйти на фронт Вилейка — Баровцы — Кузьмишки¹⁹, и расположилась следующим образом: 4-й <304-й> Новгород-Северский полк, которому вследствие сопротивления противника и за поздним временем не удалось овладеть переправами через реку Вилию, занял вдоль реки линию от застенка Ставский²⁰ — Доманово²¹ — застенок Плиса²²; 1-й

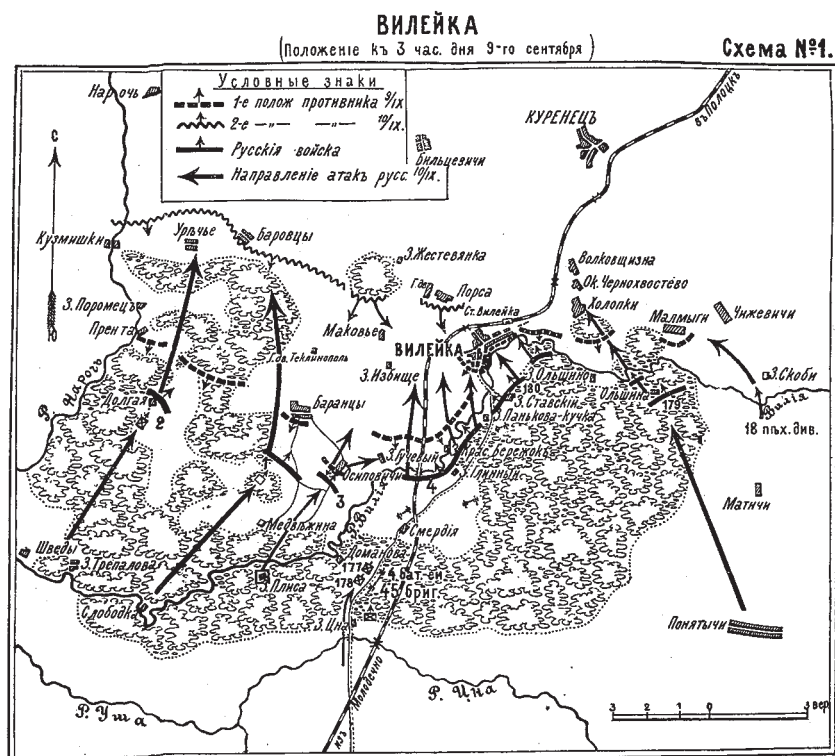

В.А. Орановский

<301-й> Бобруйский полк захватил Слободку²³; 2-й <302-й> Суражский полк взял с боя деревню Шведы и застенок Трепалово²⁴, а 3-й <303-й> Сенненский полк оставался еще у Молодечно.

Ввиду подхода из Минска 45-й дивизии, включенной в состав XXVII армейского корпуса, один её полк — 179-й Усть-Двинский — с батареей был направлен из Селивоновки²⁵ через Понятичи²⁶ к Вилейке, чтобы ударить во фланг противнику, а три полка сосредоточены у <деревни> Великое Село²⁷, составив резерв корпуса. В стремлении развить возможно скорее энергичное наступление, распоряжения свыше сильно упреждали события, и мы, не дойдя ещё до линии Вилейка — Кузьмишки, для чего надо было предварительно сбить находящиеся против нас значительные силы немцев, должны были, согласно директиве 9 сентября, от 1 ч. 45 м. ночи, продолжать настойчивое наступление дальше к северу, причем 27-му корпусу, составлявшему в это время правый фланг 2-й армии, приказано было уже овладеть линией Андрейки²⁸ — Колодка²⁹; левее наступал 4-й Сибирский корпус, а правее — [1-й] конный корпус Орановского³⁰.

Мы, при всем желании, не могли выполнить отданного приказа — достичь указанной линии, даже если бы перед нами не было противника, — а ведь его надо было еще разбить! Командир

Бой у Вилейки. Положение противников к 3 часам дня 9 (22) сентября 1915 г.

XXVII корпуса приказал поспешить с атакой города Вилейки, выдвинуть авангарды на линию Куренец — Бильцевичи — Баровцы³¹, разведку на фронт Андрейки — Колодка. Во исполнение полученных приказаний 9 сентября 1-й <301-й пехотный Бобруйский> полк переправился в 12 час. дня через р. Вилию и потеснил противника, но, подойдя к его позиции у <деревни> Баранцы, узнал, что <деревня> Осиповичи³² также занята противником, а наступавший справа 4-й <304-й пехотный Новгород-Северский> полк отошел и окопался на перекрестке дорог, к югу от <деревни> Баранцы.

2-й <302-й пехотный Суражский> полк, продолжая движение далее на север, к вечеру, после небольшого боя, занял передовыми частями деревню Долгое³³, а 3-й <303-й пехотный Сенненский> полк к ночи подошел к <застенку> Плиса.

Для атаки собственно г. Вилейки назначена была группа войск, направленных со стороны Понятичи — застенки Глинный и Доманово, под начальством командующего 45-й пехотной дивизией генерал-майора Николаева³⁴. В состав группы входили: части 179-го пехотного Усть-Двинского, 180-го пехотного Виндавского и <304>-го Новгород-Северского полков, 5-я батарея 45-й артиллерийской бригады, 3-я батарея N <76-й> артиллерийской бригады и две батареи Ивангородского тяжелого дивизиона — всего шесть батальонов и четыре батареи.

П.Т. Николаев

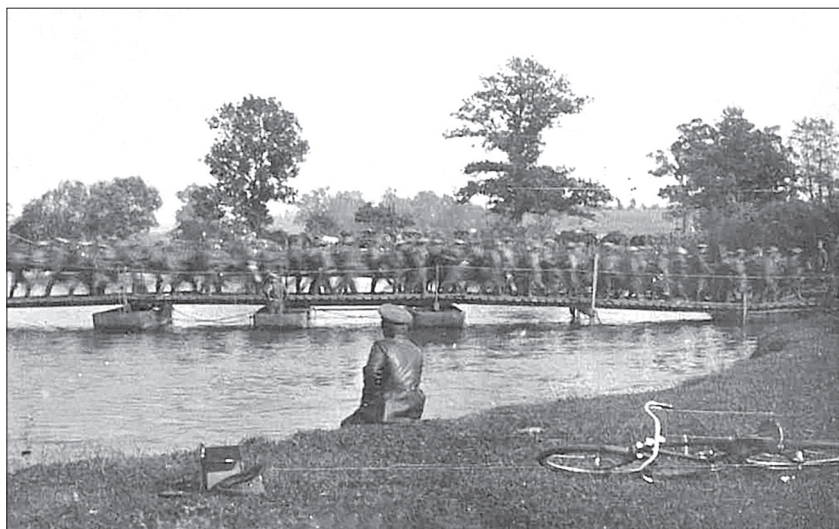
Около 3 часов дня 9 сентября генерал-майор Николаев прибыл в застенки Цна³⁵ в штаб N <76-й> пехотной дивизии, находившийся здесь, чтобы ознакомиться с обстановкой и положением частей группы, которые, за исключением 179-го <пехотного Усть-Двинского> полка, до этого времени находились в подчинении начальника N <76-й> пехотной дивизии.

Захваченные пленные показали, что они принадлежали к 115-й пехотной дивизии, прибывшей в тот же день с французского фронта; таким образом, ясно было, что в районе Вилейки немцы получили подкрепление; наступление противника было обнаружено также со стороны деревень Чижевичи³⁶ и Малмыги³⁷.

К упомянутому времени части группы занимали следующее положение: 179-й пехотный Усть-Двинский полк, направленный еще 8-го числа на марше дивизии из Минска к Молодечно через <деревню> Мясота³⁸ к <деревне> Понятичи с задачей своим наступлением 9 сентября через Матчицы³⁹ и Ольшино⁴⁰ содействовать частям N <76-й> дивизии в овладении Вилейкой, находился у застенка Ольшино. <304-й> Новгород-Северский полк, как было

**Переправа артиллерии по понтонному мосту через р. Вилию у д. Доманово.
12 сентября 1915 г.**

Понтонный мост через р. Вилию у д. Даманово. 12 сентября 1915 г.

упомянуто, занимал позицию по южному берегу р. Вилии от места у застенка Ставский и до железнодорожного моста включительно; 180-й пехотный Виндавский полк находился в резерве в лесу у застенка Цна. Батареи легкие и тяжелые были на позициях в районе <застенков> Глиный — Смердия⁴¹.

177-й пехотный Изборский, 178-й Венденский полки и четыре батареи 45-й артиллерийской бригады составляли резерв корпуса; к 2 часам дня эти части подошли из Молодечно и расположились в лесу у дороги севернее <застенка> Цна.

Согласно распоряжению командира корпуса, начальник дивизии послал приказание командиру <179-го пехотного> Усть-Двинского полка полковнику Даценко⁴²: переправиться через Вилию, наступать в северо-западном направлении на <деревню> Волковщина⁴³, имея конечной целью давлением на Вилейку с северо-востока в тыл противнику заставить его очистить этот пункт. Ознакомившись с обстановкой, генерал-майор Николаев отдал приказание 180-му <пехотному Виндавскому> полку, с одной батареей, двинуться к застенку Ставский, чтобы, связав участки 4-го <304-го Новгород-Северского> полка N <76-й> дивизии и 179-го <пехотного Усть-Двинского> полков, наступать потом на Вилейку с юго-востока. К этому времени выяснилось, что 4-й <304-й> пехотный полк под командой подполковника Буткевича⁴⁴ занимал сильно растянутую позицию вдоль берега <реки> Вилии, имея в резерве 1½ роты. Противник, занимавший противоположный берег, держал под сильным ружейным и пулеметным огнем брод через реку восточнее железнодорожного моста, который был оплетен колючей проволокой. Артиллерия противника, видимо, не более взвода, редким огнем обстреливала наши окопы.

Сделано было распоряжение немедленно энергично приступить к переправе и отгеснить противника от Вилейки. Командующий 4-м <304-м Новгород-Северским> полком уже ранее наметил, произведя легкую рекогносцировку, удобный пункт для переправы восточнее железнодорожного моста; с 4 часов дня началась артиллерийская подготовка для ее форсирования; переправа организована была следующим образом: подтянув весь полк к линии железной дороги, подполковник Буткевич приказал поставить по полуроте с двумя пулеметами по сторонам железнодорожного моста с приказанием бить в тыл частям противника, оборонявшим мост, а одному взводу, воспользовавшись лодками у застенка Глиный, незаметно переправиться на северный берег реки Вилии. Восемь молодцов этого взвода, переехавшие первы-

ми, бросились в штыки на заставу противника у моста и ее рассеяли, захватив шестерых пленных.

Сильный артиллерийский и пулеметный огонь, направленный в тыл железнодорожному мосту, и лихая атака горсти храбрецов сделали свое дело, и противник, оборонявший мост, пришел в замешательство; этим воспользовалась одна из рот и быстро переправилась через реку по броду правее моста.

Для подталкивания и ускорения переправы командующий дивизией направил к этому месту еще один батальон 180-го пехотного Виндавского полка. Дальнейшая переправа, под действительным огнем противника — артиллерийским, пулеметным и ружейным, — производилась вброд, отчасти на лодках и частью по железнодорожному и плавучему мосту, построенному саперами западнее застенка Глинного.

К 9 часам вечера роты 4-го <304-го Новгород-Северского> полка и первый батальон виндавцев переправились на северный берег реки Вилии, но встретили неожиданное препятствие в виде рукавов и затворов реки, что и задержало их дальнейшее движение.

Второй батальон виндавцев, пытавшийся переправиться по мосту у застенка Ставский, был встречен сильным пулеметным и ружейным огнем и задержался на южном берегу реки, кроме одной его роты, которая перешла по мосту, устроенному первым батальоном, и распространилась восточнее последнего. Противник, задержавшийся на линии застенка Красный Бережок⁴⁵, сильно обстреливал наше расположение, причем огонь также вела и гаубичная его батарея. Новгородсеверцы и батальон виндавцев использовали ночь, чтобы переправиться через рукава реки Вилии, и, несмотря на значительные затруднения и сильный огонь немцев, к утру уже успели сблизиться на 200—300 шагов с противником, занимавшим высоты юго-западнее Вилейки; оставшиеся на южном берегу роты второго батальона Виндавского полка переправились ночью вслед за первым их батальоном и развернулись вправо от него, севернее моста у застенка Ставский.

К утру 10-го числа восточнее застенка Панькова Кучка⁴⁶ заняли позицию еще 4-я и 6-я батареи 45-й артиллерийской бригады; дей-

ствия всей артиллерии около 9 часов утра были объединены в руках командира 45-й артиллерийской бригады генерал-майора Андреева⁴⁷, которому было приказано подготовить для пехоты атаку Вилейки.

Действия 4-го <304-го Новгород-Северского полка> N <76-й> дивизии и 180-го <Виндавского> полков были также объединены к этому времени в лице командующего 180-м пехотным полком подполковника Фроста 1-го⁴⁸, которому начальником дивизии была поставлена задача: в 10 часов утра перейти в решительное наступление и овладеть Вилейкой. После основательной подготовки нашей многочисленной по числу орудий артиллерии, ружейный и пулеметный огонь противника, не позволявший раньше нашей пехоте выдвигаться из своих окопов, был в значительной мере ослаблен, и подполковник Фрост приказал начать атаку; однако виндавцы, не дождавшись приказа, так как обстановка требовала скорейшего выхода из создавшегося положения, воодушевленные примером своих доблестных офицеров, неудержимо бросились вперед, а с ними вместе и новгородсеверцы и, несмотря на то что вновь были встречены убийственным ружейным и пулеметным огнем, а также ручными гранатами, смели противника и после короткого штыкового боя овладели высотами юго-западнее и западнее Вилейки.

Дальнейшее движение рот, пришедших в расстройство после первой штыковой схватки и понесших значительные потери, было встречено губительным огнем свежих частей германцев с окраины города Вилейки, приспособленной к обороне, вследствие чего атаковавшие роты временно приостановились и приступили к закреплению за собой захваченной позиции и приведению себя в порядок.

Между тем 179-й Усть-Двинский полк, подготовив два моста из плотов через Вилию, с утра начал переправу у <застенка> Ольшино; последняя шла весьма медленно, так как мосты обстреливались артиллерийским огнем — приходилось переправляться только одиночными людьми и три раза чинить мосты, поврежденные снарядами противника.

Переправа настойчиво продолжалась и привлекла на себя внимание германцев, что облегчило действия соседних частей 18-й пехотной

дивизии, переправлявшейся у застенка Скоби⁴⁹, с целью дальнейшего движения для атаки деревни Малмыги.

В это время N <76-я> пехотная дивизия, без 4-го <304-го пехотного Новгород-Северского> полка, продвигаясь вперед, достигла: 1-й <301-й пехотный Бобруйский> полк — опушки леса, что южнее <деревни> Баровцы; 2-й <302-й пехотный Суражский> полк, наступая на фронт Баровцы — Кузьмишки, оттеснил противника и занял с боя Уречье⁵⁰; 3-й <303-й пехотный Сенненский> полк из застенка Плиса в 1 час 50 минут ночи выступил через Медвежино к <деревне> Осиповичи и овладел с боя этой деревней и застенком Ручевой⁵¹.

На левом фланге атакующих Вилейку войск находился, как сказано выше, <304-й пехотный> Новгород-Северский полк, имея в первой линии 3 ½ роты, а слева уступом — 3 роты в резерве. 1 ½ роты были у з[астенка] Ставского.

Около двух часов дня противник повел энергичное наступление во фланг 3-й роты, бывшей на правом фланге боевой части полка, восточнее железной дороги, но эта атака была отбита огнем.

Понесенные при утренней атаке <180-м пехотным> Виндавским и <304-м пехотным> Новгород-Северскими полками большие потери, а также выяснившееся из опроса пленных и упорного сопротивления противника значительное усиление пехоты германцев у Вилейки, вызвали необходимость, в свою очередь, подкрепить участок полковника Фроста 1-го, чтобы достаточными силами поскорее покончить с Вилейкой. Из корпусного резерва был направлен 1-й батальон 178-го пехотного Венденского полка в распоряжение начальника боевой линии. Примерно в 2 часа дня подполковник Фрост 1-й 8-ю роту <178-го пехотного> Венденского полка под командой прапорщика Максимова⁵² выделил в распоряжение командира 1-го батальона <180-го пехотного> Виндавского полка штабс-капитана Розенфельда⁵³, а остальными тремя ротами венденцев усилил командующего <304-м пехотным> Новгород-Северским полком и приказал: 2-му батальону виндавцев атаковать Вилейку с юга, 1-му — с юго-запада, а 4-му <304-му пехотному Новгород-Северскому> полку — с запада, с охватом противника и с северо-западной стороны.

Главным пунктом удара была намечена исходящая юго-западная часть Вилейки, куда и приказано было начальнику артиллерии направить сосредоточенный огонь всех батарей.

Около четырех часов дня противник вновь повел наступление на новгородсеверцев, но уже на левый их фланг; две крайние роты, загнув свои фланги, встретили атакующих сильным огнем, а затем, будучи подкреплены одной ротой из резерва, перешли в контратаку и опро-

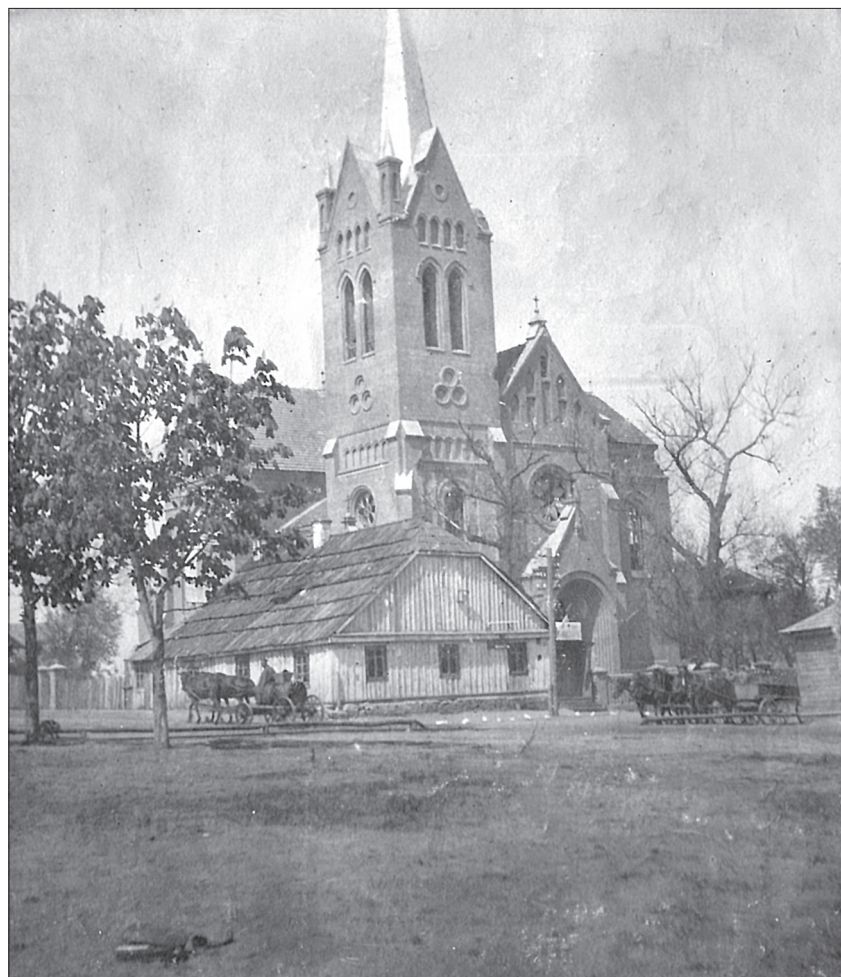

Прапорщик С.К. Максимов, герой боя за станцию Вилейка

Братская могила солдат 304-го пехотного Новгород-Северского полка у д. Жерствянка. Современная фотография

кинули противника к лесу, что у застенка Жерствянка⁵⁴; противник, получивший подкрепление, снова атаковал 4-й <304-й пехотный Новгород-Северский> полк, но, потеряв много убитыми и взятыми в плен, отступил к упомянутому лесу и продолжал лишь сильную перестрелку; между тем все части, предназначенные для атаки Вилейки и не перестававшие сближаться с противником, подошли к 3½ часам дня на дистанцию атаки.

**Костел Воздвижения Св. Креста в Вилейке,
поврежденный артиллерией в ходе боев за город. Сентябрь 1915 г.**

Артиллерия сосредоточила ураганный огонь по окраине Вилейки, причем особенно действительные результаты дал меткий огонь Ивангородских тяжелых батарей, корректируемый из пехотных целей подпоручиком Шпаковским⁵⁵; окрестные строения города скоро были разрушены, противник нёс большие потери⁵⁶.

В 4 ½ часа дня подполковник Фрост 1-й приказал штурмовать город.

Роты <180-го пехотного> Виндавского полка и 8-я рота <178-го пехотного> Венденского, увлекаемые примером своих офицеров, рванули вперед, и через несколько минут окраина Вилейки была в наших руках, но сбитый противник отошел внутрь города, цепляясь за каждый дом; завязался ожесточенный штыковой бой, продолжавшийся более 15 минут, однако немцы уже не могли остановить нашего натиска и стали очищать город.

Командир роты венденцев прапорщик Максимов одним из первых, с восемью своими молодцами, быстро выдвинулся на северную окраину Вилейки, где увидел стрелявшую немецкую гаубичную батарею и бросился к ней; в это время на батарею подавались передки; прапорщик Максимов немедленно обстрелял их, вследствие чего прислуга бросила орудия и передки и бежала. Одновременно с этим шел упорный кровавый бой первого батальона виндавцев за железнодорожную станцию Вилейка, два раза переходившую из рук в руки и в конце концов оставшуюся за нами.

Штабс-капитан Розенфельд, получив донесение прапорщика Максимова о захвате батареи, направил один взвод к нему на поддержку; прапорщик Максимов этим взводом, а также перемешавшимися людьми Виндавского, Венденского и Новгород-Северского полков занял позицию по полотну железной дороги северо-западнее города и удерживал ее более двух часов, отбивая попытки германцев перейти в контратаку и вернуть потерянные орудия, пока не прибыл из корпусного резерва еще один батальон <178-го пехотного> Венденского полка.

Из 4-го <304-го пехотного Новгород-Северского> полка, ввиду того что он принужден был со стороны деревни и господского двора Порса⁵⁷

**Дорога на железнодорожную станцию Вилейка.
Вид на вокзал и водонапорную башню. Фото Б. Бермана**

отражать яростные атаки противника силою в несколько батальонов, стремившегося выйти во фланг и тыл частям, атаковавшим Вилейку, чем в значительной степени и был обеспечен успех штурма Вилейки, непосредственное участие в ударе, собственно, на город приняла только одна 7-я рота; 4-я рота этого полка, находившаяся на крайнем правом фланге у застенка Ставского, перебежавши, совместно с виндавцами, постоянный мост около Вилейки, разрушить который противник не успел, участвовала в атаке города с юго-востока и, пройдя его насквозь, выбила противника из кладбища, где он еще пытался удержаться.

Около четырех часов дня, после того как части 18-й пехотной дивизии взяли <деревню> Малмыги, <179-й пехотный> Усть-Двинский полк, фланг которого был теперь обеспечен со стороны последней деревни, бросился в атаку на <деревню> Холопы, штыками выбил немцев и, преследуя их, захватил Чернохвостово⁵⁸ и Волковщину. После овладения Вилейкой и указанными выше деревнями части группы приступили к закреплению занятых позиций. Дальнейшее и немедленное наступление их к северу представлялось рискованным ввиду того, что высланной разведкой было выяснено, что германцы занимают командующие и укрепленные высоты севернее Вилейки у <господского двора> Порса.

Поэтому необходимо было произвести более тщательную разведку их позиций и подготовить наступление артиллерийским огнем, а это, вследствие наступления темноты, оказывалось невозможным; кроме того, опросом пленных, только что взятых, было установлено присутствие свежих частей 115-й германской дивизии севернее Вилейки, что подтверждалось наличием среди них нижних чинов 171-го пехотного и 40-го ландверного полков.

В бою за Вилейку была захвачена четырехорудийная гаубичная батарея, 4 передка, 3 зарядных ящика, 3 пулемета, около 200 пленных и значительные запасы.

Сравнительно небольшое число пленных объясняется тем, что бой на улицах Вилейки был весьма ожесточенный и масса германцев была переколота штыками; по показаниям пленных, немногим людям 171-го полка удалось уйти из Вилейки живыми.

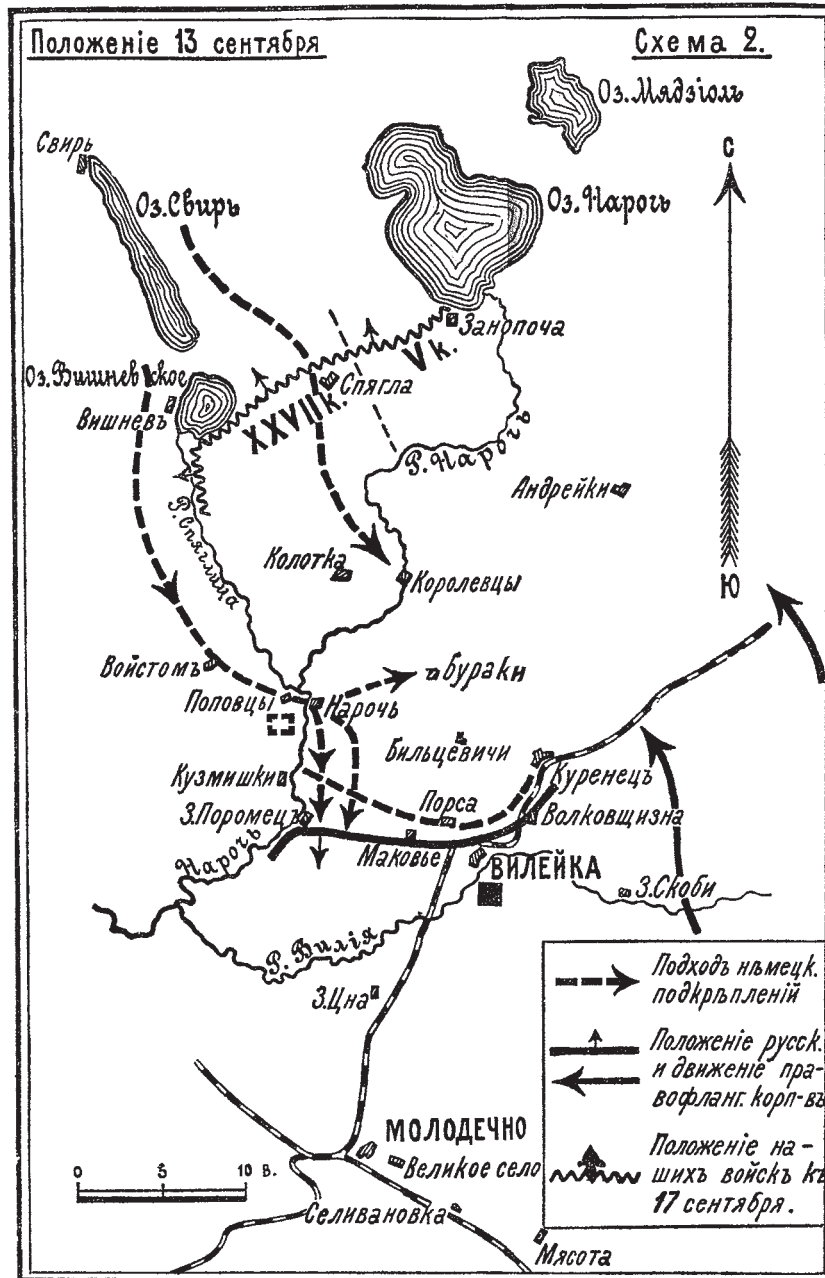
Наши потери были: 14 офицеров, из них четверо убито, и 1127 нижних чинов, в числе которых 211 убито и 87 пропало без вести⁵⁹.

Из настоящего очерка видно, что в атаке Вилейки принимали участие всего лишь семь батальонов и шесть батарей; потери, в общем, составляли свыше 20 % сражавшихся.

Войска противника, большею частью отборные, воодушевленные предыдущими победами, с большим мужеством и упорством вели бой, и наши небольшие силы имели решительный успех, благодаря главным образом превосходству в артиллерии, которая своими умелыми действиями оказала неоценимую услугу геройской пехоте, слабой числом, но сильной духом.

Так победоносно и блестяще закончился первый наступательный бой, после длительных тяжелых отступлений наших армий. Взятием Вилейки было положено прочное основание для ликвидации смелого Свенцянского прорыва, на который немцы возлагали такие большие надежды.

Маневр немцев, надо отдать им справедливость, был задуман хорошо, подготовлен основательно и веден умело, с проявлением крайней энергии, доходившей до нахальства, но известно, что каждому маневру можно противопоставить соответствующий контрманевр.

Бой у Вилейки. Положеніє противников на 13 (26) сентября 1915 г.

Наше высшее командование и войсковые части, хотя и утомленные беспримерным отступлением, оказались на должной высоте — они показали сильному и смелому, но зарвавшемуся врагу, что до конца борьбы еще далеко и что русская армия умеет не только упорно обороняться, но также при случае энергично наступать и нисколько не потеряла уверенности в своей конечной победе.

К вечеру 10 сентября части XXVII корпуса достигли линии Холопки — г. Вилейка — Теклинополь — Уречье; а с шести часов утра 11 сентября было приказано продолжать наступление на фронт между озерами Нарочь и Вишневское, причем XIV корпус, двигавшийся правее нас, должен был действовать во фланг противнику.

Немцы, получившие подкрепления, продолжали упорно сопротивляться, а потому наступление 2-й армии развивалось очень медленно. Атаки XXVII корпуса — ночная и утренняя — в пять часов утра 12 сентября на позиции у <господского двора> Порса не удались.

Спешно со всех сторон уже подходили наши корпуса, но им приходилось преодолевать большие расстояния, при крайне пересеченной местности и по плохим, тяжелым дорогам, а потому и неудивительно, что наступление шло медленно и директивы, слишком упреждавшие события, но в которых неуклонно проводилась одна мысль: всем настойчиво наступать на указанном фронте, — далеко не всегда выполнялись.

Поступали сведения от воздушной разведки о подходящих еще к противнику значительных силах; так, была замечена в направлении от м[естечка] Спягла на Вилейку колонна до 6—7 верст длиною, а затем 12 сентября обнаружено движение около корпуса на дороге Вишнево—Войстом—Нарочь, причем указывалось, что части противника располагаются на биваке у <деревни> Поповцы⁶⁰, а небольшая колонна его — в движении на застенки Бураки.

Для дальнейших действий на правом фланге 2-й армии была образована группа из 14-го, 27-го и 5-го армейских корпусов⁶¹, с Уральской казачьей дивизией, под начальством командира XIV корпуса, которому приказано решительно и энергично наступать на фронт озеро Нарочь — оз[еро] Вишневское.

Герои-авиаторы Л. Дюсиметьер и А. Пуарэ, награжденные Георгиевским оружием за проведение разведки у д. Нарочь и Поповцы в сентябре 1915 г.

Начальник группы, желая скорее выйти во фланг немцев и отбросить их на запад, двинул и V корпус в с[еверо]-в[осточном] направлении на свой правый фланг, а между тем немцы, получившие подкрепление со стороны <местечка> Нароча⁶², стали надавливать на левый фланг XXVII корпуса — сперва от <застенка> Жерствянка, а затем со стороны <деревень> Баровцы и Уречье; корпус в это время был растянут на 13—14 верст и резерва не имел.

Явилась опасность, что немцы могут ударить в направлении на Молодечно и что слабая и разбросанная N <76-я> дивизия едва ли будет в состоянии их сдержать. Действительно, 13 сентября противник сильно потеснил части N <76-й> дивизии, которые, понеся большие потери, подались несколько назад.

Было приказано упорно задерживаться на линии Избище⁶³ — Принта и об ухудшении положения донесено начальнику группы; последний обещал поддержку и при-

П.С. Балугев

И.П. Войшин-Мурдас-Жилинский

казал XXVII корпусу проявить всю энергию, дабы удержать противника, наступающего на Вилейку.

Во исполнение этого последовал по XXVII корпусу дополнительный приказ: 45-й дивизии удерживаться по линии Волковщина — Маковье, а N <76-й> дивизии — на линии Маковье — Паромец⁶⁴. Противник в этом направлении на другой день не наступал. Утром 15 сентября было получено известие, что немцы очистили свои окопы севернее Вилейки и поспешно отступили, бросая

зарядные ящики, повозки, снаряды; видно, дальний охват их левого фланга оказал большое влияние.

Мы продолжали настойчиво их преследовать, но противнику все-таки удалось удержаться на линии озер Вишневское — Нарочь — Мядел. 2-я армия приостановила, согласно директиве главнокомандующего, свое движение и, закрепившись на позициях между этими озерами, энергично приступила к пополнению своих рядов и приведению в порядок материальной части с целью подготовить успех будущих действий, чтобы дать Родине окончательную победу, памятуя замечательные царские слова — «без победы не может быть и не будет мира».

Примечания

¹ Редигер Александр Федорович (1853—1920) — полковник (1884), генерал-майор (1893), делопроизводитель канцелярии Военного министерства в 1884—1897 гг., помощник начальника канцелярии Военного министерства в 1897—1898 гг., начальник канцелярии Военного министерства в 1889—1905 гг. Военный министр в 1905—1909 гг., генерал от инфантерии (1907).

² Лобко Павел Львович (1838—1905) — генерал-лейтенант (1889), начальник канцелярии Военного министерства в 1884—1898 гг. Впоследствии — генерал

от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1905), Государственный контролер в 1899—1905 гг.

³ Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920) — полковник (1890), младший делопроизводитель канцелярии военно-учетного комитета Главного штаба в 1890—1893 гг., старший делопроизводитель канцелярии военно-учетного комитета Главного штаба в 1893—1894 гг., начальник отделения Главного штаба в 1894—1899 гг., главный редактор печатных органов Военного министерства — журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид» в 1899—1904 гг. Впоследствии — генерал от инфантерии (1911), военный министр в 1915—1916 гг.

⁴ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле. 1999. — С. 201—202.

⁵ Там же. С. 252.

⁶ Данилов Николай Александрович (1867—1934) — капитан Генерального штаба (1893), и.д. помощника делопроизводителя старшего оклада канцелярии Военного министерства в 1897—1902 гг., полковник (1902). С 1901 г. — экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1912 г. — заслуженный профессор и почетный член Конференции Николаевской академии Генерального штаба. Генерал от инфантерии (1914), главный начальник снабжения Северо-Западного фронта в 1914—1916 гг., в советское время — профессор Военной академии РККА, инспектор штаба РККА в 1931—1933 гг.

⁷ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. С. 257.

⁸ Там же. С. 330.

⁹ Там же. С. 346.

¹⁰ См.: *Баланин Д.В.* Военная игра в поле // Разведчик. № 1000. 1909. С. 746—749; *Баланин Д.В.* К Балканским событиям // Разведчик. № 1177. 1913. С. 318—319; *Баланин Д.В.* наброски из войсковой жизни. Часть 1 // Разведчик. № 1178. 1913. С. 329; *Баланин Д.В.* наброски из войсковой жизни. Часть 2. Инициатива // Разведчик. № 1186. 1913. С. 443—445; *Баланин Д.В.* наброски из войсковой жизни. Часть 4. Служба и дружба // Разведчик. № 1226. 1914. С. 272—273.

¹¹ *Баланин Д.В.* Преследование. Эпизоды из боевой жизни // Разведчик. № 1254. 1914. С. 781; *Баланин Д.В.* Молодечно // Военный сборник. № 9. 1916. С. 41—49; *Баланин Д.В.* Вилейка. Бой 10 сентября 1915 года // Военный сборник. № 10. 1916. С. 41—52, схемы; *Баланин Д.В.* Спасение г. Варшавы от захвата ее немцами в 1914 г. // Военное дело. Сборник статей по военному искусству. Вып. 2. М., 1920. С. 180—189.

¹² Лида — уездный город Виленской губернии, ныне районный центр в Гродненской области (Беларусь).

¹³ Молодечно — местечко и железнодорожная станция в Вилейском уезде Виленской губернии, ныне районный центр в Минской области (Беларусь).

¹⁴ Полоцк — уездный город Витебской губернии, ныне районный центр в Витебской области (Беларусь).

¹⁵ Минск — губернский город Минской губернии, ныне столица Республики Беларусь.

¹⁶ Вильно — губернский город Виленской губернии, ныне Вильнюс, столица Литовской Республики.

¹⁷ Сморгонь — безуездный город и железнодорожная станция в Ошмянском уезде Виленской губернии, ныне районный центр в Гродненской области (Беларусь).

¹⁸ Статья печатается с небольшими изменениями. Так, у автора 76-я дивизия и 76-я артиллерийская бригада значатся как N-ская дивизия и артбригада соответственно. Это касается и 301—304-го полков, упоминающихся в оригинале как 1-й, 2-й, 3-й и 4-й полки соответственно. Схемы и номера полков на них приведены без изменений. Состав XXVII корпуса приведен в Приложении 1.

¹⁹ Баровцы, Кузьмишки — деревни, ныне находятся в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²⁰ Ставский — застенок, ныне в черте города Вилейки, микрорайон Ставки.

²¹ Доманово — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²² Плиса — застенок, ныне Плёсы (нежилой) в Молодечненском районе Минской области (Беларусь).

²³ Слободка — деревня, ныне в Молодечненском районе Минской области (Беларусь).

²⁴ Шведы, Трепалово — деревня и застенок, ныне — деревни, находятся в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²⁵ Селивоновка — деревня, ныне в Молодечненском районе Минской области (Беларусь).

²⁶ Понятичи — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²⁷ Великое Село — деревня, ныне в Молодечненском районе Минской области (Беларусь).

²⁸ Андрейки — деревня, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

²⁹ Колодка — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

³⁰ Орановский 2-й Владимир Алоизиевич (1866—1917) — генерал от кавалерии (1914). Участник Китайского похода 1900—1901 гг. и Русско-японской войны, был награжден Золотым оружием (1906) и орденом Св. Георгия 4-й ст. (1906). И.д. начальника штаба Северо-Западного фронта в 1914—1915 гг., с января 1915 г. командовал 1-м кавалерийским корпусом, с апреля 1917 г. — XXXXII отдельным армейским корпусом в Финляндии. В августе 1917 г. после подавления выступления генерала Л.Г. Корнилова был арестован в Выборге, подвергнут издевательствам и убит.

³¹ Куренец, Бильцевичи, Баровцы — местечко и две деревни, ныне — три деревни в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

³² Баранцы, Осиповичи — деревни, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

³³ Долгое — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

³⁴ Николаев Павел Тимофеевич (1862—1916) — генерал-лейтенант (1915). Участник Русско-японской войны, был награжден Золотым оружием (1906). Начальник 45-й пехотной дивизии в 1914—1916 гг., кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1914).

³⁵ Цна — застенок, ныне деревня в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

³⁶ Чижевичи — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

³⁷ Малмыги — деревня, ныне не существует, была затоплена при постройке Вилейского водохранилища.

³⁸ Мясота — деревня, ныне в Молодечненском районе Минской области (Беларусь).

³⁹ Матчицы — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁴⁰ Ольшино — застенок, ныне не существует, затоплен при постройке Вилейского водохранилища.

⁴¹ Глинный, Смердия — застенки, ныне деревни в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁴² Даценко Иван Дмитриевич (1867—1918) — полковник (1915), командир 179-го Усть-Двинского полка в 1915—1917 гг. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1915) и Георгиевского оружия (1916). Впоследствии — генерал-майор (1917), командир бригады 20-й Сибирской стрелковой дивизии, позднее командир 113-й пехотной дивизии. Погиб в годы Гражданской войны.

⁴³ Волковщина — деревня, ныне в черте города Вилейки, микрорайон Волковщина.

⁴⁴ Буткевич Карл-Павел Карлович (1868—?) — полковник (1915). Участник Русско-японской войны. До начала Первой мировой войны проходил службу в 160-м пехотном Абхазском полку, в 1914 г. был переведен в развернутый на его базе 304-й пехотный Новгород-Северский полк. В сентябре 1915 г. — подполковник, командир 304-го пехотного Новгород-Северского полка.

⁴⁵ Красный Бережок — застенок, ныне деревня в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁴⁶ Панькова Кучка — застенок, ныне деревня Кутьки в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁴⁷ Андреев Иван Никанорович (1864—?) — генерал-майор (1914), командир 45-й артиллерийской бригады в 1914—1917 гг. С февраля 1917 г. — инспектор артиллерии 3-го армейского корпуса.

⁴⁸ Фрост 1-й Григорий Владимирович (1874—1938) — полковник (1915). С 1909 г. служил в 180-м пехотном Виндавском полку, с августа 1915 г. временно командовал им. Награжден Георгиевским оружием (1915) и орденом Св. Георгия 4-й ст. (1916) (описание подвига см. в Приложении 2). В советское время проживал в г. Саранске, работал кассиром. Репрессирован в 1938 г., реабилитирован посмертно в 1990 г.

⁴⁹ Скоби — застенок, ныне не существует, затоплен при постройке Вилейского водохранилища.

⁵⁰ Уречье — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁵¹ Ручевой — деревня и застенок, ныне деревня Ручевые в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁵² Максимов Сергей Константинович (? —?) — подпоручик (1916), командир 8-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1916) (описание подвига см. в Приложении 2).

⁵³ Розенфельд Георгий Александрович (? —?) — штабс-капитан, с августа 1915 г. командир 1-го батальона 180-го пехотного Виндавского полка. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1916) (описание подвига см. в Приложении 2).

⁵⁴ Жерствянка — застенок, ныне деревня в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁵⁵ Шпаковский Борис Федорович (? —?) — поручик 63-й артиллерийской бригады, с августа 1915 г. командир 1-й батареи тяжелого запряженного дивизиона Ивангородской крепостной артиллерии. Был награжден чином подпоручика «за бои 8—10 февраля 1915 г. под Праснышем». За отличие во 2-м Ивангородском отдельном тяжелом артиллерийском дивизионе был награжден Георгиевским оружием (описание подвига см. в Приложении 2).

⁵⁶ Среди строений, получивших повреждения в городе во время артиллерийского огня, оказалось и здание костела Воздвижения Святого Креста, у которого была разрушена одна из башенок (см. фото).

⁵⁷ Порса — деревня и господский двор, ныне деревня, пригород города Вилейка (Беларусь).

⁵⁸ Холопы, Чернохвостово — деревни, ныне в черте города Вилейки.

⁵⁹ Удалось уточнить фамилии и места погребения лишь части погибших. См. Приложение 3.

⁶⁰ Донесение капитана Генерального штаба Дюсиметьера. (Примеч. Д.В. Баланина.) Дюсиметьер Леон (Лев) Павлович (1883 — после 1930) — капитан Генерального штаба (1915), в 1915 г. командовал авиационной группой 2-й армии. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (1915) и Георгиевским оружием (1916) (описание подвига см. в Приложении 2). Впоследствии — полковник (1916), участник Белого движения на юге России и в Сибири. Умер в эмиграции в Шанхае (Китай).

⁶¹ Из цензурных соображений Д.В. Баланин не называет имен командира группы и командиров корпусов. Группой командовал Войшин-Мурдас-

Жилинский Ипполит Паулинович (1856—1926) — генерал от инфантерии (1913), участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., командир XIV армейского корпуса в 1912—1917 гг., кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. После Октябрьской революции 1917 г. — в РККА, преподавал тактику на Нижегородских командных курсах. Умер в Нижнем Новгороде, похоронен на местном лютеранском кладбище.

Значительная роль в боевой работе группы принадлежала Балуюеву Петру Семеновичу (1857—1923) — генералу от инфантерии (1913), участнику Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., командиру V армейского корпуса в 1914—1917 гг., награжденному Георгиевским оружием (1916) и орденом Св. Георгия 4-й ст. (1916). Впоследствии, в марте—июле 1917 г., командовал Особой армией, в июле—августе 1917 г. — 11-й армией, в августе—ноябре 1917 г. — Западным фронтом. С 1919 г. служил в РККА. В 1920 г. входил в состав Особого совещания при главкоме вооруженных сил Республики, в дальнейшем находился на преподавательской работе.

Также необходимо отметить деятельность Иванова Александра Михайловича (1872—?) — генерал-майора (1915), начальника штаба XXVII армейского корпуса в 1915—1917 гг., награжденного Георгиевским оружием (1917). Впоследствии, с января 1917 г., он командовал 187-й пехотной дивизией. С 1918 г. добровольно служил в РККА.

⁶² Нароча — местечко, ныне агрогородок Нарочь в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁶³ Избище — застенок, ныне деревня Избино в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁶⁴ Паромец — застенок, ныне деревня в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

Глава II

СКРОМНЫЙ ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ КЛУГЕ

Константин Иванович Клуге родился 30 мая 1884 года в Санкт-Петербурге в семье выходца из Пруссии Иоганна-Христиана Клуге, ставшего в России купцом 2-й гильдии и совладельцем фирмы по торговле бессарабскими винами «Шеффер и Фосс». Мать будущего героя войны Ольга Константиновна происходила из купеческой семьи Овчинниковых. Вместе с Константином воспитывались брат Владимир и сестра Наталья.

К.И. Клуге. Сентябрь 1914 г.

Константин Клуге окончил гимназию в Кишиневе и в августе 1904 года поступил на военную службу вольноопределяющимся в Варшавское крепостное управление. По истечении положенного по закону срока службы в январе 1906 года он был уволен в запас в звании кондуктора (унтер-офицера инженерных войск).

Видимо, близкое соприкосновение с военной средой произвело на сына бессарабского винооторговца благоприятное впечатление, и он озаботился получением необходимого образования для производства в офицерский чин. В июле 1906 года К.И. Клуге поступил в Киевское военное училище. Два года спустя он окончил курс со званием

старшего портупей-юнкера. В июле 1908 года К.И. Клуге был произведен в подпоручики со старшинством в чине с 14 июня 1907 года. В 1909 году молодой офицер служил во 2-м Варшавском крепостном пехотном полку, а в 1910 году уже в 116-м пехотном Малоярославском полку, расквартированном в Риге — губернском городе Лифляндской губернии и неофициальной столице Прибалтийского края. В 1911 году К.И. Клуге был произведен в чин поручика. Год спустя в этом чине он вышел в отставку по семейным обстоятельствам.

Однако долго оставаться в стороне от военной службы К.И. Клуге не пришлось. С началом Первой мировой войны в августе 1914 года запасные офицеры вновь были призваны в армейские ряды. Поручик Клуге получил назначение в 304-й Новгород-Северский полк 76-й пехотной дивизии, которая входила в состав XXVII армейского корпуса.

В сентябре 1915 года К.И. Клуге командовал 3-м батальоном 304-го пехотного Новгород-Северского полка. В ходе операций по ликвидации Свенцянского прорыва его личная храбрость была отмечена самой престижной воинской наградой России. Высочайшим приказом от 3 ноября 1916 года поручик Клуге был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени *«за то, что, будучи в чине поручика, в бою 13-го Сентября 1915 года у д. Уречье, с командуемым им батальоном, будучи под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника, по собственному почину перешел в решительную контратаку, штыками выбил его из занятых им окопов и тем восстановил прежнее положение и предотвратил возможность нашего отступления по всему фронту»*.

Этому памятного для него бою и последующим событиям сам К.И. Клуге посвятил свои воспоминания, записанные в эмиграции в 1957 году. Их он писал по памяти уже в довольно преклонных годах. Даже если какие-то детали военных событий стерлись в его памяти за давностью лет, ему удалось оставить потомкам уникальный документ, удивительно точно передающий дух ушедшей эпохи.

В конце 1915 года К.И. Клуге был тяжело ранен на фронте и эвакуирован в тыл. Как георгиевского кавалера его направили на излечение

в Дворцовый госпиталь в Царском Селе. В семье потомков офицера сохраняется предание, что в этот период ему довелось лично общаться с императрицей Александрой Федоровной и ее дочерьми — великими княжнами, выполнявшими в госпитале обязанности сестер милосердия. Оправившись после ранения, К.И. Клуге принимал участие в заседаниях главной Георгиевской думы в Петрограде.

В 1916 году К.И. Клуге был произведен в штабс-капитаны со старшинством в чине с 14 июня 1915 года. Февральская революция 1917 года застала его на службе в 38-м инженерном полку. При Временном правительстве он успел прослушать курсы 3-й очереди при Николаевской военной академии, однако применить полученные знания против внешнего врага не успел — бывшая Русская императорская армия, пораженная смертельным вирусом анархии, разваливалась на глазах. На память о ее ушедшей славе у К.И. Клуге остались боевые награды: помимо ордена Св. Георгия 4-й степени — пять орденов с мечами (Св. Станислава и Св. Анны различных степеней), заслуженных в делах против неприятеля.

Октябрьская революция 1917 года, приведшая к власти партию большевиков, заставила К.И. Клуге примкнуть к Белому движению. В 1918 году он исполнял должность начальника штаба 1-й отдельной Забайкальской казачьей бригады на Восточном фронте — в составе войск Временного российского правительства (Директории), а позднее — Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака, провозглашенного диктатором Белой Сибири. 17 марта 1919 года «за боевые заслуги в делах против большевиков» К.И. Клуге был произведен в капитаны со старшинством в чине с 25 октября 1917 года.

После разгрома сибирских белых армий К.И. Клуге оказался в войсках атамана Г.И. Семенова, которому незадолго до своей гибели адмирал А.В. Колчак передал «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Краины, объединенной российской верховной властью». Белое движение агонизировало. Тем не менее в семеновских отрядах сохранялась видимость регулярной армии и даже имелся свой Генеральный штаб. К нему и был причислен имевший какое-никакое академическое военное образование

К.И. Клуге приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа № 79 от 23 января 1920 года. В том же 1920 году боевой офицер и георгиевский кавалер успел получить от Г.И. Семенова чин полковника Генерального штаба. Конечно, распущенное, полупартизанское воинство забайкальского атамана было лишь тенью прежнего величия Русской императорской армии, а ценность чиновничества в нем — весьма относительной. Однако этот чин стал венцом военной карьеры К.И. Клуге.

Осенью 1920 года остатки семеновских отрядов были окончательно разбиты красными и отступили из Забайкалья в Маньчжурию. Вместе с ними в Китай попал и К.И. Клуге. Первые четыре года эмиграции он служил в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Бывший боевой офицер работал учителем средней школы в поселке при станции Имяньпо близ Харбина. Константин Иванович преподавал несколько дисциплин, в том числе математику, географию и графические искусства. В этом ему немало помогало отличное генштабовское образование. Однако после того, как в мае 1924 года СССР и Китай подписали «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», по которому между двумя странами восстанавливались дипломатические отношения, а прежние российские концессии ликвидировались, КВЖД перешла под управление советской стороны. К.И. Клуге был уволен с работы, так как не был ни гражданином СССР, ни Китая.

В 1924 году бывший белый офицер с семьей переехал в Шанхай, где поселился во французской концессии. Поначалу он работал чертежником в старинной английской архитектурной фирме «Дэвис и Брук», затем в американской компании «Гоббс и К^о», торговавшей автоматическими мельницами. Однако большую часть китайского периода своей жизни, растянувшегося на 22 года, К.И. Клуге проработал на разных должностях во французской трамвайной компании. Одновременно вместе с сыновьями он служил в русской волонтерской роте, охранявшей французскую часть шанхайского сэттльмента. В семье потомков Клуге сохранилась фотография, на которой запечатлены «французские

К.И. Клуге в годы работы на КВЖД

**К.И. Клуге с сыновьями
Константином и Михаилом
в русской волонтерской роте
французской концессии в Шанхае.
1930-е гг.**

К.И. Клуге в Шанхае. 1930-е гг.

волонтеры» Константин Иванович, Константин Константинович и Михаил Константинович.

К.И. Клуге участвовал в работе нескольких общественных организаций русской эмиграции. Он был членом Офицерского собрания в Шанхае, возглавлял учебный отдел Русской эмигрантской ассоциации. Хотя сам К.И. Клуге признавался, что общественная и политическая работа была ему не по душе. С ностальгией он вспоминал о Русской императорской армии, офицеры которой традиционно держались в стороне от политики и общественной деятельности.

Семья К.И. Клуге относительно благополучно пережила японскую оккупацию Шанхая, продолжавшуюся с 1937 по 1945 год. Однако возобновившаяся по окончании Второй мировой войны гражданская война в Китае делала эту страну весьма неудобным местом для проживания русских эмигрантов. В 1949 году, незадолго до того, как гоминьдановские войска сдали Шанхай китайским коммунистам, Русская эмигрантская ассоциация приступила к эвакуации своих членов в более безопасные края. Исполнительный комитет этой организации назначил К.И. Клуге руководителем первой

группы из 900 человек, отправившейся на Филиппины на пароходе «Хвален». Вместе с другими соотечественниками семья Клуге обрела новое временное пристанище на острове Тубабао Филиппинского архипелага.

В 1950 году К.И. Клуге с семьей переехал в США, где обосновался в Сан-Франциско. Здесь он прожил последнее десятилетие своей бурной жизни и скончался 20 ноября 1960 года. Надгробие георгиевского кавалера К.И. Клуге и в наши дни можно видеть на православном Сербском кладбище в Сан-Франциско.

Праздник Союза георгиевских кавалеров. Шанхай, 1933 г. В первом ряду слева направо: подполковник Л.В. Сейфуллин, генерал-майор Н.М. Соколов, генерал-майор Л.А. Гаффнер, генерал-лейтенант Г.П. Жуков, генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, генерал-майор В.В. Зимин, генерал-майор Л.М. Адамович; во втором ряду: генерал-майор К.В. Сахаров, полковник В.Г. Боровиков, неизвестный, контр-адмирал М.И. Федорович, капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин; в третьем ряду: полковник К.И. Клуге, полковник А.Н. Сперанский, капитан В.В. Федуленко

**К.И. Клуге с первой женой
Любовью Константиновной.
Ст. Имяньпо в Маньчжурии, 1922 г.**

К.И. Клуге был женат дважды. Его первой супругой еще во время службы в Риге стала учительница словесности Любовь Константиновна Игнатьева. Вместе они прожили более 10 лет. В 1914—1915 годах Л.К. Клуге с детьми проживала в Гатчине, где служила наставницей юного графа Георгия Брасова, сына великого князя Михаила Александровича от мorganатического брака. В 1919 году она оказалась в Сибири, а в следующем году отправилась с мужем в эмиграцию. Любовь Константиновна умерла в Китае в июле 1922 года.

Летом 1923 года второй женой К.И. Клуге стала княжна Наталья Николаевна Кекуатова. Ее отец генерал-майор князь Николай Александрович Кекуатов (1869—1922) был участником Первой мировой войны, с 1918 года нес службу на КВЖД, мать — княгиня Любовь Михайловна Кекуатова (в девичестве Паварова) — была дочерью статского советника.

Князь Н.А. Кекуатов

Нелегкая эмигрантская судьба разбросала детей К.И. Клуге по разным странам и континентам. Наибольшую известность среди них получил старший сын Константин Константинович Клуге (1912—2003), ставший известным французским художником, архитектором и литератором. Его насыщенная событиями биография укладывается в фразу, избранную им в качестве названия одной из своих автобиографических

книг: «Записки русского художника, выросшего в Китае, окончившего Парижскую академию искусств, работавшего в Шанхае, Гонконге, Чикаго, Нью-Йорке и Париже, история его творческого пути и философских исканий».

В 1923—1930 годах Константин Клуге учился во французском колледже в Шанхае, занимался рисунком в Арт-клубе под руководством художника В.С. Подгурского. В 1931—1937 годах он продолжил обучение в Парижской академии искусств.

Княгиня Л.М. Кескутова

В 1938 году К.К. Клуге вернулся в Шанхай, где работал в строительном отделе муниципалитета, вместе с отцом служил в русской волонтерской роте французской концессии. Все это время он не оставлял занятий живописью. В 1943 году К.К. Клуге познакомился с французским католическим философом П. Тейяром де Шарденом, который оказал значительное влияние на его мировоззрение и увлек философско-теологическими исканиями.

В 1945 году К.К. Клуге успешно провел свою первую персональную выставку и в следующем году переехал в Гонконг, где устроился архитектором в одну из строительных компаний. С 1950 года художник постоянно проживал в Париже. Его работы привлекли внимание публики и художественной критики на Парижском салоне 1951 года. В 1959 году вышла в свет книга К.К. Клуге «Коммунизм Христа», ставшая итогом его многолетних размышлений над главами Нового Завета. В 1961 году он был удостоен серебряной, а в 1962 году — золотой медали салона Общества французских художников. Французские критики называли Константина Клуге «художником поэтического реализма». Особенно хорошо ему удавались портреты и парижские виды, полные солнечного света и весеннего воздуха.

В 1964 году К.К. Клуге принял французское гражданство и в следующем году поселился в построенном по собственному проекту доме с мастерской близ старинного городка Санлис под Парижем. В 1966 и 1968 годах художник провел успешные персональные выставки в галерее «Ф. Валли» в Нью-Йорке. В последующие годы он работал над книгами философского и автобиографического характера. В 1990 году президент Французской Республики Ф. Миттеран отметил заслуги К.К. Клуге перед французским искусством орденом Почётного легиона.

Другой сын К.И. Клуге, Михаил Константинович, также в молодости служил в русской волонтерской роте французской концессии в Шанхае. В конце 1940-х годов он эмигрировал в США, где составил себе состояние, занимаясь развитием туризма на острове Антигуа в Карибском море. С 1971 года М.К. Клуге был совладельцем компании *Half Moon Bay Holdings Ltd.*, остававшейся флагманом антигуанского туристического бизнеса вплоть до середины 1990-х годов.

Отдельного рассказа заслуживает дочь К.И. Клуге от второго брака Ольга Константиновна. Она родилась в Шанхае в 1931 году. С 1949 года проживала с семьей отца на Филиппинах. Здесь ее мужем стал еще один потомок эмигрантов из России — Алексей Григорьевич Пронин. С Филиппин семья Прониных переехала в Австралию, где и живет в настоящее время. Пронины владеют семейным книжным бизнесом, который ведут на международном уровне сыновья Ольги Константиновны Николай и Михаил. Авторы настоящего сборника признательны Ольге Константиновне Прониной за любезно предоставленные материалы, позволяющие познакомиться с воспоминаниями ее отца о Первой мировой войне. Их копии отныне будут храниться в Вилейском краеведческом музее.

Воспоминания К.И. Клуге о сентябрьских боях 1915 года на Вилейщине и заседании Георгиевской думы в Петрограде воспроизводятся по авторской рукописи и полностью публикуются впервые.

Семья Прониных: Ольга Константиновна с мужем Алексеем Григорьевичем

**Описание боев 3-го батальона
304-го Новгород-Северского полка
25 сентября 1915 года¹**

Было это осенью. Россия была в войне с Германией.

Русская армии отходили под натиском наступавших германцев. Наш полк отходил в арьергардах на восток из Привисленского края (нашего передового военного театра)².

Наконец нашу дивизию посадили в эшелоны и повезли, как нам было сказано, к Двинску³, во фланг наступавших немцев, т.к. обнаружился большой прорыв фронта у Свенцяи.

Прибыв на станцию Молодечно, наши эшелоны оказались неожиданно под шрапнельным огнем неприятельской артиллерии.

Спешно выгрузившись, наши части повели наступление вдоль шоссе Молодечно—Вилейка.

Противник отступал, он был в невыгодных условиях, и его конные части с трудом выполняли эту задачу, т.к. справа и слева от шоссе

А.М. фон Гальберг

были кочковатые мокрые болота. На короткое время все остановились вдоль реки Вилейки⁴, куда наши части вошли на плечах отступавших немцев и ворвались в город <Вилейка>, захватив не успевшую сняться с передков неприятельскую тяжелую батарею.

После этих удачных операций дивизия наша встала на позиции и частью в резерве у деревни Уречье.

В частности, наш полк был в этой деревне. Настроение у всех было приподнятое, полк отдыхал, но не долгим был этот отдых.

Среди дня вызвали командиров 1-го и 3-го батальонов к командиру полка полковнику Буткевичу⁵ (я командовал в тот момент 3-м батальоном), и нам было предложено тянуть жребий, кому идти.

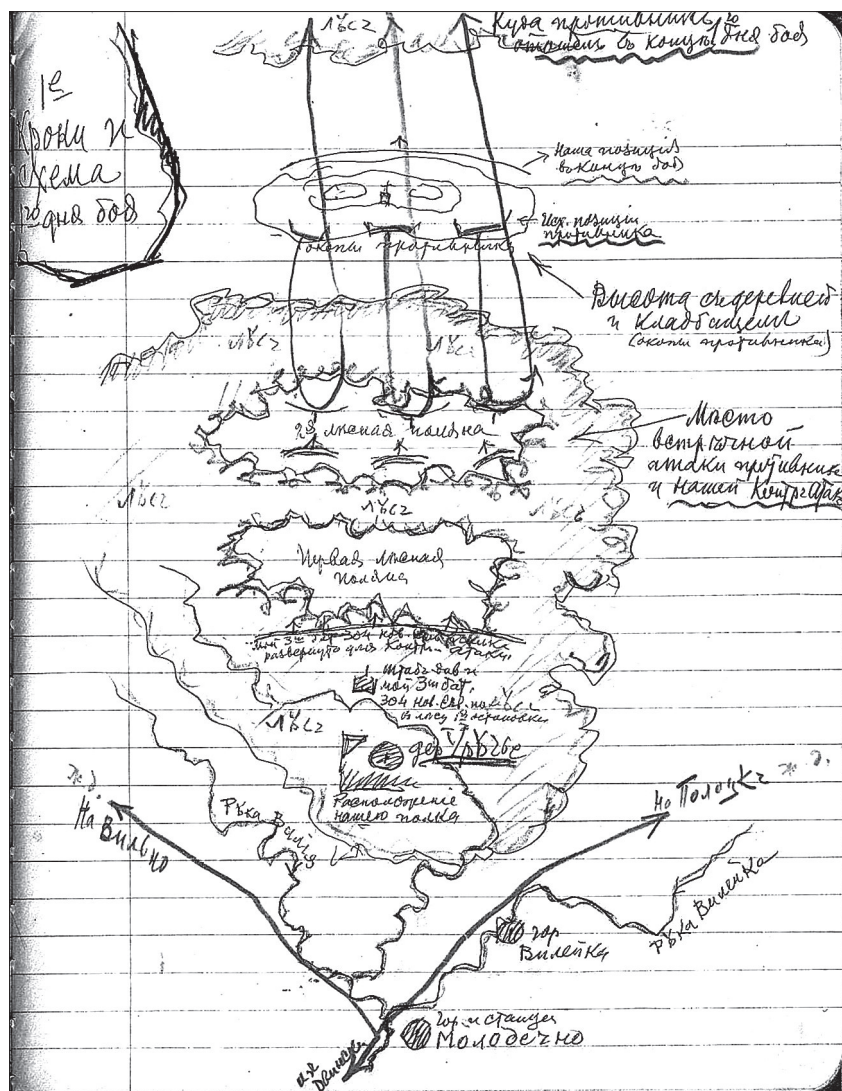
Один батальон предназначаем был в участковый резерв другой бригады. Я вытащил жребий, а командир 1-го батальона подполковник Т. вернулся продолжать отдых со своей частью.

Собрав свой батальон, я двинулся сквозь лес к месту расположения бригадного штаба, в распоряжения которого я был послан, довольно скоро мы туда добрались, и я нашел в землянке бригадного генерала ген.-майора фон Гальберга⁶.

Просил представления и ознакомления с обстановкой по карте, мне было приказано расположить свой батальон невдалеке от штаба бригады в лесу и ждать дальнейших распоряжений.

Пользуясь этой передышкой, решил, что было бы полезно ознакомиться с расположением наших частей не только по карте, а на участке фронта этой бригады, и поэтому попросил разрешения бригадного генерала, и, получив в провозатые солдата-разведчика, я передал временное командование батальонам старшему из своих ротных командиров, а сам направился через лес на звуки редкой артиллерийской перестрелки.

Пройдя лес и его две лесные полянки, я встретил на опушке штаб одного из батальонов, а впереди была видна деревня Спягла, по правой части которой взлетали клубы черной земли и дыма от разрывов снарядов противника. Пройдя в левую часть этой деревни, я встре-

Кроки и схема первого дня боя 304-го пехотного Новгород-Северского полка.
12 (25) сентября 1915 г.

тил на противоположной ее околице окопы наших частей. Пройдя их и осмотрев, я вернулся к своему батальону.

Через ½ часа после этого я услышал усиливающуюся канонаду в стороне позиций наших частей, которые я недавно покинул, и еще через короткое время я был вызван к своему командиру бригады, который сообщил, что противник ураганным огнем заставил наши части покинуть позиции и они, потеряв управление, спешно отступают и через несколько минут будут здесь; что штаб бригады переезжает назад и постарается остановить бегущих и установить наш фронт верстах в трех, а мне приказано двинуться навстречу противнику, остановить его, прикрывая передвижения и перегруппировку отступающих наших частей.

Собрав свой батальон и ознакомив его людей с нашей предстоящей задачей, а также объяснив, что мы можем ежеминутно встретиться с неприятелем, и, что очень важно, развернувшись по фронту, спешно двинуться ему навстречу, и, не дав ему опомниться, атаковать, что и случилось. На первой же лесной поляне произошел короткий штыковой бой, противник остановился и стал спешно отступать.

Минут через пятнадцать роты моего батальона перешли окопы, оставленные недавно отступившими нашими частями.

Впереди противник спешно поднимался на холм, где были его окопы.

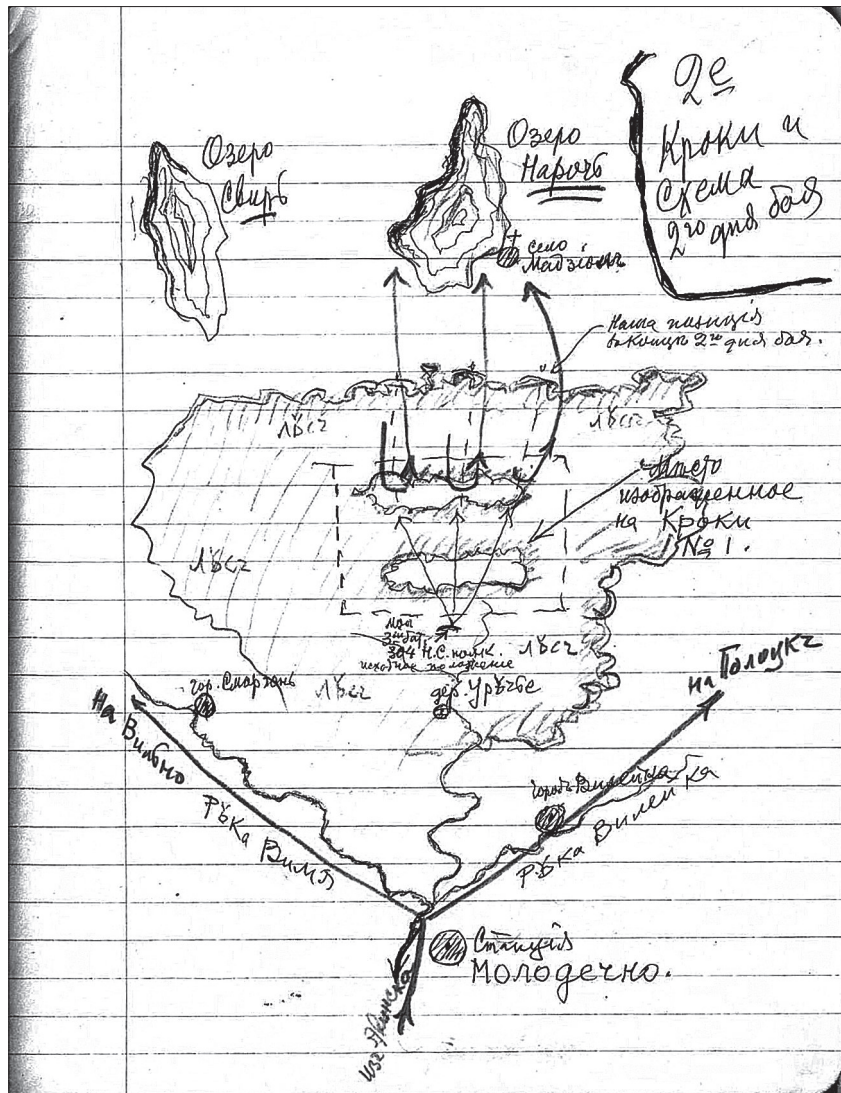
Наши роты преследовали его и не дали ему задержаться. Мы заняли эти окопы и стали укрепляться, а части противника спустились с холма в сторону леса.

Я послал донесение своему командиру бригады, что задачу я выполнил и сообщил об обстановке.

В ответ получил приказание отойти и присоединиться к частям его бригады, которые установили новый фронт в 3 верстах позади, как предполагалось раньше, и меня предупреждали, что какие-то неприятельские кавалерийские части противника появились слева и сзади у меня у переправы.

Оценив обстановку и приняв во внимание, что наш отход не может быть произведен незаметно (нужно было пройти некоторое открытое

пространство), я ответил, что исполню приказание, но только к вечеру, а что появление слева и сзади меня частей противника меня не беспокоит, т.к. за мною густой лес, который я пройду всегда незамеченным.

Кроки и схема второго дня боя 304-го пехотного Новгород-Северского полка.
13 (26) сентября 1915 г.

Вот это вышеизложенное и было принято во внимание при представлении меня к ордену Св. Георгия 4-й степени — «восстановление потерянной позиции».

Продолжаю о том, что случилось дальше. Вечером я, как обычно, послал разведчиков в сторону противника, которые, вернувшись, сообщили, что слышали какой-то большой шум и передвижение у противника. И я решил, взяв на себя ответственность, т.к. не было времени сговориться с начальником бригады, я решил узнать боем, что делает противник, и приказал его атаковать. К моему удивлению, противник вновь не выдержал и стал поспешно отступать, а роты моего батальона, преследуя его, стали втягиваться по просекам в лес и таким образом двигались до раннего рассвета.

В лесу шла ружейная стрельба с нашей и с противоположной стороны, мало причинявшая вреда, очевидно, больше для морального действия. Чуть брезжил рассвет. Мы вышли на опушку. Лесная полоса кончилась. Впереди открытая долина, вдали большое озеро и католический костел с высокой колокольней на берегу.

Из леса, из которого только что мы вышли, стали появляться то наши части, то части противника. Все перепуталось ночью: то появится неприятельский разъезд, короткая перестрелка, и опять скрывается вновь в лесу, то появится наша походная кухня.

Я послал вновь ординарца (верхового) к моему начальнику бригады и получил на этот раз приказание оставаться на месте, т.к. весь фронт противника отходит.

Солдат-ординарец, которого я послал, сообщил лишь, что командир бригады стал его расспрашивать и когда узнал, что перед нами видно очень большое озеро и костел, то по карте обнаружилось, что это озеро Нарочь с костелом на берегу⁷.

Когда части бригады, к которой я был временно прикомандирован, заняли свои позиции, я был отослан к своему полку.

Вернулся после выздоровления командир батальона, кот[орого] я заменял, а меня послали за 10 верст в тыл обучать унтер-офицерскую учебную команду, т.к. после боев роты наши поредели и особенно ощущался недостаток в унтер-офицерах.

Костел с колокольней в городе Мядель. Современная фотография

Так прошло около месяца. Я стал уже забывать о происшедшем. Все казалось таким простым и обычным. Тем более что я был в нашем полку из запаса, что-то вроде «золушки».

Большее внимание было обращено на коренных офицеров Абхазского полка, из которого был выделен и сформирован наш второчередной 304-й Новгород-Северский полк, и я, конечно, не был бы в числе награжденных. Да и совсем я об этом не думал, служил, как знал и как мог.

На деле же получилось иначе. Налицо было, как говорилось, «его величество случай». Я был выделен с батальоном из полка на участки чужой бригады.

Однажды, окончив вечером занятия в своей учебной команде и взяв с собой конного ординарца, я поехал версты 3—4 в нашу нестроевую роту нашего полка, расположенную недалеко. Подъезжаю. Ворота раскрыты, много верховых лошадей.

В воротах адъютант полка берет меня под руку и ведет в избу. Там все старшие офицеры полка с командиром во главе. Ведут меня и сажают в красный угол. Говорят: «Ты наш первый георгиевский

кавалер в полку и дивизии, вот телеграмма из армии о твоём награждении».

Что же оказалась впоследствии. Когда я, по собственной инициативе, решил атаковать противника, он в этот момент собирался нанести нам удар слева от нас, где была расположена наша 3-я гвардейская дивизия, и для этой цели противник снимал со своих участков, где мог, части для усиления этого удара, и я этого ему не дал сделать на нашем участке фронта, сам этого не предполагая.

Написано это по памяти в 1957 году в городе Мартынец, Калифорния, Соединенные Штаты Америки.

*Генерального штаба полковник
Константин Иванович Клуге*

О том, как присуждались Георгиевские кресты

После ранения в 1-ю Великую войну я находился на излечении во Дворцовом госпитале в Царском Селе. И в это время я и один из лежавших в госпитале, мой однокашник по реальному училищу, георгиевский кавалер капитан Хаджи-Коли⁸ были назначены членами Главной Георгиевской думы и ездили по Царскосельской железной дороге в Петербург. Заседания проходили в здании Капитула орденов (Гагаринская, 6). Это было здание в несколько этажей. Помню большую мраморную лестницу, по которой надо было подниматься на 2-й этаж, где проходили заседания Георгиевской думы.

Это была очень просторная и светлая комната, сплошь увешанная портретами государей и военных вождей-кавалеров. У стен стояли витрины с регалиями и орденами покойных государей; для каждого отдельная витрина, а слева в витринах стояли манекены в полной орденской форме, и был один в орденской форме Св. Георгия. Посреди во всю длину этой продолговатой комнаты-залы был большой, накрытый тёмно-синим бархатом с золотой бахромой стол, вокруг большие с высокими спинками кресла, тоже обитые тёмно-синим бархатом. Боюсь ошибиться, я запомнил, не знаю, сколько было кресел, и, значит, не помню точно числа долженствовавших присутствовать

Георгиевские кавалеры К.И. Клуге и В.С. Хаджи-Коли (?) в Царском Селе

М.Ф. Ореус

членов, но это было определённое и чётное число членов, не считая председательствовавшего. Я знаю это потому, что в одно из таких заседаний был случай, когда подошло к обсуждению дело о награждении посмертным крестом моего покойного брата Владимира⁹, убитого на австрийском фронте. По моему заявлению об освобождении меня от суждения по этому делу заседание было прервано. Был вызван заместитель, и когда решение было вынесено, меня вновь попросили вернуться

для продолжения заседания. Брат мой был награждён крестом.

Все члены думы были непременно с крестом Св. Георгия и по баллотировке, когда и как происходившей — не знаю, только знаю, что только один из участников заседания — председательствовавший — был по высочайшему назначению и потому при баллотировке решения участвовал только тогда, когда голоса членов разделялись поровну.

В моё время председательствовавшим всегда был генерал от артиллерии Ореус¹⁰, кавалер Георгиевского креста и оружия. В Петербурге были под его председательством три Георгиевские думы: Георгиевская дума для награждения Георгиевским крестом штаб-офицеров и генералов (члены думы были в соответствующих чинах); Георгиевская дума для награждения Георгиевским оружием и Георгиевская дума для награждения Георгиевским крестом обер-офицеров. В зале заседаний находилось ещё одно лицо — чиновник Дворцового ведомства в полной парадной форме, шитой золотом, — как секретарь и докладчик. Во время заседаний он не садился и в баллотировке и прениях не участвовал. Баллотировка была открытая — вставанием. Мне довелось быть участником более десяти таких заседаний, точно не помню.

Обычно за день разбиралось 25—30 дел о награждении. Награждения давались после долгих обсуждений, и большинство отклонялось. Особенно помню такие случаи были с награждением офицеров Генерального штаба, с бесконечными реляциями, свидетельствами и картами — такие обычно отклонялись, а случаи с лётчиками, упавшими за неприятельским фронтом, сжёгшими аппарат и выбравшимися через фронт на

Звезда ордена Св. Георгия

нашу сторону, обычно давались без больших прений, хотя свидетелей в деле бывало только двое — лётчик свидетельствовал о наблюдателе, а наблюдатель о лётчике — и оба получали по кресту.

Пока все предложенные к обсуждению дела не были закончены, присутствовавшие на заседании не имели права покидать заседания, а в середине дня нам предлагался перерыв — мы переходили в соседний зал, где был накрыт стол — сидели только члены совещания. За креслами стояли дворцовые лакеи, и все кушанья были принесены из Дворецкой гофмаршальской части; вина — Удельного ведомства. Кавалерский обед длился около часа, после чего мы возвращались в зал совещаний и работа думы возобновлялась.

Во время одного из заседаний, по нашей просьбе, был принесён в зал заседаний подлинный Георгиевский Статут — большой фолиант-книга размером в большое церковное Евангелие. Твёрдая обложка, покрытая тёмно-синим бархатом, и на верхней крышке золотая восьмиконечная звезда 1-й степени ордена¹¹. Внутри крупным стилизованным шрифтом с цветными заглавными буквами текст и личная подпись императрицы Екатерины Второй — в конце Статута. Мне удалось держать в своих руках этот исторический документ.

Георгиевская дума лишь достаивала, а награждал государь в своём приказе с кратким описанием подвига.

*Генерального штаба полковник
Константин Иванович Клуге*

Примечания

¹ Дата указана по новому стилю.

² Привисленский край — общее название польских губерний Российской империи.

³ Двинск — уездный город Витебской губернии, ныне Даугавпилс, город республиканского значения в Латвии.

⁴ Правильное название реки — Виля.

⁵ Буткевич Карл-Павел Карлович. О нем см. примеч. 44 на стр. 42 настоящего издания к статье Д.В. Баланина «Вилейка. Бой 10-го сентября 1915 года».

⁶ Фон Гальберг Анатолий Михайлович (1854—?) — генерал-майор (1914), командир бригады 76-й пехотной дивизии в 1914—1917 гг. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Русско-японской войны 1904—1905 гг., кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1907).

⁷ Речь идет о костеле в местечке Старый Мядель (Мядзиол), ныне город Мядель. Но расположен он на берегу оз. Мястро, а не Нарочь.

⁸ Хаджи-Коли Владимир Ставриевич (? —?) — капитан 53-го пехотного Волынского полка, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия. Скорее всего, именно он запечатлен вместе с К.И. Клуге на фотографии у Царскосельского лазарета.

⁹ Клуге Владимир Иванович (1885—1916) — штабс-капитан 18-го саперного батальона. Убит 7 сентября 1916 года. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (посмертно). Награждение было утверждено Высочайшим приказом от 4 февраля 1917 г.

¹⁰ Ореус Михаил Федорович (1843—1920) — генерал от артиллерии (1906), член Александровского комитета о раненых в 1906—1917 гг. Свои георгиевские награды получил за участие в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

¹¹ К.И. Клуге ошибается: в действительности звезда ордена Св. Георгия была четырехконечной.

Глава III

ВИЛЕЙКА В ВОЕННОМ ДНЕВНИКЕ ДОКТОРА КРАВКОВА

Среди документальных свидетельств о Первой мировой войне, увидевших свет в последние годы, дневникам военного врача Русской императорской армии тайного советника Василия Павловича Кравкова принадлежит особое место. Этот во многих отношениях уникальный памятник эпохи сохранился в фондах научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) и в 2014 году был в сокращенном виде опубликован в книжной серии «Военные мемуары» московского издательства «Вече»¹. Интересен он прежде всего особенностями восприятия и интерпретации военных событий, обусловленными личностью автора.

Военный врач В.П. Кравков, родившийся 20 февраля (3 марта) 1859 года в семье старшего писаря Управления рязанского губернского воинского начальника, является представителем известной рязанской научной династии. Его младшими братьями были выдающийся русский ученый академик Николай

В.П. Кравков. Май 1915 г.

Н.П. Кравков

С.П. Кравков

Павлович Кравков (1865—1924), основоположник советской школы фармакологии, один из первых лауреатов Ленинской премии (1926, посмертно), а также известный почвовед-агрохимик Сергей Павлович Кравков (1873—1938), профессор Санкт-Петербургского университета.

Всю свою жизнь В.П. Кравков посвятил службе по военному ведомству. Окончив Императорскую военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге в 1883 году, он начал действительную службу по военному ведомству с должности младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка. В 1891 году старший врач 11-го гренадерского Фанагорийского полка коллежский асессор Кравков успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины.

В 1904—1905 годах дивизионный врач 35-й пехотной дивизии статский советник Кравков принимал участие в Русско-японской войне. Его дивизионный лазарет оказывал помощь раненым солдатам и офицерам в дни Ляоянского сражения в августе 1904 года, во время боев на реке Шахэ в сентябре 1904 года, в ходе сражения при Сандепу в январь 1905 года. Вместе с товарищами по оружию В.П. Кравкову довелось пережить горечь поражения русских войск под Мукденом. За весь период кампании в Маньчжурии В.П. Кравков был награжден мечами к ордену Св. Анны 2-й степени, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а также орденом Св. Владимира

3-й степени с мечами. Вскоре по окончании войны, в 1906 году, он был произведен в действительные статские советники — гражданский чин 4-го класса, соответствовавший армейскому генерал-майору.

В свободное от службы время В.П. Кравков занимался научной деятельностью: писал статьи по вопросам практической медицины, выступал с публичными лекциями, в 1910 году издал научно-популярную книгу о санитарии и гигиене. Однако памятен он не этим. Василию Павловичу довелось внести ценный вклад в развитие отечественной исторической науки.

В 1904—1905 и 1914—1917 годах он вел подробные дневники своего пребывания в действующей армии, являющиеся ценными историческими источниками.

Привычка письменной фиксации ежедневных впечатлений и переживаний выработалась у В.П. Кравкова во время пребывания в Маньчжурии. Свой опыт работы в боевых условиях он впоследствии суммировал в записках о Русско-японской войне, подготовленных к публикации в 1912 году, но так и не увидевших свет при жизни автора².

В августе 1914 года, оказавшись на фронтах новой войны — Первой мировой, — В.П. Кравков без труда вернулся к практике ведения дневника. Итогом его ежевечерних бдений стал интересный письменный памятник, доносящий до нас живой голос непосредственного участника масштабного исторического события.

Кампанию 1914 года В.П. Кравков начал в должности корпусного врача XXV армейского корпуса. В составе 5-й армии Юго-Западного фронта он участвовал в сражениях Галицийской битвы, обеспечивал эвакуацию раненых в ходе битвы у Замостья, а 2 (15) сентября

**В.П. Кравков в Маньчжурии.
Апрель 1905 г.**

1914 года вместе с частями корпуса вступил на территорию Австро-Венгрии. «Сердце замирает от сознания, что австрийцы из нашей земли изгнаны и мы ступаем на их землю»³, — записал он вечером того же дня. Страницы дневника точно отражают обстановку начала войны: толпы австрийских пленных, масса брошенного отступавшим противником имущества, проблемы с продовольствием и ночлегом в бедных польских деревушках.

В сентябре 1914 года В.П. Кравков был назначен на должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии Северо-Западного фронта. В начале ноября, следуя за наступающими войсками, штаб армии переместился на территорию Восточной Пруссии и расположился в городке Маргграбов (ныне Олецко в Польше). Любопытны первые впечатления Василия Павловича от пребывания на вражеской территории, поражавшей русских воинов своим безлюдьем — все население прусских городков было эвакуировано в страхе перед «зверствами казаков». Здесь ему довелось встретить новый 1915 год. Частые поездки по военно-санитарным учреждениям, стоявшим в маленьких прусских городках, оставили на страницах его дневника много интересных заметок о жизни этого региона в период пребывания в нем русских войск.

Однако уже в конце января 1915 года штабу 10-й армии пришлось спешно эвакуироваться из Маргграбовы. «Отступаем в большом беспорядке, — отмечал Василий Павлович в первых числах февраля, — много утеряно обозов, интендантск[ого] имущества, скота и пр. Не со всеми частями штаб вошел в связь... Положение наших войск в отношении продовольствия — отчаянное»⁴. Вину за беспорядочный характер отступления, повлекшего за собой гибель в окружении XX армейского корпуса генерал-лейтенанта П.И. Булгакова, В.П. Кравков возлагал преимущественно на командование 10-й армии — генерала от инфантерии Ф.В. Сиверса и начальника штаба генерал-майора барона А.П. фон Будберга, впоследствии известного деятеля Белого движения и русской эмиграции.

С февраля 1915 года новым пристанищем штаба 10-й армии стал губернский город Гродно. Здесь В.П. Кравкову довелось неоднократно

Ф.В. Сиверс

Барон А.П. фон Будберг

быть застольным собеседником великого князя Андрея Владимировича, приезжавшего для выяснения причин отступления 10-й армии. Заслуживают также внимания отзывы автора дневника о новом командующем армией — генерале от инфантерии Е.А. Радкевиче, других чинах штаба и их взаимоотношениях.

В Гродно В.П. Кравков узнал, что его работа в начальный период войны была отмечена орденом Св. Станислава 1-й степени. «Теперь я, значит, генерал настоящий, — с юмором комментировал свое награждение Василий Павлович, — со звездой и лентой через плечо»⁵. Вскоре последовало и новое отличие — в мае 1915 года он стал кавалером ордена Св. Анны 1-й степени.

Все лето 1915 года прошло под знаком начавшегося «великого отступления» русской армии из польских и прибалтийских губерний. В.П. Кравков тяжело переживал

Е.А. Радкевич

**Отъезд В.П. Кравкова из расположения 28-й пехотной дивизии под Гродно.
10 (23) мая 1915 г.**

В.П. Кравков во время одной из инспекционных поездок летом 1915 г.

В.П. Кравков с персоналом и ранеными одного из госпиталей. Гродно, 1915 г.

неудачи российского оружия, видя его основную причину в несовершенстве государственного устройства империи, бесталанности полководцев, равнодушии военно-бюрократической машины к судьбам простых защитников Родины.

До конца августа 1915 года санитарный отдел штаба 10-й армии был эвакуирован из Гродно в Вилейку, а затем в Минск. Вращение в специфической среде высокопоставленных кадровых военных, не отличавшихся широтой интеллектуальных горизонтов, угне-

Д.А. Долгов

тало В.П. Кравкова. Ежедневно видя перед глазами картины нравственного разложения штабного офицерства и генералитета, он все больше приходил к выводу о необходимости поиска иного места службы, пусть и на более низком уровне, чем штаб армии. Воспользовавшись отпуском на Рождество и новый 1916 год, Василий Павлович добился своего перевода на менее престижную,

но более соответствовавшую его жизненной позиции должность корпусного врача.

С января 1916 года В.П. Кравков служил в 12-й армии Северного фронта в должность корпусного врача XXXVII армейского корпуса, который формировался в Риге. Одной из основных забот В.П. Кравкова в это время была организация противогазовой защиты вверенных его попечению воинских частей. Также пристальное внимание уделялось борьбе с цингой и тифом, распространению которых способствовали тяжелые условия «окопной войны».

Теплые, дружеские отношения сложились у В.П. Кравкова с корпусным командиром — генерал-лейтенантом Д.А. Долговым. Человек разносторонних интересов, он разделял и либеральные политические взгляды Василия Павловича. Поэтому, когда в апреле 1916 года Д.А. Долгов был переведен на должность командира VII Сибирского армейского корпуса, также державшего оборону в окрестностях Риги, за ним вскоре последовал и корпусной врач.

В июле 1916 года военно-санитарные учреждения VII Сибирского корпуса успешно справились с массовым потоком раненых, вызванным неудачным наступлением частей 12-й армии на Баусском направлении. Командир корпуса Д.А. Долгов за боевые отличия представил В.П. Кравкова к производству в следующий чин — тайного советника, соответствовавший армейскому генерал-лейтенанту. Однако в штабе

12-й армии документу не дали ход, и корпусной врач был награжден лишь мечами к ордену Св. Анны 1-й степени.

Записки «рижского периода» службы Василия Павловича также интересны его оценками командующего 12-й армии генерала от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриева, начальника штаба армии генерал-лейтенанта В.В. Беляева, сведениями о деятельности общественных организаций, содействовавших работе военно-медицинских учреждений.

В августе 1916 года VII Сибирский корпус был переведен на Юго-Западный фронт и включен в 7-ю армию генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева. В.П. Кравков оказался в занятой русскими войсками Восточной Галиции. После элегантной Риги местом его пребывания стало захолустное местечко Завалов (ныне село в Подгаецком районе Тернопольской области Украины). Здесь в октябре 1916 года ему довелось пережить неудачную попытку наступления войск 7-й армии, стоившую поста командиру корпуса Д.А. Долгову. По дневниковым записям этого времени видно, как все отчетливее проявлялись грозные

В.П. Кравков инспектирует состояние противогазовой защиты одного из полков VII Сибирского армейского корпуса. Под Ригой, июнь 1916 г.

В.П. Кравков с группой офицеров в Завалове. Октябрь 1916 г.

симптомы разложения армии, а политическая обстановка в России, за которой на фронте следили по газетам, становилась день ото дня все более напряженной.

31 декабря 1916 года (13 января 1917 года) В.П. Кравков записал в свой дневник: «Последний день проклятого года. Прочитал на досуге литературу по истории французской революции. Как много похожего на переживаемый теперь кавардак во внутренней политической жизни России!»⁶

Несмотря на то что во время отпуска В.П. Кравков констатировал назревание революционной ситуации, Февральская революция 1917 года стала для него полной неожиданностью. Сторонник партии кадетов и беспощадный критик самодержавия, поначалу он воспринял ее восторженно. Однако картины прогрессирующего разложения армии и падения воинской дисциплины уже в конце апреля заставили Василия Павловича разочароваться в «свободной России». Даже запоздалое производство в чин тайного советника приказом Временного правительства, о котором он был извещен телеграммой из Петрограда в мае 1917 года, не смогло поднять ему настроение.

Заслуживают внимания отраженные на страницах дневника взгляды В.П. Кравкова и окружавшего его офицерства на политические процессы в стране. Весьма характерна для рассматриваемой эпохи и той социальной среды, к которой принадлежал Василий Павлович, критика деятельности левых партий, и в частности — большевиков, появляющаяся в его дневнике с апрельских дней 1917 года.

Провал июньского наступления 1917 года, вызвавший отход полностью разложившихся соединений русской армии из последних районов Австро-Венгрии, остававшихся под ее контролем, поверг В.П. Кравкова в еще большее уныние. Разгул солдатской вольницы, всевластие Советов солдатских депутатов, первые случаи террора в отношении офицерства — все это заставляло его серьезно беспокоиться за будущее Родины.

В июле 1917 года В.П. Кравков был уволен из армии приказом начальника санитарного управления Юго-Западного фронта. Как ему удалось выяснить, причиной этого стали интриги Совета санитаров Упсанюз, члены которого подозревали заслуженного военного врача в «недостаточном углублении демократических начал» в работе.

С фронта В.П. Кравков отправился домой. Об окружавшей его действительности он с грустью и горечью писал: «Бюрократическая самодержавная сволочь прежнего режима сменилась самодержавной хамократической сволочью нового режима»⁷. Новые политические тенденции в жизни страны вызывали у него мрачные предчувствия. «Чувствуется, что мы, взрослые люди, попали в плен к озорникам-гимназистам!..»⁸ — отмечал он в июле 1917 года. — «Были раньше царские холуи, теперь — не оберешься холуев презренной черни, явочным порядком захватывающих себе вкусные жареные кусочки и теплые местечки... Одно утешение, что все эти проходимцы будут иметь продолжительность жизни мыльных пузырей»⁹.

В первых числах августа 1917 года В.П. Кравков прекратил ведение своего дневника. За годы войны из-под его пера вышел оригинальный исторический источник, полный ценных свидетельств очевидца эпохальных событий. Записки Василия Павловича содержат уникальные сведения «из первых рук» об обстановке в штабах русских армий

и в войсках, повествуют о его встречах с видными военачальниками русской армии. Его талант ученого-медика, с присущими ему наблюдательностью, скрупулезной методичностью и аналитическим подходом к окружающей действительности, таким образом, сослужил хорошую службу отечественной исторической науке.

Говоря о характерных особенностях военного дневника В.П. Кравкова, хотелось бы упомянуть о следующем. Прежде всего, по ним очень хорошо чувствуется, насколько сильное влияние на автора оказал травматический опыт неудачной для русского оружия Русско-японской войны. Видение окружающей действительности сквозь «маньчжурскую» призму является специфической особенностью не только В.П. Кравкова, но и многих его современников из числа высокопоставленных военных. В воспоминаниях А.А. Брусилова, одного из наиболее способных русских полководцев Первой мировой войны, в частности, можно найти такую характеристику главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерал-адъютанта Н.И. Иванова: «Он был одним из участников несчастной японской кампании, и думаю, что постоянные неудачи этой войны влияли на него и заставляли его непрерывно сомневаться и пугаться зря, так что даже при вполне благоприятной обстановке он постоянно опасался разгрома и всяких несчастий»¹⁰. Та же склонность к недооценке русских войск и их возможностей ощущается и в образе мышления В.П. Кравкова.

Следующим важным жизненным опытом, определившим отношение автора к окружавшей его военно-бюрократической среде, стала первая русская революция 1905—1907 годов. Из нее он вынес резкое недоверие к официозной прессе (хотя при этом к кадетским и меньшевистским изданиям относился совершенно не критично), а также твердую убежденность в необходимости либерализации и гуманизации имперской системы государственного управления. Все годы Первой мировой войны, судя по страницам дневника, В.П. Кравков оставался бескомпромиссным критиком «самодержавно-полицейского режима», пока весной 1917 года не столкнулся с печальными последствиями форсированной «демократизации армии». Перед лицом

новых обстоятельств политические взгляды Кравкова резко эволюционировали в сторону консерватизма, а к августу 1917 года он уже был склонен видеть единственное спасение России в военной диктатуре. Таким образом, как справедливо отмечает О.Г. Назаров в рецензии на книгу В.П. Кравкова в «Литературной газете», его дневники «наглядно показывают, как суровая реальность избавляла от либеральных иллюзий многих прекраснодушных современников Первой мировой войны»¹¹.

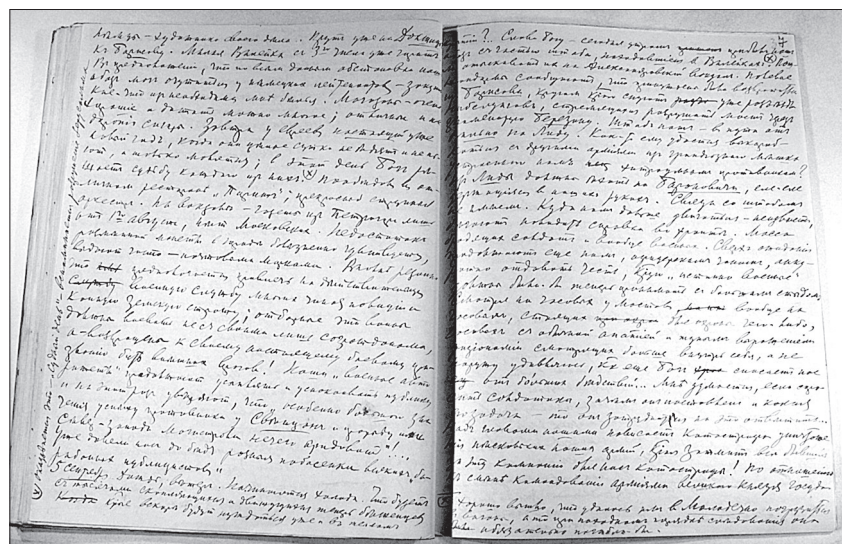
Наконец, третий момент, о котором также нельзя умолчать. Записки В.П. Кравкова свидетельствуют о заметной деморализации значительной части русского генералитета уже на начальной стадии войны — зимой 1914/15 года. Причем связана она была не столько с успехами германского оружия, сколько с особенностями человеческой психологии. Поседевшие на службе заслуженные люди, многие из которых имели за плечами опыт Русско-японской войны, а некоторые — и Русско-турецкой 1877—1878 годов, накануне почетного выхода в отставку «с мундиром и пенсией» столкнулись с войной нового типа, решительно противоречившей всему их предшествующему боевому опыту (чего стоило одно только впечатление, произведенное на людей, проживших большую часть жизни в XIX веке, массированное использование противником воздухоплавательных средств для разведки и бомбометания!). Как отмечает участник зимних боев 1914—1915 годов в Восточной Пруссии Б.Н. Сергеевский, «наши старики-генералы, измученные физически, расстроенные душевно, павшие духом под влиянием неудач, ежечасно ожидая отрешения от должности, окончательно изнервничались»¹². Это нервное, стрессовое состояние пожилых людей, от которых тем не менее зависело принятие ключевых стратегических решений, фатальным образом сказалось на действиях русских войск в условиях непривычной для армий начала XX века позиционной войны.

О дальнейшей судьбе В.П. Кравкова известно немного. В первые годы советской власти он принимал участие в организации военно-санитарных органов РСФСР. В октябре 1918 года под руководством

заслуженного военного врача была создана амбулатория управления делами Реввоенсовета Республики. Он возглавлял ее до осени 1919 года, в дальнейшем продолжал сотрудничество с советскими военно-санитарными учреждениями.

Жизнь В.П. Кравкова оборвалась трагически. В июле 1920 года он был арестован органами ВЧК по обвинению в злоупотреблениях при оформлении освобождений от призыва в РККА. 13 июля 1920 года Василий Павлович был осужден Президиумом ВЧК и приговорен к высшей мере наказания. Скорее всего, он был расстрелян в тот же день.

Чуть более чем за год до своей гибели, в мае 1919 года, В.П. Кравков передал московскому Румянцевскому музею рукописи своих военных дневников за годы Русско-японской и Первой мировой войн. Так в фондах будущей Ленинки оказался уникальный комплекс документов, в который, помимо дневниковых записей, входят подлинники боевые распоряжения командиров частей и соединений Русской императорской армии, письма, вырезки из газет с комментариями автора, обширный фотоархив. Это многогранный памятник, способный дать немало ценной информации, прежде всего специалистам в области

Дневник В.П. Кравкова. 1915 г.

психологии военных конфликтов. Хочется надеяться, что дневники В.П. Кравкова, к изучению которых ныне делаются первые шаги, будут востребованы историками Первой мировой войны и займут достойное место среди других памятников эпохи, оставленных его современниками.

* * *

В.П. Кравков провел в Вилейке три недели — с 13 (26) августа по 2 (15) сентября 1915 года. Фоном для описываемых в его дневнике событий стало участие 10-й армии генерала от инфантерии Е.А. Радкевича в Виленской оборонительной операции.

После падения крепости Ковно 9 (22) августа 1915 года штаб 10-й армии, в котором служил В.П. Кравков, был эвакуирован из Гродно в Вильно. В условиях неразберихи, вызванной продолжавшимся немецким наступлением, которое преследовало цель окружения 10-й армии в районе Вильно, санитарный отдел штаба оказался в отдалении от большинства его учреждений в Вилейке, уездном городе Виленской губернии.

Записки В.П. Кравкова свидетельствуют о том, каким серьезным психологическим ударом для него и многих его современников стало стратегическое отступление русских армий в период летней кампании 1915 года. Переживания за судьбы Родины сочетались у него с резким осуждением генералитета и штабного офицерства, которых он, зачастую не без оснований, упрекал в недостатке гражданственности и стремлении к максимальному удовлетворению лишь собственных потребностей в ущерб интересам общего дела.

В этом плане пребывание в Вилейке в отрыве от штаба 10-й армии подействовало на автора дневника успокоительно. Тревожная обстановка на фронтах лишь в незначительной степени сказывалась на повседневной жизни небольшого городка, живо напомнившего В.П. Кравкову уездные города его родной Рязанской губернии. Строки, посвященные им Вилейке, дышат спокойствием и умиротворением. Неподдельное умиление автора вызвало и непродол-

жительное погружение в атмосферу местного патриархального быта.

27 августа (8 сентября) 1915 года германские войска начали наступление в стык 5-й и 10-й русских армий, получившее впоследствии название Свенцянского прорыва. При получении сведений о движении крупных сил противника из-под Вилькомира в район Вилейка—Молодечно (в прорыв были введены шесть немецких кавалерийских дивизий) 2 (15) сентября 1915 года санитарный отдел 10-й армии был спешно эвакуирован из города. Записки В.П. Кравкова очень точно передают атмосферу паники, охватившей тылы русских войск перед лицом приближавшегося противника. Следуя в общем потоке эвакуировавшихся учреждений, автор дневника уже на следующий день оказался в Минске, а затем — в Орше и Смоленске, откуда ему, впрочем, скоро пришлось вернуться в Минск. К этому времени натиск германской кавалерии, лишенной поддержки пехоты и артиллерии, ослаб, и 2—3 (15—16) сентября 1915 года она была остановлена на подступах к Молодечно частями вновь сформированной 2-й армии генерала от инфантерии В.В. Смирнова. В дальнейшем русские войска нанесли контрудар по прорвавшейся группировке противника, разгромили германскую кавалерию и отбросили ее из района Молодечно к озеру Нарочь. К 19 сентября (2 октября) 1915 года Свенцянский прорыв был локализован на линии озеро Дрисвяты — озеро Нарочь — Сморгонь — Делятин.

В.П. Кравков искренне переживал, когда до него доходили сведения о пожарах и разрушениях в «милой Вилейке» в период боев за город в первых числах сентября 1915 года. Вилейка, давшая ему лишь кратковременное пристанище, тем не менее оставила заметный след в его душе, позволив успокоиться после пережитых тревожных военно-походной жизни и подготовиться к новым испытаниям кампании 1916 года.

Текст дневников В.П. Кравкова воспроизводится по рукописному оригиналу (РГБ, НИОР. Ф. 140. К. 6. Ед. 11. Л. 2 об—40 об; Ед. 12. Л. 1—13). Все даты в дневнике указаны по старому стилю.

Из дневника В.П. Кравкова
1915 год

1 августа. Погода стоит хорошая. Чувствуется уже дыхание приближающейся осени. Видел листопад. Короче становятся дни. На душе — мистическая меланхолия: и в жизни-то моей критическая грань, позади — свежесть молодости, весна и лето, впереди теперь — осеннее увядание... Безотрадное сознание своей конечности. Так хотелось бы хоть последние, закатные дни своей жизни пожить мирно и тихо, вдали от людей, уйти в себя...

А об утраченной *Варшаве* хочется плакать как о живом, родном человеке... Немцы завоевали теперь, в сущности говоря, целое Царство Польское и почти всю Прибалтику. Сколько уже за короткое время ими завоевано наших губернских [городов] — и *Владимир-Волынский*¹³, и *Ломжа*¹⁴, и *Люблин*¹⁵, и проч., и проч. Точит, грызет, разъедает меня неотвязная скорбь при безотрадном сознании нашей полной неспособности бороться с умным и искусным противником. Берет жуть... Изнуряющая атмосфера неприглядной российской действительности...

На меньшековские¹⁶ писания «должны победить» я категорически утверждаю, что мы «не можем победить». Кампанию мы просрали, так как действовали и действуем без строго обдуманного плана. Над нашими солдатами да поставить немецких инструкторов — немецкий командный состав — была бы непобедимая армия! Теперь же одна печаль, дремучая печаль. Радкевич¹⁷, наш командующий, хоть тем хорош, что скромн, вежлив и обходителен, а ведь все остальные большего или меньшего калибра наши шишки в смысле общего, да и своего специального развития поражают своим невежеством, узостью мировоззрения, дуболобостью; зато сколько в них высокомерия и чванства! Все они перед подвластными им — хамы, перед надвластными же — холуи; рисуются они мне какими-то существами с хищнически оскаленной на «жареное» пастью и могуче, как паруса, вздымающимися от обоняния его ноздрями, широко открытыми утробами, сильно, гипертрофически развитыми половыми органами,

с пустыми башками, толстыми, отожравшимися, испачканными блевотиной мордами, живущими без печали и вздыхания, безо всяких гражданских идеалов, безо всяких трагических проблем — так изо дня в день, смотря на свою службу как на арену для достижения лишь своих личных мышиных вожделений. Газет не читают, предпочитая вместо этого простреливать время в кофейнях, цирках, кинематографрах. Бессовестная какая банда разбойничья, мнящая, что ей все позволено по отношению ко всем, не носящим их военного мундира. До штаб-офицерского чина еще находятся порядочные люди, к[ото]рые, видимо, страдают внутренне от переживаемых Россией несчастий, даже и понимают, хотя и не в корень, причину наших поражений. Чем же выше рангом и положением, тем наши «витязи» становятся толстокожее и бесстыднее в смысле чувствования тех плевков и зуботычин, к[ото]рыми их угощают теперь немцы.

Сменяются, вернее — будут сменяться наши сатрапы «Губернаторских Соединенных Штатов», будет назначена Верховная следств[енная] комиссия, но кто будет назначен на место уволенных и кто, в конце концов, будут праведные судьи? Не видно, ч[то] б[ы] также эволюционировала и шла по новому курсу, как и общественность, наша прекрасно-военная бюрократическая среда, реагирующая на процесс развития в обществе лишь сменой людей, а не системы... Остается все та же ущемленность населения в гражданских правах, остаются все те же жмущие колодки для приложения общественной самодеятельности и энергии. Слова-то новые, да дела все еще старые. Бюрократия наша хитра и криводушна, она теперь, в момент опасности, цепляется за общественность, желая ей укрыться, но игру ведет неискреннюю: уступая общественности, боится, как бы чего безвозвратно ей не передать в ущерб себе. Бесчестная наша бюрократия, бесчестное правительство; нельзя осуждать поведения балканских держав, которые тоже достаточно хлебнули из чаши горького от наших помпадуров, что так упорно предпочитают держаться нейтралитета. Официальная Россия всех обидела, всех раздражила, что находятся даже и искренне любящие свою родину люди, к[ото]рые тем не менее чуть ли не радуются, что нас теперь бьют немцы... «Мавр свое (сквер-

ное) дело сделал — мавр должен теперь уйти». Надо бы параллельно с предполагаемой губернаторской «эвакуацией» произвести также основательную чистку и командного состава действующих армий — массу «мавров» и здесь необходимо теперь же удалить... Но легко это сказать, а куда девать всех мавров и кем их теперь заменить? Еще большая беда: самый режим-то наш исконный, самая система вековечная таковы, что и не мавр-то делается при них мавром! Если Ницше сказал, что мужчина создан быть воином, а женщина должна служить ему утехой, то мне думается, что он права на эту утеху признавал лишь за настоящими воинами, а не бутафорскими — за победителями, а наши фальстафы-павианы, не выдержавшие удовлетворит[ельного] экзамена на защитников Отечества, слишком поспешили уже предпослать эту утеху еще не оказанным ими на поле брани успехам... И здесь они — узурпаторы. Зато по санитарной части они — истинные таланты: отлично кричат на врачей и способны терроризировать весь медицинский персонал. Вот каковы теперешние властители дамских дум и сердец!

Из подслушанных разговоров: молодой фендрик идет под руку с красоткой и так свободно с ней рассуждает, что-де в *Варшаве*, откуда он только что приехал, было куда как веселее, чем здесь, в *Гродно!*¹⁸

Как ни свободны речи в Госуд[арственной] думе, но все же сколько в них эзоповщины, светской, вежливой фальши — недоговоренностей относительно одной крупной безличной причины, поддерживающей нашу российскую разруху...¹⁹ В газетах пишут, что в ближайшие дни Совет Министров *in corpore*²⁰ выезжает в Ставку Верховного главноком[андующ]его; военный министр Поливанов²¹ заявил-де одному из депутатов, что на заседании Совета в Ставке он намерен по целому ряду вопросов высказаться прямо, открыто, откровенно... Все это очень хорошо, но как ни добропорядочен наш теперешний глава Военного министерства, а все же у него, боюсь я, правда будет — «своя», бюрократизированная, не та настоящая правда, какую поведали бы, например, мои единомышленники шингаревы²² или родичевы²³; да и этого мало — в состоянии ли воспринять их правду

наши правящие наверху, у к[ото]рых своя врожденная идеология, а затем, если бы и оказались они способными понять и уразуметь эту правду, то еще вопрос: в состоянии ли они для блага Родины будут поступиться кое-чем личным, до известной степени — самоотречься?.. Несчастье наше, что России навязывается «особенная статья».

Главным начальником округа объявляется жителям *Гродно* и Гродненск[ого] уезда приглашение вывозить на льготных условиях по железной дороге медь, а также сдавать ее по реквизиционной оценке в пункты по указанию полиции.

Вечером призывный гул колокола потянул меня ко всеобщей в собор, где я только и отвожу душу, а затем прошелся к излюбленному мною месту для прогулок — подальше от «господ людей» — на своего рода «поклонную» гору; ночь спускалась на землю, издали доносилось отрывками молитвенное пение солдат²⁴.

2 августа. Дела наши в пакостном положении; немцы продолжают свое триумфальное шествие, забирая один город за другим, мы же все «перегруппировываемся», храбро тесним и отражаем неприятеля, да наносим ему большие потери!

Со дня на день жду Сергея²⁵, а то боюсь, что разминемся с ним, т[а]к к[а]к недолго, вероятно, нам придется пробыть еще в *Гродно*. Немцы энергично стремятся прорваться к северу или к югу от *Осовца*²⁶. Только что прибывший оттуда санитар уверяет, что оттуда наши вывозят орудия, и крепостной врач со штабными вне крепости верст за 10 — собираются отходить. В разговоре с японцем по поводу погано сложившихся для нас условий он отозвался, что у немцев все «хорошо — и начальники, и порядки, и организация, и все-все...».

В последнем № «Нов[ого] времени» говорится, что в борьбе с Германией мы можем победить лишь тогда, если «наша государственная машина будет работать с той же энергией и точностью и отчетливостью, с к[ото]рыми работает государственный аппарат в Германии», очень рекомендуется там же метод немецкой работы «*Schlag auf Schlag*»²⁷. Хоть, наконец, теперь-то эта прислужническая газета берет смелость открыто заявить, что не все плохо у немцев, и подчеркнуть многие из положительных сторон «*made in Germany*»²⁸, что нам так

полезно было бы позаимствовать и усвоить. Я бы коротко сказал: ч[то] б[ы] победить германцев, нам надо, прежде всего, быть германцами!²⁹ Я очень опасаясь, как бы наши быстрые стратегическим разумом невтоны под влиянием расточаемых для успокоения общества нашей прессой (делающей лишь хорошую мину при отвратительной, в сущности, их игре!) комплиментов по адресу их чуть ли не гениальных планов и художественно-мастерского выполнения отхода наших разбитых армий — не поддались бы, как вороны, соблазну с обычным бюрократическим шаблоном слепо следовать истории [18]12 года и не решились бы отступить чуть ли не до *Москвы*. Ведь теперь и времена, и птицы, и песни другие... Как бы струны того инструмента, на к[ото]ром они так топорно играют, могущие еще хорошо звучать в руках настоящих артистов, не лопнули и не изменили им!

Сегодня день Спаса Медового. Не удалось, к сожалению, мне быть в соборе, где архиерей — как передавал командующий — сказал такую проповедь, что все выли и рыдали.

3 августа. Не говоришь с сослуживцами — становится иногда тяжело, а поговоришь — еще тяжелее; прямо с души прет: наши военные (разумею — огромное большинство) в отношении общей политической ориентации прямо-таки дефективные люди, дальше своей утробы не смотрящие. Будь они хотя бы в своей узкой специальности глубоки, а то и здесь хоть шаром покати, все они — организаторы наших поражений, и под суд надо отдавать всю официальную Россию. Для меня атмосфера уныния и озлобления сгущается. Больно прочна еще человеческая глупость, ввевшаяся в огромные массы человечества рабская готовность подчиняться велениям сравнительно небольшого числа взысканных судьбой поганцев...

Из *Ковно*³⁰ эвакуируют множество раненых. Дамочки при штабных еще живут, значит, еще можно не укладываться к отходу из *Гродно*.

После обеда приехал мой Сергей. Симптом: торговцы стали отказывать в выдаче покупателям сдачи с кредитных билетов, стремясь задерживать у себя серебряную и медную монету.

4 августа. Ночью немцы штурмовали *Ковно* и более чем наполовину ей овладели; сообщение с *Кошедарами*³¹ прервано; как ни улыбался

Семья Кравковых в Москве: Василий Павлович, Сергей, Елизавета, Елена Алексеевна. 1914 г.

и ни строил быть обычно настроенным Радкевич, но на челе его выражалась большая тревога и озабоченность. Семьи от штабных начали выезжать. Из *Вильно*³² по распоряжению главнокомандующего идет усиленная эвакуация, между прочим — колоколов и всяких металлических изделий. В *Соколку*³³ переходит штаб 12-й армии. Приехавший из-за *Красно* д-р Щадрин привез недобрые вести об операции в направлении к *Мариамполю*³⁴ 26-й пех[отной] дивизии, к[ото]рую немцы искрошили вдребезги — так несвоевременно был отдан приказ об атаке³⁵; казачьи офицеры будто бы весьма возмущены и настроены весьма «лево» нелепыми распоряжениями начальства, очень сильно пострадал 104-й Устюжский полк³⁶, 102-й Пермский³⁷ — отказался идти в атаку. Около полуночи прибежал ко мне земляк — главный врач сводн[ого] запасн[ого] госпиталя Новиков, весьма взволнованный, с сообщением от железн[о]дор[ожных] служащих, что *Ковно* пала, спрашивает — верно ли, ч[то] б[ы] теперь же сплавить свою жену. Успокоил его и обещал завтра дать ему достоверные сведения по сему предмету.

5 августа. Насчет положения *Ковно* штабные удерживаются произнести слово, что она пала; у высших же чинов штаба физиономии

приняли вид свиных рыл, к[ото]рыми бы только копаться в навозе — смотрящих только долу и не могущих поднять их кверху...³⁸ Плоские, пошлые шуточки не оставляют наших вояк; дня через 3—4 переезжаем в *Вильно*; наши павианы озабочены вопросом, брать ли с собой туда гражданских блядей, или же их будет довольно и местных в *Вильно*? Перемещается Гродненск[ий] тыловой эвакуацион[ный] пункт с госпиталями к северу; эвакуируется и Гродненский местный военный госпиталь; *Гродно*, значит, как крепость, не предназначается играть роль как таковой; за обедом Радкевич шутя спрашивал, куда же придется деть комендантшу и коменданта... Командующий 26-й пех[отной] дивизией Тиханович³⁹ смещается с должности.

Мой Сергей приоткрывает глаза на картину творящегося у нас бесстыдства и безобразия. Были с Сергеем в соборе у всеобщей на архиерейском служении; по обыкновению, превосходно пели; есть, оказывается, ектения, в к[ото]рой молятся, между прочим — «за скорбящих и озлобленных...».

В заседаниях Государств[енной] думы продолжается анатомирование и вскрытие разлагающегося трупа нашей государственности:

«Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка...»

6 августа. Преображение Господне. С Сережей были в соборе у обедни, наслаждались ангельским пением. Корпуса наши отходят; из *Осовца* привезли 200 чел[овек] отравленных удушливыми газами. За обедом наши ферлакуры интересовались, ушел ли цирк, действуют ли кинематографы и прочие капища...

Ковно взята немцами; по поводу сего позора даже сама «валаамова ослица» — дежурный генерал Жнов⁴⁰ — изрекла умное слово, что-де здесь не недостаток снарядов причиной, а сами люди — командующие в лице коменданта крепости⁴¹ и начальника штаба, к[ото]рые постыдно бежали и теперь должны быть преданы суду; паника всеми так овладела, что при отступлении — бегстве даже не догадались

взорвать уцелевшие форты. Полная разруха нашего воинства, страшно и представить себе, что нас ожидает впереди.

В *Вильно* перейдем, может быть, еще через неделю; с собой туда же тащат и «штабных» сестер, в маневрировании к[ото]рыми в угоду штабным шалунам так искусился наш «храбрый» — «боевой» полковник, ради получения генеральск[ого] чина, кажется, готовый предоставить для пользования начальству свою родную дочь... Боже мой, какой омут грязи и всевозможного свинства; я, кажется, накануне бесповоротного решения уйти совсем из этого проклятого «оврага». Командный состав развращен до мозга костей, спасения нет нашей армии, которую наши вожди погубят без малейшего содрогания совести. Дух войск уж не тот, что в начале войны. Быть еще большей беде! Штабные моншеры лелеют сладостную мечту, как они будут жить в *Вильно* «во дворце» — в фешенебельной обстановке... Ох уж эта страсть наших вождей в военное время устраиваться хотя и в ущерб стратегии — получше да по-домашнему!

7 августа. В Ковенской крепости, к[ото]рую так постыдно сдали, оказывается, было такое количество снарядов, что превышало количество их чуть ли не во всех армиях! Ни начальство, ни войска гарнизона не были совершенно ознакомлены с фортификационными и топографическими условиями своей крепости и блуждали в критическ[ий] момент в ней, как в темном лесу. Теперь зато в ней скоро разберутся немцы, переставляющие наши же пушки для действий против нас. *Бельск*⁴² занят немцами, в их руках, значит, и Беловежская пуца.

За обедом комендант Кайгородов⁴³ — этот свечной генерал — прошамкал, что собирается послать автомобиль в какой-то монастырь за иконой чудотворной, ч[то] б[ы] помолиться о ниспослании победы русскому оружию! Много разговора за столом было о цирке, «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха». «Божья коровка» Жнов с увлечением передавал, как вчера там мужчина-паяц показывал свое превращение в женщину... Милашка генерал для поручений Некрашевич⁴⁴ в разговоре со мной критиковал широкий воротник моего кителя, мои нефрантовитые сапоги и лоснящиеся от времени брюки; и говорил обо всем этом как о чем-то весьма важном, беседу вскоре перевел на баб... Вот, думал

я, мои голубчики, еще мало, видно, вам всыпают немцы!.. Позорное падение *Ковно* не будет инкриминировано нашему командующему, т[а]к к[а]к эта крепость поступила в его ведение лишь за 37 часов до своего падения.

В Государств[енной] думе 3 авг[уста] — большой день; обсуждался вопрос о русском засилье на службе у немецкого, а немецкого засилья на службе у русского засилья! Коннозаводчик князь Щербатов⁴⁵ возлагал все надежды на «энергичные меры к тому, ч[то] б[ы] у нас немецкое население было действительно ассимилировано!»⁴⁶. Весьма неудачно при этом его сиятельство сделал ссылку на пример в Соединенных Штатах! О спаривании животных куда, видно, легче было бы ему иметь свое суждение, чем о делах гражданского, человеческого порядка. С трибуны раздавались голоса: услышат ли грозно предостерегающий голос жизни те, от к[ото]рых зависит изменить принятый курс нашей внутренней политики — курс борьбы с общественностью, с законом, курс распоясанного своеволия, аморализма и озорства карьерных людей? Требуется-де коренное оздоровление глубоко внутреннего разложения административного организма, требуется коренная переоценка административных ценностей; раскрываются-де бездны нравственного падения и угрозы государственности, к[ото]рые в лице мясоедовых, баронов Гротгуса⁴⁷, Фрейната⁴⁸ и К^о укрылись под личиной «борьбы с антигосударственными началами», только-де свободная Россия может иметь законно действующую администрацию — «ряды агентов власти должны быть перестроены так, чтобы они обращены были боевым фронтом не против общественности, а вместе с обществом против внешней опасности».

К иллюстрации нормальных ненормальностей: московский митрополит Макарий⁴⁹ категорически положил любопытную резолюцию против участия женщин в церковных хорах ввиду того, что они записываются в хоры только для того, чтобы показать свои наряды. Какая дикость!

Встретил командующего 26-й пех[отной] дивиз[ией] генерала Тихановича, потерпевшего аварию (из дивизии составом около 10 тысяч чело[век] было зря выведено из строя около 3 тысяч чело-

век), — увольняется по золотому мостику: как-де переутомившийся и расстроенный нервами не проявил свойственной ему всегда энергии, а потому эвакуируется!!

В *Вильно* наш санитарный отдел переезжает 11 августа; 10-го будет грузиться и отправится дежурная часть и проч.

Наш санитарный отдел, посмотрю я, — это микрокосм всей нашей государственности со всеми ей свойственными язвами — засильем сильных над слабыми, произволом, беззаконием и всякими пакостями («храбрый» полковник выдал ложное свидетельство на имя якобы сестры милосердия — не то дочери, не то жены генерала Янова⁵⁰ — за то, ч[то] б[ы] только ей даром проехать до *Петербурга*, утеснение им сестер обыкновенных и устройство согласно их вкусам и желаниям при протекции разных генералов и т.д. и т.д.).

8 августа. Дела наши — табак; настроение у всех подавленное. Офицерство сознается, что виной наших неудач являются не отдельные лица, а что-то более общее...

*Новогеоргиевск*⁵¹ пал под ножи врага. В *Пернов*⁵² немцы произвели десант. До *Петербурга* по сухопутью — рукой подать! *Гродно* как крепость упразднена; крепостной инженер Колосовский⁵³ едет в *Оришу*⁵⁴ для постройки «полудолговременных» укреплений; местный госпиталь переводят, кажется, в *Могилев*⁵⁵.

Как крысы с корабля перед бедствием — картина выселения людей и разных учреждений. Зашли с Сергеем ко всеобщей в собор — препечальное зрелище: снимают образа, люстры и пр. для эвакуации.

На наше место уже пришел штаб 1-й армии. Думаю, как бы нашему штабу не обмануться в расчетах, и немцам не пришлось бы предупредить время предполагаемого нашего прибытия в *Вильно*, ведь *Кошедары*, вероятно, теперь уже в руках врага.

На вокзале случайно встретился с д-ром Поповым, помощником начальника санит[арного] отдела расформированн[ой] теперь 12-й армии, следующим теперь вместе с отделом в *Петербург*, где предполагено формирование штаба армий Северного фронта. За недостатком времени успели перекинуться коротким разговором; сообщил мне о творящихся у них ужасах цинизма и озорства генер[ала] Губерта...⁵⁶

«Вот посмотрите, — сказал мне, — на него в буфете — сидит с двумя блядьми». Рожа преотвратительно наглая, бесстыдная, плотоядно-хищно-похотливая с выражением «чего хочу — то и ворочу»⁵⁷; Попов уверял, что эта сволочь рассчитывает еще получить высшее назначение — начальника санитарной части Северного фронта.

Газеты стали запаздывать приходом, особенно — московские.

Иудушка нововременский Меньшиков сообщает, что злонамеренные люди уже начали к нему обращаться с вопросом: не пора ли ему теперь изменить заглавие его статей «Надо побеждать»?

9 августа. Жалею, что вчера вечером не был в штабе за ужином, за которым собрались прибывшие высшие чины штаба 1-й армии во главе с Литвиновым⁵⁸. Сегодня за обедом наш командующий передавал возле него сидевшему корпусному командиру Евреинову⁵⁹, что в числе других задач нашей армии предстоит одна из трудных — выкарабкаться подобру-поздорову из того положения, в коем она очутилась. Беспokoюсь за моего гостя Сергея, ч[то] б[ы] успеть его благополучно сплавить восвояси.

За столом полковник Плющик-Плющевский⁶⁰ с жаром рассказывал, как он сделал храбрый наскок на... врача-«жида», к[ото]рый ему не так отдал честь! Соседи по столу от удовольствия гоготали. Боже мой! Какая злобность против врачей, да еще «жидов» у наших вояк, повертывающих свой боевой фронт не в сторону настоящего неприятеля, к[ото]рого должны были бы бить нещадно, а в сторону беззащитных, безобидных людей...

Начальник штаба Попов⁶¹ похвально отозвался о нашем «аркадском пастушке» генерале Жнове, что он своим ферлакурством и веселощантанным настроением поддерживает бодрость в оперативном отделе!

В сообщении сведений по текущим злобам для друг друга штабные опасаются; впечатление получается, что как будто друг в друге видят Мясоедова⁶². Тем не менее все секретнейшие вещи отлично бывают известны всем, даже и невоенным!

Генерал Мышлаевский⁶³ назначен в распоряжение военного министра Поливанова.

На вокзале страшная толчея — масса уезжающих, не хватает поездов. Вчера зато с удобствами проводили и погрузили цирк с наездницами! Многие офицерские дамочки, садясь в вагоны, переодеваются сестрами милосердия, ч[то]б[ы] только проехать даром с другими льготами! Все это так нагло фальсифицируется; у нек[ото]рых даже имеются фальшивые свидетельства сестер милосердия!

Вчера в речушку Городничанку начали спускать по распоряжению коменданта из винного склада спирт; масса публики и нижних чинов старалась кто ведрами, кто — чайниками, кто — чем попало перехватить грязную спиртную смесь; многие прямо пили ее, припадая губами к потоку. Сегодня продолжают спускать спирт, но поставили часовых, но публика и нижние чины все еще пытаются забрать себе драгоценной влаги — картина как не Крещение у иордани! Вылито всего спирту, говорят, рублей на 100 тысяч!

В Совете старейшин Государствен[ной] думы 6 августа обсуждался вопрос о длительности занятий и общей программе предстоящих работ, вопрос поднимался в Совете и о том, как бы воспрепятствовать чуть ли не повальному устремлению правых и октябристов в домашние отпуска и разъезды. По заявлению депутата Скоропадского⁶⁴ — сессия думы созвана-де исключительно для того, чтобы дать армии ружья и снаряды, будничная же законодательная и контролирующая работа сейчас вредна, так как принесет с собой забвение о войне!! Валяй же Марков⁶⁵ тоже против всяких реформ: «В Германии нет волостного земства, но зато есть заводы Круппа!» — так изрыгнул он. Я думаю, что Госуд[арственная] дума с самого начала сессии уже слишком поделикатничала с властью и теперь попала ей в плен! Власть испугнута, но шкурный ее страх не так-то легко побудит ее отойти с укрепленных ею против общественности позиций. А казалось бы, для организации победы потребность в реформах должна быть осуществлена сейчас — сию минуту! В годину тяжких испытаний (это проклятие какое-то над Россией!) приходится бороться не с одним только внешним врагом, но и преодолевать сопротивление ее внутренних недругов — столько же близорукой, сколько и бессовестной власти, а с ней и «черного блока», ведущего свой кротовый подкоп

под народное представительство. «День» прекрасно сформулировал мои мысли, к[ото]рые я всегда убежденно высказывал: «Для того, ч[то]б[ы] не было засилья — нужно быть сильным. Но у нас полагают, что спасение не в том, ч[то]б[ы] самому быть сильным, а в том, ч[то]б[ы] другой был также бессилён. Не уравнение через подъем, а уравнение через понижение. Не к равенству через право, а к равенству через бесправие. Не через увеличение собственной культуры стать могучим и противоборствующим, а через воспрепятствование чужим культурам воздействия на родную дикость — сохранить самобытность...»

На душе у меня тяжелые переживания стали ее постоянным строем; чтение газет по злобам дня меня еще больше расстраивает и волнует; удержаться от чтения их не могу, но бываю очень рад, когда они не приходят, и я волей-неволей от них отдыхаю. Так же действует на меня и ведение дневника, но бросить продолжение его органически не могу.

10 августа. Сегодня отправилась на *Вильно* дежурная часть, но вместо назначен[ых] по распределен[ию] 9 час[ов] утра — вечером; это назыв[ается] «*made in Russia*»!⁶⁶ Завтра выступает наша часть и этапно-хозяйственная, а после уже — квартирмейстерская. Под *Ландваровым*⁶⁷ встречаются уже кавалерийские разьезды. Не сегодня завтра железн[о] дорожн[ое] сообщение *Гродно* — *Вильно* может быть прервано. Куда мы дальше тронемся и как скоро — неизвестно. Боюсь, как бы Господь у наших военачальников в наказание не отнял бы совсем разума.

Фон Будберг⁶⁸ получил дивизию! До нового обморока и расстройства нервов, когда ему придется опять эвакуироваться для поправления своего драгоценного здоровья после того, как учинит еще какую-либо бессмыслицу ценой новой катастрофы.

От близкой души Т. получил письмо из *Риги*⁶⁹, отправленное оттуда позавчера. Моих писем, к сожалению, ей не получалось. Возмутительная вещь — хоть совсем не пиши.

Д. Философов⁷⁰ в «Речи», указывая на то, что нам нужны энергичные люди, нужен внутренний мир и что десятки тысяч русских людей «геройской складки» теперь изнемогают в Сибири и в тюрьмах

от вынужденного безделья, от холода и голода, восклицает: «Какая расточительность!.. Неужели же даже в минуты последних испытаний не откроются русские темницы, у “обновленного” правительства не хватит мужества сделать хоть один широкий, воистину — русский жест всепрощения и примирения?» Даже «Новое время» сочувственно откликается на заявление гр[афа] В. Бобринского⁷¹ в последнем заседании Государ[ственной] думы, искренне произнесшего с трибуны: «Я думаю, что правительство плохо понимает свои обязанности в настоящую тяжелую минуту». И еще: «Пора правительству подтянуться!»

Для наших кормчих недоступно совестливое понимание, что с требованием дать армии снаряды неразрывно связан ряд неотложных задач внутреннего характера, что без существенных внутренних преобразований, касающихся и лиц, и учреждений, и порядка управления, и законодательных мер дело боевого снабжения армии не обещает ничего утешительного. А пока — состав лишь кабинета министров изменился, но не произошло никакого принципиального изменения программ. Лозунги у наших кормчих остались все старые, доведшие нашу матушку-Россию до ее нынешнего катастрофического положения. Нет никакой пока почвы для оптимизма в прозрении будущего. А наши горе-военачальники? Тоже при прежних лозунгах, не дающих ни малейшей надежды на нашу победу. Мы никоим образом не победим — в этом я убежден к[а]к $2 \times 2 = 4$. Вот масса была и снарядов, и дальнобойных орудий в крепости *Ковно*, тем не менее ее наши пошехонцы с феерической быстротой постыдно бросили. Каким абсурдом дышат строки наших военных обозревателей — «авторитетов»: по их свидетельству, тот факт, что в подробных сообщениях германского Генерального штаба о штурме и падении *Ковно* умалчивается о количестве пленных из числа гарнизона крепости — этот-де факт говорит, что большая часть гарнизона пала смертью храбрых — защита крепости, значит, велась героически, уцелевшие же от вражеского огня не сдались в плен и присоединились к полевым войскам!! Так пишется история! Между тем случай-то позорного падения *Ковно* самым наглядным образом может только доказывать, что катастрофические неуспехи

наших армий далеко не обуславливаются лишь недостатком снаряжения! Из *Ковно*, оказывается, все воинство наше в паническом ужасе бежало; оставлено было около 1400 осадных орудий с большим, чем во всех армиях в совокупности, запасом снарядов, до 20 аэропланов, масса продовольствия⁷² и пр. и пр.

11 августа. Встал с Сережей ранехонько, ч[то]б[ы] успеть напиться чаю и погрузить вещи свои с отделом к 7 часам утра и выехать согласно «расписанию штаба» уже в 9 часов на *Вильно*. Но с начальственными расписаниями, как всегда, и на этот раз не совпала реальная действительность: шуму, скрипу, беготни, дерганья и всего комплекса внешних признаков деятельности было в излишестве много, а тронулись с места мы лишь около 7 часов вечера; «храбрый боевой» полковник остался при штабе и должен был выехать вслед за нами ночью вместе с квартирмейстер[ской] частью, я же с чинами отдела, а т[а]к к[а]к я ни больше ни меньше к[а]к чи-нов-ник, то никто и не подумал обеспечить меня такими же удобствами в пути, какими пользуются «настоящие» генералы, и я принужден был сесть в вагон 3-го класса; больше всего внимания было обращено на удобное размещение сестры милосердия княжны Данзас⁷³, к ней по приказанию полковника моментально приобретен был одним из штаб-офицеров на свои средства даже мягкий волосяной тюфяк, ч[то]б[ы] не так жестко было лежать, но она все-таки под конец раздумала ехать с нами и предпочла устроиться более фешенебельно в том поезде, к[ото]рый предназначался для оперативной квартирмейстер[ской] части — в вагонах-салонах 1-го и 2-го классов. В чем другом наши вояки погрешают, а уж в умении устроиться с комфортом всегда во всех положениях и условиях могут смело побить всемирный рекорд, подчиняя, конечно, своим личным удобствам все прочие соображения и тактики, и стратегии!..

Мой Сергунюшка уже не первый день как живет со мной и наблюдает во всех характерных особенностях все творящееся у нас здесь на передовом театре; он с начала войны считал меня за мрачного пессимиста в предсказаниях и предвидениях относитель[ьно] могущего и долженствующего (логически) быть для нас прескандального по

позору оборота боевых действий с немцами; свою скорбную прогно-стику я всегда старался обосновать в его глазах путем индуктивным, с обращением каждый раз его внимания на каждую мелочь — как на микрокосм. Теперь для его взора открылось более широкое поле размышлений на проклятую тему наших частых споров о первопричине и законосообразности того, что действительность во всех изгибах российской истории не может быть иной, как лишь очень и очень безотрадно грустной. Здесь, на театре войны, он неожиданно оказался в положении Данте в аду, по к[ото]рому вожу его я в качестве Вергилия⁷⁴. Смотри, слушай, внимай, анализируй и делай выводы...

В *Белосток*⁷⁵ поезда перестали ходить; приходящие же в *Гродно* с севера идут отсюда обратно. Публика спешно выселяется. Пассажирское движение совершается без расписания. Московских газет второй день не получаю. Поезд наш тащится по-черепаши, с большими остановками; то же — и с другими поездами. И это представляется каким-то феноменальным контрастом с бешеной скоростью творимых немцами событий — методично, систематично и планомерно.

Хлябает и дребезжит наша расшатанная колесница российской государственности с ее делопроизводственным маразмом, убивающим всякую жизнедеятельность свежих людей, воспитывающихся при создавшихся условиях в безволии, апатии, приниженности, растяпости, бестолковщины, бессмыслицы... Пышными цветками распустились на российском болоте наши административные и командные шалуны, эти антиобщественные и антигосударственные элементы, своими действиями так энергично помогающие тем, кто наносит нам теперь удары извне. В бессильной тоске рвусь поведать и разрядить к[аким]-либо наиболее действенным способом весь накопившийся во мне лирический порыв негодования и злобы на людскую подлость... Впереди еще большие сомнения и предчувств[ия] чего-то такого зловещего, потрясающего.

В газетах печатаются вести о том, что «разъезд» Госуд[арственной] думы «по домашним делам» продолжается. Среди членов Гос[ударственной] думы усиленно будто бы обсуждается вопрос о необходимости формирования особого Министерства национальной

обороны. Благодарю покорно — еще новое, громоздкое бюрократическое учреждение с новыми широкими штатами! Керенский⁷⁶ верно сказал, что «продолжается та же политика скрывания, обманывания и лганья».

Ночь — прекрасная, лунная.

12 августа. Около 7 утра под *Рудзшиками*⁷⁷. Проехали *Ландварово*, и около 11 утра — в *Вильно*. В буфете спешно убирается посуда, усиленно публика выселяется, хаос.

Послал с Сережей открытку Ляле⁷⁸. Сережа был зрителем летевшего над вокзалом немецкого аэроплана, в к[ото]рый стреляли шрапнелью наши. Были сброшены бомбы, повредившие депо. С Сережей, позакусивши, отправились побродить по городу накануне вероятной его сдачи.

Вести о наших сухопутных делах — скверные. *Осовец* пал. Счастливый частный успех нашего флота в Рижском заливе газетами возведен в блестящую победу. Так у постели тяжело больного малейший симптом улучшения истолковывае[тся] профанами к[а]к нечто, обещающее его выздоровление, но — увы!.. Союзниками нашими, передавали в штабе, взят *Буланр*. Слава Тебе, Господи!

Еще по пути в *Вильно* наши пирующие пир во время чумы уже предвкушали встретить в ней даже оперетку!!

В 4 часа пополудни часть нашего отдела со мной и этапно-хозяйствен[ная] часть двинулись на *Молодечно*⁷⁹ к конечному пункту назначения — в *Вилейку*⁸⁰.

13 августа. Большое движение поездов с беженцами, вагоны набиваются сверх всяких норм, садятся на крыши вагонов. Около 11 дня прибыли в *Вилейку*. С своим «Данте» Сергеем здесь почувствовали дыхание глубины России с вековой тишиной. Газеты здесь — редкость, придется испытывать в них голодание. Учреждения и частные лица отсюда пока не выселились, а потому для нас нет места. Придется заночевать в вагоне. Совершили с «Данте» променад по городу; не чувствуется здесь почти совсем дыхания войны: ни автомобилей, ни бешеной езды, ни других ее онёров; картина Сорочинской ярмарки... С приходом войск сразу поднялись цены на жизненные прод[укт]ы.

Вилейка. Ул. Пушкинская

Встреча и знакомство с местным батюшкой, разговор о текущих событиях в минорном тоне. «Рады, — говорит, — бываем всякой тучке и порядочному дождичку, к[ото]рые теперь так бы были полезны для нас против немцев!» Пообедали в городском клубе — картина обывательщины... Ее красота!..

Заночевали — в вагоне. Вечером — пение сестрой цыганских романсов; сосед ее по вагону — наш чиновник (чеховского типа),

Вилейка. Георгиевская площадь

Вилейка. Ул. Александровская

в негодовании заметил товарищам: «Надо предложить ей молитвы петь теперь, а не романсы!» Сей чиновник-ригорист — большой картежник, ферлакур и мастер по части выпивки.

На станции обступили меня бежавшие (но не постыдно!) врачи⁸¹ из Ковенского гарнизона, не имеющие пристанища и не знающие ничего о предстоящем им новом назначении; порассказали много из

Вилейка. Ул. Привокзальная

кажущихся прямо невероятными действиями наших командных шалунов. Отчего Верховн[ый] главноком[андую]щ[ий] не догадывается наказывать их разжалованием генералов в рядовые, командир[ов] корпусов — деградированием на должности, напр[имер], командиров полков, батальон[ов]?.. А иного кого, для примера — хотя бы и повешением за преступную растерянность и неподготовленность? А ведь коменданта Григорьева уже давно указывали кому ведать надлежит — убрать, но... но... протекция, тетенькин хвостик обеспечили ему иммунитет!

14 августа. Четвертый день без газет, третий день без штаба и без активного участия в санитарной механике армии. При всеобщей беспотолочи и суете как на пожаре, пожалуй, и хорошо быть в стороне, соблюдая гиппократовское *ne poseas*⁸²... Полная неизвестность относительно творящихся у нас в армии событий — одни лишь сплетни. Но я в значительной степени теперь отдыхаю моей измученной душой вдали от головокружительного рокотания большого города и самой кипени военных тревог.

Эвакуируются из *Вилейки* казенные учреждения, пришедшие сюда недавно из *Вильно*; нек[ото]рые следуют в места чудесного названия... в *Рязань*!

Озабочен, в какой поезд мне посадить Сережу, ч[то]б[ы] благополучней ему прибыть в *Москву*.

Ковенские врачи — на положении погорельцев.

Цены в *Вилейке* сразу поднялись против стоявших до сего времени, как то: яйца стоили раньше 5—10 коп[еек] десяток, поросяток — 50—60 коп[еек].

Встретился с нек[ото]рыми коллегами, к[ото]рые не видели меня с прошлого года; говорят, что я стал неузнаваем по внешности — очень постарел!

Низшие железн[о]дорожн[ые] агенты, передают, спекулируют на беженцах, взимая с них грешные поборы.

На плакате, вывешенном в вокзале, значится объявление на подписку «Голоса Руси», на нем изображен портрет Столыпина⁸³, а под ним выпукло пропечатаны его слова: «Вам нужны великие потрясения —

нам же нужна великая Россия». Посмотрел бы этот временщик теперь на эту «великую Россию», своим величием много ему обязанную!

Пассажирского поезда, к[ото]рый по расписанию должен был бы уходить в 5 часов утра, я прождал с Сережей до часу ночи. Страшно измучился за него, убеждавшись, что ему предстоит ехать в тесноте и давке. Так и случилось: еле-еле его я втиснул в вагон, близок был к истерическому припадку, наскоро с ним расцеловался, и было его так жаль, так жаль, что, расставшись с ним, «плакался горько».

Около 2 часов утра пришел в отведенную мне квартиру — в большом барском доме, очевидно — старинном здании со специфическим запахом живших в нем много лет обитателей; комнаты — огромные; простор меня давил, чудились мне в стенах сидящие души отошедших в вечность людей, все кругом дышало привидениями. Целую ночь спал тревожно, было душно, т[а]к к[а]к окна были закрыты и заложены ставнями.

15 августа. Встал рано с тяжелой головой, разбитый, боля душой за Сережу, терзаемый угрызениями совести, что вчера, не владея нервами, был с ним несколько груб. Дом, где я переночевал, считается лучшим в городе, принадлежит вдове полковнице Томашевской, живущей с сестрами, собирающейся, уложивши все в узлы и чемоданы, с часу на час ехать на *Полтаву*⁸⁴ вместе с чинами юстиции. Отправление их задерживается неимением пока соответствующ[его] наряда поездов. Едут сравнительно налегке, бросая все более или менее громоздкое имущество здесь на произвол судьбы; при доме отличный сад фруктовый, масса слив и груш дюшес; перед окнами — родная рябина; отличная веранда, масса цветов. Тишина кругом идеальная, абсолютная; изредка проедет извозчик с нежно звучащими бубенцами. Относительно тишины — хозяйка говорит, что тихо здесь до нестерпимости — «просто желаешь, ч[то]б[ы] хотя бы подрались жида — только бы всколыхнули эту тишину».

Жители здесь — евреи, поляки, белорусы; евреи держат в руках всю торговлю. По субботам буквально ничего нельзя купить. Проехал автомобиль — все на него смотрят как на диковинку.

О, счастье: в писчебумажном магазине у одного еврея можно получить, хотя и приходящие поздно, нек[ото]рые из петербургск[их] газет — «Новое время», «Речь», «День», «Пет[роградский] курьер»; забрал их целую кипу.

Обедал на вокзале⁸⁵, где встретил виленского этапного коменданта, к[ото]рый порассказал о ковенских событиях превозмутительн[ые] вещи; приходил, между прочим, к нему один из ковенских монахов по поручению архиерея — с просьбой эвакуировать 4 пуда мошей; на предложение коменданта предварительно положить их в цейхгауз монах замахал руками.

16 августа. Упиваюсь благодной тишиной и внешним спокойствием уездной дыры, в к[ото]рую попал милостью Божией, вдали от грохота мировых событий. Три старушки вдовушки мило ко мне относятся — угощают в изобилии яблоками, сливами, грушами. Сидят с упакованными уже вещами и ждут, когда отправится поезд с судейскими, с к[ото]рыми отправятся и они. Потрепанные мои нервы в это взбалмошное время отдыхают. Господи, как хорошо! Продают массу грибов — белых, подберезник[ов], подосинник[ов], боровиков и др., и задешево. Виленский преосвященный, оказывается, остановился с своим причтом здесь в консистории, к[ото]рую должен занять наш

Вокзал на железнодорожной станции Вилейка в годы Первой мировой войны

санитарный отдел. Принимаются меры к скорейшему его выселению. Телеграмма из штаба Верховн[ого] главноком[андующ]его не оставляет сомнения, что *Брест-Литовск*⁸⁶ нашими пошехонцами оставлен! Жутко себе и представить, в руках какого оборонительного аппарата находится теперь защита матушки-России! Черные наши рыцари командного и правящего класса ведут ее к верной гибели. О действиях нашей армии под *Вильно* и др. районами ничего не знаю; получаются самые противоречивые сведения лишь по пантофельной почте через евреев...

Курс «обновленного» правительства не обещает пока ничего оптимистического, все остается по-прежнему, возвещенной пресловутой чистки губернаторов не произошло еще, и губернаторское управление, значит, продолжает представлять ту же безотрадную картину анархии. До осуществления начал национального равноправия и до освобождения от националистических предрассудков и ненависти еще далеко-далеко. Для евреев и под напором требования жизни все еще не решаются на полную отмену пресловутой «черты»⁸⁷, а порядке лишь управления временно только расширяют ее. Обсуждается в законодательн[ых] палатах вопрос о подходящем налоге, наши лорды мало обнаруживают расположения к обложению доходов состоятельных людей... «Две гербовые марки» генерала Свидерского получили всероссийскую известность и сделаются нарицательным лозунгом нашей бумажной бюрократии. Заполучил газет от 14 августа — «Речь», «День», «Биржевку» и «Новое время».

17 августа. Незабвенным на века останется для меня время пребывания моего в благословенной *Вилейке* по тишине и уюту. Живу как бы в помещичьей деревенской усадьбе: возле фруктовый сад, здесь же — цветники, огород. С наслаждением обедаюсь свежими, с грядки огурцами и сливами. Но прегрустная картина (трагичнее еще, чем в последнем акте «Вишневого сада») вынужденного оставления дома его хозяевами — тремя старушками, уложившими уже свои вещи и со дня на день ожидающими по наряду своего поезда для отправления в *Полтаву* вместе с случайными квартирантами судейского ведомства; всю медную собственность закопали в землю, хрустальную

и стеклянную посуду плотно уложили в шкаф, отличную породистую корову продают за бесценок еврею, умоляют меня, пока я буду здесь, посмотреть за домом, а если передвинемся, то до прихода немцев продать его надежным жильцам; я их успокаиваю, а у самого сердце щемит от боли при виде, как страдают люди при расставании с тем, где каждый уголок им дорог... Передают мне на попечение косматого Барбоса и корявую малоумную бабу-работницу, к[ото]рая со слезами на глазах обуславливает свое дальнейшее служение при доме, «ч[то]б[ы] ее только солдаты не тронули...». Нижние чины телеграфной роты безжалостно рубят стоящие перед окнами высокие, стройные деревья плакучей березки, ч[то]б[ы] устроить провода... Как подумаешь, что и с моим домом в *Рязани* и *Москве* может случиться то же — душа разрывается на части.

С какой головокружительной быстротой немцы отобрали от нас ряд городов и такие крепости, как *Ковно*, *Осовец*, *Ивангород*⁸⁸, *Новогеоргиевск* и *Брест*! От таких успехов прямо-таки можно им угореть, а нам прийти в отчаяние. Постепенный-де отход наш с боями на восток, — подчеркивается штабом Верх[овного] главн[окомандующ]его, — совершается спокойно, свободно, не имеет-де характера вынужденности, а производится согласно и в соответствии с полученными нашими войсками приказами на основании разработанного верховным командованием плана! Официальный же военный орган «Рус[ский] инвалид» — Калхас! — наше безостановочное отступление успокоительно объясняет «еще длящимся превосходством в силах и средствах противника» — отходим-де, выжидая наступления равновесия в силах и средствах. Когда же это наступит? Ведь и количество человеческого материала, и количество материальных средств может быть у нас и превосходящим, но ими надо же уметь оперировать; все это требует сильных, крепких рук, но не крепких до меднолобости голов и не продажной совести руководителей; требуются новые люди — люди здравого ума, сильной, непоколебимой воли и неподкупной, кристальной по чистоте совести, стоящие шире шаблонных рамок и канцелярских формальностей — «двух гербовых марок». Нам

сейчас нужны бовы-королевичи — истинные герои, но где и как их взять, когда «для дивных знаков требуется свой климат и своя почва». О, как бы уместен теперь был благовест свыше, к[ото]рый всех бы объединил в любви, взаимном доверии, всепрощении! Чудный и счастливый момент для монарха! Удовлетворить всех обиженных, злобствующих, недовольных! Из *Копенгагена* телеграфируют, что из Варшавской тюрьмы немцы выпустили всех политических заключенных!

Громоносные речи произнесены были в заседании Госуд[арственной] д[умы] 13 августа Скобелевым⁸⁹ и Евсеевым⁹⁰ по адресу наших кормчих: «Правительство страну обворовало, а вас обмануло — правительство феноменальных дезорганизаторов, феноменальных казнокрадов и предателей... Скамья правительства — скамья подсудимых... Вас утешили тем, что для нек[ото]рых генералов в торжественной форме создают скамью подсудимых, и вы успокоились... Вас в семейном порядке допустили к распределению военных заказов, а миллиарды народных денег остаются до сих пор в руках бесконтрольно распоряжающихся, и вы умиляетесь... Надежды страны сменились критикой и разочарованием, а это означает, что в недрах народных масс зреет гнев — священный гнев, являющийся единственным источником спасения страны».

По адресу Святополк-Мирского⁹¹ депутат от крестьян сказал: «Мы, крестьяне, считаем себя гражданами, равными вам, ваше сиятельство, имеющими одинаковые права на все культурные блага человеческого существования... В будущем мы надеемся закрепить за собой это право так прочно, ч[то]б[ы] у людей, запоздавших своим рождением, никаких на этот счет сомнений не возникало бы... Нам не нужны ваши милости, нам нужно только наше право...»

И «Новое время», держа нос по ветру, решается смиренно обмолвиться тирадой: «Общественное министерство — это неразрывный союз власти с народом; такой союз нужен для войны, он окажется не вредным и для мирного времени!»

После недавно бывших расстрелов костромских рабочих — 10 августа много расстреляно было рабочих и в *Иваново-Вознесенске*⁹². Случились *à la* Ленские события: «так было — так и будет».

Св. Синод объявил по случаю переживаемых Россией несчастий «возлюбленным о Господе чадам Российской церкви» трехдневный пост и запрещение зрелищ — «с Господом в скорбях отрадно».

18 августа. Небо захмурилось, с перерывами идет дождь; за песчанностью грунта — грязи нет. Встаю рано при мертвенной тишине, нарушаемой разве только концертным пением молодых петушков вкупе с настоящими шантеклерами; ласково и нарядно смотрит в окна ряби-нушка. Продолжаю жить филиально от отдела, как бы даже в изгнании; при во главе санитарии и медицины стоящем «боевом — храбром» полковнике, ревниво-властолюбивом и не по разуму энергичном, с за страх преданными ему моими коллегами (ч[то]б[ы] выслужиться), почти совсем по моему официальному соотносительному с полковником положению меня игнорирующими — я считаю себя здесь, в условиях созданной организации пятым колесом в телеге — выморочным человеком... «Шалуны» тут правят бал, их теперь праздник, я — мелкая сошка, отошел в сторону и стихийно-беспомощно, скрепя сердце, выжидаю естественного конца противоестественно установленного распорядка вещей, за к[ото]рый нас так жестоко бьют немцы... Кавалеристы комплектуют пехоту, пехотинцы попадают в кавалерию и артиллерию, строевые офицеры — по врачебно-гигиенической части, врачам остается для ансамбля общего смешения вавилонского идти в строй под ружье... Развал полный...

Прибывшие из *Вильно* передают, что там творятся невообразимые безобразия. Из *Гродно*, из *Ковно* туда понаехала еще масса человеческого мусора — идет вовсю «пир во время чумы». Та же Маньчжурия, но без водки (вернее — с меньшим количеством водки!). Картина полной во всем дезорганизации, не видно и не чувствуется руководящей могучей руки; стоим несколько дней в *Вилейке*; неизвестно, кто здесь начальник, солдаты распускаются, полный разброд, буквальный хаос, кто в лес — кто по дрова. Никакого наблюдения за порядком в городе, никто не заглянет, не понаведается в местообиталища подозрительных лиц, ч[то]б[ы] убедиться, нет [ли] подземных к[аких]-либо кабелей, беспроволочных телеграфов... В нескольких верстах отсюда живут, напр[имер], преспокойно какие-то немцы-

помещики... Все больше и больше утверждаюсь в убеждении, что мы, русачки, в самозащите от внешнего врага и в организации своего общественного быта по-человечески — ни к черту не годные люди, нам нужны еще варяги...

19 августа. Погода прояснилась, но ветет уже осенней свежестью. По городу фланирует масса духовенства и чиновников с кокардами различных ведомств. Продолжают пребывать не у дел около 40 ковенских врачей; на телеграмму мою, куда их деть, — никакого ответа. Евреи, оказывается, бегут больше из боязни наших казаков, чем немцев. В городе, уездах и губернии не переводятся холерные и тифозные заболевания; средства для предупрежден[ия] и борьбы с ними у гражданской власти — примитивные, к[а]к при царе Горохе. Сплошной ужас санитарно-лечебной беспомощности населения. Тысячи беженцев предоставлены в этом отношении самим себе. Теперь еще — тепло, а что будет с наступлением осени и зимы?!

Отдыхаю нервами в этой глубокой провинциальной глуши, поразительная тишина, при ветре слышишь только шум деревьев; хорошо действует на мою душу примитивное освещение города и обстановка городского клуба, продолжающего еще функционировать; здесь устроилась наша походная столовая; вид сонных обывателей и членов клуба, сидящих за картами или занятых бильярдной игрой, действует на меня умирительно своей патриархальностью, уносящей мое воображение ко временам Гоголя; и типов его здесь встречается достаточно.

Исправно почитываю газеты, приходящие сюда на третий день из *Петрограда*. Гродненский губернатор Шебеко⁹³, оставшийся теперь без губернии, по упорным газетным слухам назначается на место уходящего в скором времени товарища министра внутр[енних] дел Джунковского⁹⁴. Вот вам и «новая эра» во внутренней политике! Один помпадур заменяется другим! А устраиваемые в разных концах матушки-России разные совещания представителей кооперативов, профессиональных обществ, больничных касс и других общественных организаций быют, как дятлы, все в одну точку: в искреннем своем желании мобилизоваться для одоления врага никак не могут

в конце концов обойтись без резолюции о необходимости скорейшего установления основ гражданских свобод — раскрепощения народа от связывающих его политических пут, введения мелкой земской единицы, издания кооперативного закона, дарования полной амнистии пострадавшим за убеждения, уничтожения всех национальных ограничений и т.п. Выходит, как ни кинь — все клин: никакой вопрос у нас теперь не может быть разрешен вне общих условий политической жизни страны, и одоление-то само врага, как главная основная задача момента, — неразрывно связано с состоянием нашей неслаженной государственной машины, теперь — рассыпающейся хранины...

По официальным сообщениям из штаба Верх[овного] главноком[андующ]его мы все продолжаем «доблестно» выравнивать свой фронт да перегруппировываться... Немцы же с ловкостью виртуозов маневрируют обхватами да обхватами, чуть ли не церемониальными маршами занимают одни территориальные пункты за другими, сметая как карточные домики все наши крепости... Когда же, наконец, настанет момент для проявления активной боеспособности наших армий? А пока мы все отступаем и отступаем, и немцы прут по всему фронту. *Лида*⁹⁵ усиленно эвакуируется. Туда переходит из *Гродно* штаб 1-й армии, и об этом мне сообщили не кто другой, как местные жители! Все наши секреты — секреты Полишинеля! За действиями наших союзников-моншеров я перестал и следить: с прошлого года, как ни развернешь любой № газеты — они все топчутся на одном месте у *Арраса*, *Суше* да *Лабиринта*! Что нас теперь выручит? Время? Но это фактор обоюдоострый. Пространство? А что оно перед техникой тевтонов? Верю я в данном случае лишь в англичан: они разве, в конце концов, нас выручат.

В газетах цитируют списки «кабинета обороны» из общественных деятелей, пользующихся доверием и популярных; ходят еще версии о назначении из них «министрами без портфеля» в составе наличного кабинета из бюрократов (в виде суррогата ответственного министерства).

20 августа. Все та же райская тишина, все те же, в одно время и милые мне, и постылые типы Щедрина и Чехова, очнувшиеся спросонья

и в смутных откликах на мировую взбудораженность не знающие, за что ухватиться. Кругом пожарища эпидемических заболеваний...

Созвал сегодня заседание санитарно-исполнительной комиссии, председательствуемой обычно предводителем дворянства Березиным⁹⁶. Боже мой, какой ужас полнейшей беспомощности и мерзости запустения по части санитарного и лечебного обеспечения населения! На весь уезд один только врач (он же и городской) с двумя *quasi*-фельдшерами, в городе лишь имеется одна больничка на 14 кроватей, вмещающая теперь вдвое большее количество б[ольны]х, из них много заразных. Больничка — в убогом, тесном помещении, настоящий катух! Нечем лечить б[ольны]х, нечем дезинфицировать. Город не ассенизируется, очистка экскрементов совершается свиньями, так как о необходимости вывоза нечистот если и знали, то дальше бесконечной переписки по тысяче инстанций дело не шло. Городской староста (так называется здесь наш городской голова), его помощник в сознании своей абсолютной немощи сделать что-либо по благоустройству города благоразумно заболели и просят сложить с них должностные

А.Н. Бороздин (сидит, третий справа)
среди членов Вилейского пожарного общества. 1905 г.

обязанности. Исправник, воинский начальник, земский начальник и проч. члены санитарной комиссии мне только одно и твердили, что они в течение нескольких лет все лишь писали и писали, на что им отвечали тоже писанием и писанием...⁹⁷ Уверен, что только с приходом в эти злачные места немцев, в них по мановению волшебного жезла водворятся и порядок, и благоустройство. У меня у самого руки опускаются, и является такая настроенность воли, что думаешь, не лучше ли совсем ничего не делать, чем делать ничего и проявлять лишь видимость делания... Первозданный хаос! Что теперь творится в *Молодечно* — узлом железн[о]дорожн[ом] «грунтовым пункте» — не поддается описанию. Скрепя сердце телеграфировал, ч[то]б[ы] Земский и Городской союзы нам помогли развитием в этой пустыне малейших зачатков культурности — возможно, густой сети питательных, чайных, амбулаторных пунктов, заразных больниц и пр. Вилейская картина культурного неустройства и хозяйствен[но]-административн[ой] дезорганизованности — это миниатюра, микроскопическое лишь отображение всего того, что представляет собой наша вообще государств[енно]-обществ[енная] машина. Сплошная авгиева конюшня, тоскующая о Геркулесе...⁹⁸ На всем лежит отпечаток, оправдывающий пословицу, применимую только к нам, истинно русским, — «на охоту ехать — собак кормить».

В «Биржевке» от 17 августа помещена передовица «Извращение перспективы». Говорится в ней о том извращении, о к[ото]ром я уже писал давно в своем дневнике; только теперь лишь узнал, что это извращение носит крылатый термин «пораженчество». «Пораженчество», как я уже объяснял, имеет свои органические корни в несчастном русском быте — в бессовестной и бесстыдной реакционной политике инквизиторов русской жизни вроде Победоносцева⁹⁹, Плеве¹⁰⁰, Кассо¹⁰¹ и К° — в самом полицейском режиме государств[енного] уклада, при к[ото]ром наши сатрапы-бухарцы ставили себе самой главной задачей воевать не с внешними врагами Отечества, а с российским обществом; невежество и кромешную тьму народа, опаиваемого водкой, они возводили в гражданскую добродетель России! «Пораженчество», по моему диагнозу врача, есть психоневроз — вид мазохизма. Уж

очень много у бедных россиян скопилось столетиями ущемляемых аффектов от неправд, творимых над ними бесчестной, насильнически-своекорыстной властью, что ценой хотя бы и большой боли для себя у них является злобное желание отомстить своим лихим супостатам за все перенесенные ими обиды и оскорбления! «Пораженцев» надо лечить, но гигиенически: оздоравливая саму почву, на к[ото]рой они могут рождаться. Мне кажется, это фрукт лишь чисто русский; может, пожалуй, спеть и в Турции, и в Бухаре, но никоим образом не встретить его ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии и проч. культурных странах, где нет той бухарско-деспотической полиархии, к[ото]рая царит над Святой Русью. Там на гранитном незыблемом фундаменте упрочено крепко уважение к тому кумиру, к[ото]рый носит чудесное название «право» и «закон»... «Право», «право»! Каким я был до последнего почти времени полным младенцем, полагая, что права людям даруются! Нет — они, по-моему, могут только вырываться. Так мало людей, к[ото]рые бы интересы ближнего ставили выше ширины своего кармана! Поступаются его интересами лишь по принуждению¹⁰² и обыкновенно с опозданием для обойденных и обездоленных...

Офицер, приехавший из *Минска*, уверяет, что он читал в местной газете телеграмму, будто союзники взяли Дарданеллы. Я все не верю, пока сам не прочитаю из официал[ьных] источников. А то как бы это известие не явилось второй очередной уткой!

Видал и познакомился сегодня в клубе с одним отставным генералом, порядочным уже старцем; выразил ему удивление, что он не на полях битвы — ну, хотя бы в должности начальника санитарного отдела; оказалось, что должность эту он уже унюхивал, да — к прискорбию, сказал, не имеет протекции!

В *Минске*, передавали мне, вышел следующий комичный инцидент: евреи, по своему обычаю, несли в сумерках гроб якобы покойника на кладбище; кто-то из властей усомнился в достоверности похорон; процессию остановили, и оказалось, что в гробу покойника не лежало, а вместо него покоилось там около 7 пудов звонкой монеты!

21 августа. Город в мирное время имел около 3 тысяч жителей. По природным условиям — отличное место для поправления нервно

расстроенных и умственно переутомленных. Молитвенная тишина; изредка прокричат петушки, пролают собаки или промычат коровы, да днем слышатся бубенчики извозцов; совсем уж каким-то сверхъестественным феноменом иногда промчится окаянный автомобиль, заставляющий всех жителей высыпать из домов, ч[то]б[ы] полюбоваться такой диковиной. Садик при моем доме весь в цветах. Завтра пособеру их и, засушивши, пошлю моей милой Лялечке, к[ото]рой давно не писал. Ухожу в лес, прислушиваюсь, как он шумит-разговаривает; листопад. Благодарение Господу, что я очутился вдали от вакханалии!¹⁰³ С большой неохотой буду расставаться с этим благодатным уголком; мою филию, вероятно, скоро подтянут на соединение в *Вильно*, куда сегодня передвигаются полевая почта и контроль армии. Судейские и духовенство все ожидают своего поезда. Задержались выездом и мои милые старушки, очень меня полюбившие.

Сообщение между *Гродно* и *Вильно* прервано, т[а]к к[а]к немцы уже в *Оранах*¹⁰⁴. Как идут дела нашей армии, не знаю, не будучи сам у первоисточника; брехне же всякой не верю; но из более или менее достоверных источников сообщали мне, что в *Молодечно* на днях выливали из винных складов спирт, и был большой скандал; сегодня же оттуда проследовал через *Вилейку* поезд с каким-то учреждением — нижние чины были безобразно пьяны.

Зашел было к нашим судейским вечером; просидел не больше пятнадцати минут — так они скучны: выпивают водочку, закусывают и дуются в карты; ни слова живого. Здесь я больше, чем где-либо, оказался культурным одиночкой...

22 августа. «Благословен и день забот, благословен и тьмы приход». Живу в том же эльдорадо. Но на душе у меня сегодня особенно и скучно, и грустно. При одном представлении, что войне не предвидится конца, берет мучительная тоска, да при той еще «ориентации», что я здесь ни к чему, т[а]к к[а]к являюсь гайкой ли, или винтом, но... для другой машины...¹⁰⁵ Служебная атмосфера фальши, очковтирательства, холуйства, хамства, козыряния, ч[то]б[ы] только вышел «бум», а не дело делалось... меня положительно истомила и парализовала¹⁰⁶.

Петербургские газеты у еврея сегодня не получались. В аптеке же прочитал № «Рус[ского] слова» от 20 августа. Ожидания русского общества относительно ближайшей перемены внутреннего политического курса все еще не осуществляются. И в центре, и на местах курс продолжает оставаться тем же. Испрашивается даже высочайшее разрешение на продолжение срока действия чрезвычайных — исключительных положений по всякого рода охране во всех местах империи, к[ото]рые не состоят на военном или осадном положении. «Так было и так будет». Обновление кабинета до сих пор выразилось лишь в смене лиц, а не в смысле политики власти. А так недавно в правительственной декларации были провозглашены еще начала взаимного единения и доверия! Общество наше уж слишком много выдало правительству кредита авансом, оно же проявило удивительную неспособность возвыситься до истинного понимания своей великой государственной задачи, предпочитая единению с обществом борьбу с ним... Куда плывет наш государственный корабль, управляемый лишь крепкой, но бесстыдной волей и ширококомедными лбами кормчих? В чьих руках теперь судьба «славной» России? А чем она славная?!¹⁰⁷

В *Петрограде* и других городах творится за последнее время новая трагикомедия на почве исчезновения из обращения и недостатка разменной монеты, принявшая в *Петрограде* характер массовой паники¹⁰⁸.

23 августа. Второй день почти безостановочно идет мелкий осенний дождь. Чувствую большой упадок настроения; борюсь с духом уныния, все более и более овладевающим мной. Нервная восприимчивость ко внешним впечатлениям и внутренним зовам как-то притупилась; не в состоянии думать; нарушено мыслительное равновесие; превзойден, очевидно, предел той емкости впечатлений, к[ото]рая предопределена и отпущена моему мозгу и нервам природой. Уж очень много я перетерпел; происходит отдача нервного аппарата...

Из моей филии санитарного отдела один за другим вытребовываются в *Вильно* чиновники и нижние чины; скоро, кажется, я здесь останусь один с обозом! Мой принципал — земно мятущийся «хра-

брый» полковник, которому приказано было быть акушером, и он стал акушером — чувствует себя без меня более свободным, с развязанными руками, и его «ндраву» никто теперь там не препятствует, да и в глазах кого следует ему есть чем козырнуть, что он может обходиться без меня. В этом хаосе коллективного озорства и опьянения вином власти наших дикарей мне только и остается, что отходить в сторону и не противиться не преодолимыми никакими кустарными усилиями злу да обдумывать, как бы с наименьшей болезненностью для моих ребят поскорее выбраться из этого зловонного оврага. Пусть наши игроки в лучшем ансамбле разыгрывают свою игру на поражение их бумажной, самодурственной, алчно-похотливой России.

Возвратился из *Вильно* чиновник отдела; передает, что там большая дороговизна на все, не достанешь многих предметов первой необходимости, напр[имер] — спичек, булок и пр., зато много там сладкого: цукерни торгуют вовсю, масса кексов, печений, хлебают досыта шоколад, кофе; кроме того — действуют кинематографы, действует и целая армия горизонтралок-гризеток, с которыми отводят душу наши герои... Чиновник об этом рассказывал за обедом с нескрываемым чувством осуждения по адресу сих павианов, но сидевшие здесь же за столом офицеры взяли их под свою защиту, серьезнейшим манером упрекая чиновника в непонимании такой азбуки, что-де военным с позиций надо же поразвлечься и поотдохнуть!

Из нашей армии эвакуируется ежедневно на *Вильно* и *Ландварово* раненых до 3 тысяч чел[овек]. Идет большой убой. *Гродно* взят немцами. Передают, что под *Оранами* сильно пострадал Семеновский гвардейский полк¹⁰⁹. Штаб СЗ фронта перешел в *Смоленск*.

Одна из милых старушек мне сегодня преподнесла два букета: из белых и алых роз, объяснивши, что первый в знак невинности, второй же — в знак любви.

Здравые мысли высказываются в «Биржев[ых] вед[омостях]» от 18 авг[уста] относительно циркулирующих в обществе и печати слухов самого противоположного характера: по версии одних — спееет диктатура, по версии же других — ответственное министерство. «Ужас русской истории, — говорится, — в том, что наша внутренняя

эмансипация покупается всегда ценой внешнего унижения» (приводятся примеры — Севастополь, Цусима...). «Судьба России в этом смысле — что качели: один край поднимается, другой опускается... Реформы же, выжимаемые страхом, делаются наспех... Говорят теперь уже не о конституции, а о парламентаризме... Если бы на издевку Коковцова¹¹⁰ (“слава Богу, у нас еще нет конституции!”) 3-я дума ответила требованием парламентаризма, а не пресмыканием перед столыпинцами, Вильгельм¹¹¹ не поздравлял бы теперь Гинденбурга...¹¹²» Высказываются далее опасения, как бы учрежденный теперь парламентаризм наш не свелся бы к такой же внешней формуле, как и наша «конституция», что-де может случиться, если вопрос этот будет оторван от других вопросов, и реформа начнется с конца. «Парламент есть купол над зданием конституционализма; но понятие о куполе обнимает собой и понятие о фундаменте, без фундамента купол — звук пустой», а потому-де надо прежде всего позаботиться об укреплении подлинной юридически обоснованной конституции (применениями выборного закона и производством новых выборов), так как парламентаризм, введенный наспех, как мера, а не форма правления, может лишь скомпрометировать себя». Далее следуют безотрадные размышления, как при настоящих условиях, когда страна напряжена самозащитой, может она теперь еще напрячь столь острую борьбу, как выборы... «Вряд ли удастся при настоящих обстоятельствах ввести парламент как форму правления, а этот сверкающий новизной купол придется установить на старые стены думы Коковцова, Щегловитова¹¹³ и Маклакова¹¹⁴, в свою очередь основанные на ветхом фундаменте бюрократизма...» «Власть, которой бы верили, столь же нужна нам, как ружья и шрапнели», — восклицает автор.

Мне думается, какое-то проклятие тяготеет над нашей родиной: какой стороны русской жизни у нас ни коснись — везде вопиющая потребность в реформе; реформировать же ее одну, и при этом сохранить нетронутым весь комплекс общественной жизни — нельзя, ч[то]б[ы] достигнуть каких-либо положительных в этом отношении результатов, возьми хотя бы для примера ту комиссию, в к[ото]рой я участвовал два года в *Петербурге*... А то вот еще школьный вопрос:

нельзя его выделить из целого ряда других вопросов, процветание школы мыслимо и тесно связано с рядом экономических и политических вопросов; сама по себе весьма хорошая частная реформа, но вкрапленная в несродственный ей общий в данное время режим — есть что-то фиктивное. Между всеми сторонами жизни должна быть координация, взаимная органическая связь и гармония. Розы цветут весной... Как культивировать известное данное растение, если и атмосфера, и почва окружающая — среда — способны только глушить его и не в состоянии способствовать его произрастанию? Великая крестьянская реформа, учреждение земских и городских «самоуправлений» и прочие следовавшие частные реформы, проведенные одновременно сами по себе, без параллельного своевременного видоизменения всего государственного строя, ч[то]б[ы] не новое ли вино, влитое в старые мехи благополучно и поныне здравствующего и не издохшего еще у нас бухарско-полицейско-бюрократического режима, угнетающего всякую общественную инициативу и самостоятельность, даже свободу пользования членораздельной речью?! Полны глубокого смысла и современного значения высказанные еще Щедриным слова (в «Тихом пристанище», цитирую по сохранившейся газетной вырезке до войны): «... в естественном порядке всякое новое явление в сфере экономической или политической должно входить в жизнь не одинокое, но окруженное целым рядом других соответственных явлений, имеющих споспешествующее и обеспечивающее свойство, а у нас явление это всегда становится уединенно, без всякой связи с общим жизненным строем» (*sic!!*) Немудрено, что при отсутствии элементарных правовых условий у нас всякий съезд, всякое собрание-совещание, ч[то]б[ы] в обсуждении программных вопросов быть, в сущности, деловыми, никак не могут при этом отринуть логического императива — ч[то]б[ы] не завести и речи о принципиальной постановке общественно-политических проблем, как о месте, которое необходимо предварительно расчистить, ч[то]б[ы] на нем построить по известному плану здание.

24 августа. Дождь, ветер, какой-то зловещий шум деревьев. Уныние становится основным лейтмотивом моей изболевшейся (может

быть, и стареющей?) души. С беспокойствомзираю во мрак будущего. Неудержимо тянет отрясти прах от окружающей мерзости, но куда мне уйти, когда дома мне будет еще грустней?.. Нет мне пристанища на земле... «Когда настанет на земле мерзость запустения — бегите в горы», — говорится в Священном Писании.

Сегодня местные обыватели, частью беженцы (из них много интеллигентных лиц) жаловались мне на «засилье» над ними, но не немцев, а наших офицеров, особенно штабных, творящих всякие грубости с угрозами «побить морду»...¹¹⁵ Сыны Ваала, то бишь Марса, никак не могут понять, что они — для граждан, а не граждане — для них.

Газеты получаю лишь случайно. «Речь» и «День», а тем более «Рус[ские] вед[омости]» не читал давно. Забегаю в аптеку, где получается «Рус[ское] слово». Пишут, что организуется междупарламентский Прогрессивный блок, уходит будто бы скоро Горемыкин¹¹⁶, готовится, видимо, не на шутку «бракосочетание» нашей государственности и общественности. «Колокол» советует общественности не «заневеститься» и согласиться на конъюнктуру компромиссов. «Заговорила Москва»: на состоявшемся совещании, в к[ото]ром принимали участие представители различных московских и всероссийских общественных организаций, а также нек[ото]рые деятели Петрограда и провинции, вынесены наполняющие душу радостью и бодростью резолюции прогрессивного содержания. «Тот самый Н.И. Гучков¹¹⁷, — говорит “Нов[ое] вр[емя]”, — который в глазах рядового московского интеллигента стяжал себе славу закоренелого черносотенца... который был врагом думского министерства — теперь уж проповедует министерство общественного доверия». Боюсь я, как бы только наша спасовавшая в грозный час и теперь поджавшая хвост бухарская бюрократия, сложивши в критический момент с своих плеч на чужие ответственность — при невозможности организовать теперь экспромтом победу, — не воспользовалась бы неизбежностью в конце концов нашего поражения, ч[то]б[ы] обвинить во всем этом ту же общественность; так часто делает хитрый и лукавый практический опытный врач, спихивая от себя в нужный момент безнадежного больного на попечение одушевленного самыми лучшими намерениями,

но простака в житейском смысле — молодого, неопытного коллегу! Иудушка «Нов[ого] вр[емени]» верно высказывается, утверждая, что при Цусиме погиб у нас не флот, а лишь видимость флота, равно как и теперь — погибли у нас не крепости, а лишь их видимость. Я бы к этому добавил, что все наши якобы прогрессивные начинания, проводимые в государст[венно]-обществ[енную] жизнь, в частности — всякие усовершенствования по заграничному образцу в нашу армию (аэропланы, автомобили, прожектора и проч.) — не представляют ли они только одну видимость? Проявляемая нашими военачальниками сама «энергичная» деятельность-то — не сводится ли, в сущности говоря, все к той же видимости?! Прегрустно, но так! Но зато у нас завет Козьмы Пруткова «Козыряй» свято чтится! И «шумим, братцы, шумим»! И выходит как у свиньи: визгу-то много, да шерсти мало! Бутафория, бутафория во всем...

25 августа. Льет дождь. Кругом хмуро и слякотно. На душе дремучая тоска; моя само погруженность меня почти разъедает. Непосредственной связи со штабом не имею; неизвестно, что у нас на фронте.

Прочитал в аптеке «Рус[ское] слово» от 23 августа. Запахло как будто «весной» — в воздухе реет уже давно назревшая формула «министерства общественного доверия» или «правительства, сильного доверием общества». С Божьей помощью обозначился поворот: «националисты» лобызаются с прогрессистами. С московскими «левыми» резолюциями в полной солидарности даже «Новое время» и «Колокол». Московская городская дума — «московский земский собор» — преподала урок государственности и гражданственности всероссийской Госуд[арственной] думе, «оказавшейся в нек[ото]рых отношениях лучше, чем можно было бы ожидать от нее, но хуже, чем должно было бы быть в такое время подлинное народное представительство».

21-го в *Петрограде* в небывалом по многолюдству кворуме состоялось закрытое совещание гласных городской думы, созванное для обсуждения постановлений Московской городской думы: «*Москва* и купцы сказали правду, и мы должны сказать то же, что и они»

(Шингарев). Зернов¹¹⁸ же предложил ходатайствовать о созыве съезда из представителей всех общественных организаций для выбора нового состава правительства. К постановлению Моск[овской] гор[одской] думы, касающемуся общих задач настоящего момента, присоединяет свой голос и Тверская городская дума, верящая, что почин Московской думы встретит живой отклик во всей России. 22 августа и наше Рязанское чрезвычайное губернское земское собрание единогласно приняло постановление о тесном единении власти с общественными силами и приветствовало призыв в состав правительства лиц, пользующихся общественным доверием. Отличную речь сказал в заседании (22 августа) Государст[венного] совета барон Р. Розен¹¹⁹, предложивший «выровнять наш внутренний фронт в уровень с политикой и идеологией наших доблестных союзников...». «В борьбе против германского милитаризма, — заключил он, — Россия стала на сторону права и свободы, и для торжества идей, за которые мы боремся, необходимо, чтобы и в России более не было бесправных и угнетенных» (*sic!*). Большое спасибо барону, есть же граждански честные люди и в Назарете...

Налепил на картон цветочков для моей милой Лялечки, завтра pošлю ей в письме.

26 августа. Погода стоит все пасмурная, с дождями и ветрами. Напившись, по обыкновению, рано утром чаю, прошелся по садику, нарвал себе огурцов и пособирал опавших слив. Написал Ляле и Сереже письма.

Не двигаемся пока ни мы в *Вильно*, ни оттуда не прибывает к нам сюда штаб; по обывательским сведениям, на днях должен прибыть в *Молодечно* штаб 1-й армии; мои старушки стали раскладывать свои увязанные было вещи, т[а]к к[а]к все никак не дождутся поезда.

Прочел с наслаждением «Рус[ское] слово» от 24 августа, сообщающее радостную весть о состоявшемся междупарламентском блоке — соглашении между фракциями и группами Госуд[арственной] думы и Госуд[арственного] совета, на основании к[ото]рого вынесена знаменательная декларация о необходимости и замены лиц министерства людьми, пользующимися доверием общ[ест]ва, и проведении в жизнь

амнистии, гражданских свобод, общего кооперативного закона и о прочих тому подобных очаровательных вещах... Интересный момент в политической жизни России, заполненной вековыми неправдами и несправедливостями. Как будут реагировать высшие бюрократические сферы? Что готовится в правительственной лаборатории Горемыкина? Какого надо ожидать вольты?...¹²⁰

Наши «алчные плотию» сыны Марса обнаруживают удивительную выносливость в отношении газетного голода: им только бы прочесть телеграммы из штаба Верх[овного] главнок[омандующего], да еще, пожалуй, «Русский инвал[ид]» о производствах и назначениях, и больше ничего не надо. Даже, казалось бы, цвет военной интеллигенции — судейские — и те обнаруживают поразительное невежество и незаинтересованность относительно творящегося теперь в России, о чем теперь гремят витии в Госуд[арственной] думе, совете, на съездах... А я таки прямо страдаю от безгазетья. Кстати, о судейских военного ведомства — какими они, даже по сравнению с своими коллегами гражданского ведомства, представляются ограниченными, опустившимися; так сильно влияние пропитавшей их поганой блевотины — этой военщины.

27 августа. С Новым годом! Но... еврейским. Его израильтяне будут праздновать сегодня и завтра, а послезавтра — суббота; значит, целых три дня ничего в городе нельзя будет достать, т[а]к к[а]к все магазины — еврейские и будут закрытыми. За неимением в городе пшеничной муки едим черный хлеб. Продается на базаре масса грибов; фунт сушеных белых грибов — 40—45 коп[еек]; попробую купить и переслать своим. Под влиянием каких-то нехороших слухов настроение среди жителей особенно беспокойное. Со дня на день ожидаю момента, когда должен буду соединиться со штабом — или они к нам, или мы к ним.

Прочитал радиogramму у коменданта, гласящую, что 25 августа в 6 час[ов] вечера из Ставки на Кавказ к новому месту службы отбыл великий князь Николай Николаевич¹²¹, сердечно провожаемый государем императором. Что сие значит? Комендант же мне передал, что читал он уже и приказ Верховн[ого] главнок[омандующ]его, объ-

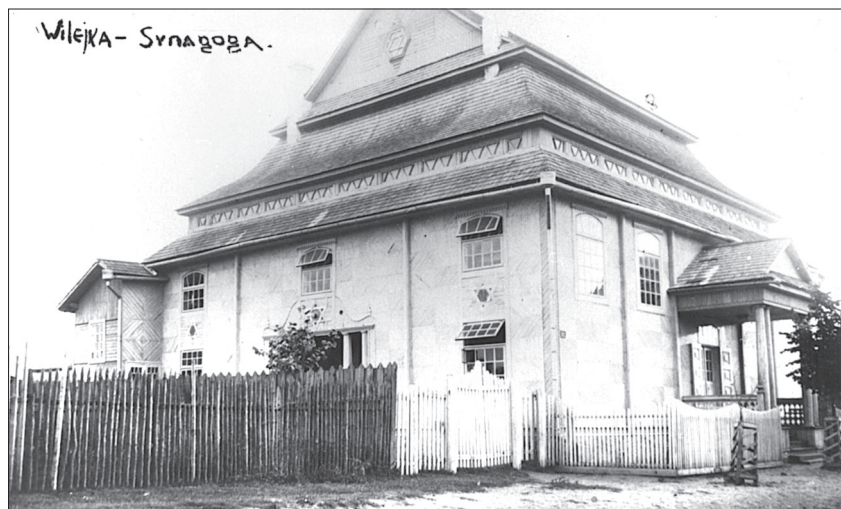
являющий войскам, что в предводительствование ими вступает сам государь. К добру ли все это? Как-никак, а Николай Николаевич, как мне приходилось всегда убеждаться, все-таки был очень популярен и среди войск, и среди даже нашего общества — в тылу. В Ставке теперь и сам государь, и его *tatan*, и весь пышный хвост семейный и придворный¹²². Страшно и вообразить, что теперь будет твориться в штабе; ничего не будет мудреного, если в Ставку скоро прибудет и Распутин¹²³ — получится весьма скверный анекдот. Премрачно взираю на грядущее!.. Господи! Не отшибай Ты у кормчих нашей измученной России последнего здравого смысла и чувства долга перед родиной, дабы не было бы места сатанинскому смеху над нами у противника! Но вот и снаряды будут подвезены, и фронт будет выровнен, и жида будут обезврежены, а будем ли мы способны к победоносному наступлению?.. «Верить бы готов, но жизнь надежды разбивает». Не одолеть нам немцев! Если верно, что «человек делается тем, что он думает», то я должен бы быть теперь огнедышащим гневом и злобой. Среди военщины не вывелось еще несколько это пагубное для дела «мы» и «вы»; «мы» в засилье над «вы» доходят до садизма, доводя обидами и несправедливостями этих «вы» до мазохизма... «пораженчества»! По поводу творящегося развала во внутренней жизни России вспоминаются слова Талейрана¹²⁴ (?), что-де штыками пользоваться иногда не мешает, но все время сидеть на штыках — вещь нехорошая...

Фельетоны Петрова¹²⁵ в «Рус[ском] сл[ове]» становятся противнее писаний Немировича-«Вранченко»¹²⁶ — все в них сочинено и так далеко от действительности. В газетах отмечается холодность и безучастие к «великому народному делу», обнаруживаемые нашим черным духовенством; предлагаются даже принудительные меры к привлечению монастырей принять участие в народном подвиге и разделять народную заботу. В пакостном отношении к страждущим воинам монахов и монахинь сам воочию убедился при пребывании в *Красностоке*¹²⁷ и *Гродно*: за продаваемые нам продукты, за доставляемые нам маломальски какие-либо удобства святые иноки и инокини готовы были с нас шкуру драть!

28 августа. Погода ясная и прекрасная; ясно-прекрасно у меня и на душе: во-первых, по этой причине, а во-вторых-третьих и т.д. — потому, что получил сегодня хорошее письмо от моей «принцессы Грезы» — дорогой Лялечки, еще несколько №№ разных газет от «Данте»¹²⁸, к[ото]рый уже возвратился в *Москву* из кромешного чи-стилица и там теперь пребывает в задушевной компании случайно съехавшихся моего Сергея-брата и племяши Леонида¹²⁹.

Только что приехавший из *Вильно* писарь до сих пор не может еще прийти в себя от пережитых впечатлений тех безобразий, к[ото]рые там теперь творятся: сплошной публичный дом! Масса «живого товара» задержалась там, да еще больше понаехало из *Варшавы, Гродно, Ковно...* Маньчжурия без водки!

Какой-то праздник чувствуется и мной; на улицах, особенно возле синагоги, масса евреев всех возрастов и обоего пола. Поинтересовался зайти в синагогу, принявши все меры, ч[то]б[ы] не оскорбить религиозного чувства молящихся; хотел снять фуражку, но мне посоветовали ее надеть; подали предупредительно стул; большинство сидело, и всякий, погруженно в книгу, что-то бормотал, делая ритмически-качательные движения; на амвоне возле как бы нашего престола стояла группа, видимо, их раввинов, к[ото]рые читали более громко и более

Синагога в Вилейке

исступленно качались; время от времени все разрозненно, но хором произносили какие-то краткие молитвы, часто повторяя слово «амен». Физиономии самые библейские; на многих из молящихся были накинута какие-то белые с черными оторочками крылатки, прикрывавшие нек[ото]рых совсем с головой. Благоговейная моя настроенность подверглась большому испытанию,

А.Е. Эверт

ч[то]б[ы] иногда легкомысленно не улыбнуться казавшимся комичными всем этим автоматическим наклонениям, вернее — дерганиям корпуса и головы, а также беспорядочному галдежу.

Прочитал №№ «Рус[ского] сл[ова]» и «Дня» от 26 августа. Состоялся уже приказ по армии и флоту от 23 авг[уста] о том, что предводительствование на себя берет государь; Никол[ай] Николаевич назначается наместником Кавказа, его помощником — Янушкевич¹³⁰, главнокомандующим нашего фронта (Западного) — Эверт¹³¹. Выше-названный № «Дня» прилагаю как интересный по содержанию отчета о заседании Гос[ударственной] думы, также вырезку из № «Нов[ого] вр[емени]» от 23 августа как образец подлого флюгерства этого органа. Нервно должна пульсировать общественная мысль в России... Лозунги, выставленные в программе Прогрессивного блока, несутся со всей матушки-Руси в виде резолюций, заявлений и обращений.

Прекрасный вечер. Прошелся далеко за город через реку. Вот она — милая Русь полей, лесов, широкого простора... Свежесть и тишина наполняли душу благоговейным религиозным чувством перед открывшимся храмом природы... По зеркальной глади реки издали плыла, прерываясь криками гусей, тягучая, печальная, надрывная песня, щемившая душу тоской по невозвратному, по несбыточному... В памяти зажглись грезы о давно минувшем, об «отчем доме», о светлых радостях детства... Солнце огненно садилось, бросая сумеречные тени... Вечер закатывался, слышался успокоительно-нежный, тихий

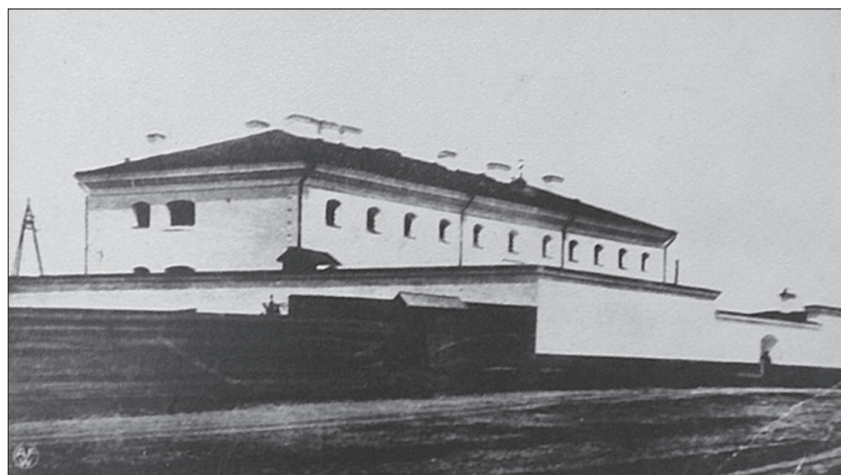
Вид на Вилейку со стороны р. Вилии. 1900-е гг.

вечерний звон. Побрел назад в город. Зашел ко всенощной, уже пели «величаем Тя, Крестителю отче Иоанне...». Достоял до конца. Ушел просветленный, умиротворенный... А что нас больше всего мучит, беспокоит, связывает, как не забота, не дума о себе, о близких, дорогих тебе людях? «Познайте истину, и истина сделает вас свободными», но только в успокоенном духе раскрывается истина, она «отражается в глубине, к[а]к небеса отражаются в светлых водах тихого горного озера».

Заглянул в местный клуб, где устроилась наша столовая; при нем ветхий деньми типичный «Фирс», обреченный на оставление при уходе всех немцам. Побродил по стогнам города. Безлунье. Керосиновые редкие фонари тускло освещали дорогу. Мрачная тишина сонливого провинциального угла мне теперь куда как милей залитого электрическим светом городского шума...

29 августа. Прекрасный свежий осенний денек¹³². Испытываем голодание по белому хлебу. За утренним чаем, за неимением даже и белых сухарей, попробовал есть вареные макароны; от черного же хлеба натошак меня слабит. Прошелся после чая по городу, добрел до отдаленной окраины его, а затем и до кладбища. Чудный «деревенский» воздух, дома раскинуты на просторных усадьбах, улицы — широкие,

незаезженные, поросшие травой; есть название — «Тургеневская ул.», на одном из флигельков по ней — надпись владельца: «Левитан»... Чем дальше от города, тем более убогими представлялись жилища. Масса ребятишек, и тем их больше, чем бедней хата. Вот и тюрьма — одно из лучших зданий города. На пригорке картинно ютится городское кладбище. Мистическая на нем тишина; при входе висит объявление: «Строго воспрещается гулянье по кладбищу, где плач, рыдание и мо-

Вилейская тюрьма. Начало XX в.

Вид на Вилейку с тюремного замка

литвы. Нехристианам тоже воспрещается» (*sic!*). Могилки все бедные, многие совсем без крестов; очень немногие имеют приличные памятники; так и пестрят надписи: «коллежский советник», «надворный советник»... На одной из могил — крест с сухой надписью: «Здесь покоится жандарм Федот Козинский, скончавшийся на тридцатом году 1 марта 1904 г.» (безо всякой эпитафии касательно мира или покоя его души!). В церковь попал к самой панихиде по убиенным — «на поле брани живот свой положившим». Чудные и по содержанию, и по напеву молитвы, служащие для меня всегда самой лучшей музыкой на свете: «Аллилуйя, аллилуйя... упокой рабы Твоя... в месте светлы, зланы, покойнее, идее же праведнии упокоются... упокой, презревши все их прегрешения... да предстанут пред страшным престолом Высшего Судии... от вечного огня их изведи...»

Прибывший из *Вильно* чиновник передает, что у нас в отделе настоящий сумасшедший дом. Я так и ожидал... Продолжается та же мышьяная беготня и насекомоядная возня. Солдатики будто бы подбодрились в сознании, что количество снарядов поприбавилось, бьются с ожесточением; говорят они так: «Чего там, что канитель тянуть; раскатать бы поскорее, да пора по домам; затылок¹³³ бы был теперь у нас как следует запущен, да кучера бы нами как следует правили...» Наша армия вошла теперь в Северный фронт (там же 5-я, 6-я и 12-я армии).

Вывоз тела погибшего офицера на станцию Вилейка после отпевания в часовне на кладбище. 1916—1917 гг.

По случаю принятия государем предводительствования над сухопутными и морскими вооруженными силами в России совершаются всенародные молебствия. В газетах от 27 августа приводится обмен приветственными телеграммами государя¹³⁴ с президентом Французской Республики. Резко бросается в глаза отсутствие такового же с английским королем. Что сие значит?

По поводу нового цензурного закона в «Нов[ом] вр[емени]» от 27-го — отличная статья Меньшикова.

Энергично роют окопы под *Молодечно*, *Вилейками*... да, говорят — даже и под *Москвой*.

30 августа. Уж небо осенью дышит; солнышко светит, но уж не так щедро греет. Хотя иногда и принудительно, но продолжаю вести свои записки с выражением своих дум, сомнений, надежд, сетований и взглядов. А с такой бы охотой вытряхнул из головы и вырвал из сердца все, что волнует.

Живя в благодатной *Вилейке*, я все же значительно укрепляюсь нервами — не вижу виленского содома. Приехавший оттуда мой солдатик из отдела метко выразился, что там «начальство все перемешалось...». Пообобрал все последние сливы в саду, нарвал баклажанов, огурцов. Лечусь райской тишиной. Отдыхаю и умиляюсь душой, что созерцаю в этой глуши сморкающуюся в кулак и едущую на волах нашу «самобытную» культуру... Посещают временами даже мысли, что как бы хорошо было отрясти прах от всяких плодов просвещения!..

Получил кипу газет. Звонят в них о «блестящих успехах наших войск» за 25—26 августа под *Тарнополем*¹³⁵ по фронту Серета; но представляется это мне таким же симптомом, как нек[ото]рое, напр[имер], спадение температуры у смертельно лихорадящего больного, когда окружающие начинают прыгать от радости в надежде, что дело пошло на поправку, но... один лишь лечащий врач, слагая все на сердце, не видит в этом симптоме ничего утешительного, будучи уверенным, что по свойству и болезни, и организма больной все-таки не выздоровеет...

А весьма загадочная штука: почему государь обменялся приветственным[и] телеграммам[и] только с президентом Фран-

цузской Республики, а с английским же королем — нет? И это обстоятельство особенно бросается в глаза при чтении следующих строк телеграммы из штаба Верх[овного] главнок[омандующ]его: «...Наши армии уверенно смотрят на будущее... Наш верный союзник — французская армия — уже две недели подвергает страшному артиллерийскому обстрелу противостоящий ей германский фронт». В смысле предводительствования армиями, пожалуй, нельзя не признать в значительной степени морального *raison d'être*¹³⁶: стратегическая карта великого князя, без сомнения, была бита, и для подъема духа войск необходима была передача командования над ними новому лицу, а тем более — государю. Рассуждаю так — принципиально лишь, безлично¹³⁷.

Неужели наши вожди будут загипнотизированы кутузовской тактикой? Это ужасно! В водовороте событий, представляемом войной, в какую-то равнодействующую вольется сложная игра миллионов частных стремлений, желаний, вожделений, целей, личных интересов, отдельных самолюбий, воль, совестей, своекорыстных расчетов и пр.?!

В газетах приводятся комментарии заграничной прессы по случаю принятия государем на себя высшего командования. Одни, конечно, комплименты.

В чрезвычайном заседании Совета Министров 27 августа обсуждалась программа междупарламентского Прогрессивного блока. «Речь» с горечью констатирует, что призывы общества по-прежнему остаются без ответа со стороны власти. Резолюции блока, попросту говоря, «были приобщены к делу». Ввиду распространившихся тревожных слухов о предстоящем скоро роспуске Гос[ударственной] думы, вызванном будто бы на этот раз опубликованием означенной программы блока, «Нов[ое] время» успокаивает, что-де не имеется никаких оснований, ч[то]б[ы] правительство возбудило вопрос о роспуске, так как оно-де придает первенствующее значение не декларационным выступлениям отдельных думских групп, а общей плодотворной работе Гос[ударственной] думы. Получается нечто вроде того, что вы, деточки, нашалили, но это, мол, ничего, мы, папашенька с мамашенькой,

вам это прощаем и считаем вас все-таки паиньками и не будем вас шибко наказывать...

Направление «Дня» — правильное, что он требует от народных (в сущности — псевдонародных!) представителей большей действенности... Несчастье нашей русской действительности, что наиболее действенными оказываются-то у нас те, у кого и ума, и просвещенной совести меньше, люди же с развитием и солидным умом обречены на бездейственность... Ведь у наших администраторов и больших военачальников в лучшем случае, может быть, и есть совесть, но она у них какая-то своеобразная — дуболобая; для управления массами, для осознания долженствующих быть нормальными взаимоотношений между «мы» и «вы», им, обладателям сильных волей, так необходимо было бы быть только... только медицински образованными людьми! Они тогда поняли бы, какую чудодейственную роль — даже и при несовершенствах и недостатках нашего государственного уклада — играет проявление в человеческих общениях чувства любви, сердечности и уважительного отношения к личности. Быть просто ни больше ни меньше как людьми! Какой крупный фактор победы мы могли бы теперь противопоставить нашему противнику, если бы только уничтожить хотя одно лишь всероссийское хамство и холуйство! Правда, мне на это резонно ответят, что и хамство, и холуйство, и всякая тому подобная нечисть суть порождения нашего бухарского режима, а следовательно... Но я-то, я, являясь чистейшим продуктом нашей государственной исковерканности (недавно лишь перестал бояться городских! Недавно лишь вышел из-под просвещения таких авторитетов истории, как Иловайский и ему под[обные]!.. Самое законнорожденное детище толстовской системы извращенного миропонимания — умозатемнения!), повторяю — я-то почему, несмотря на такую почву и внешнюю среду, и не был, и не сделался ни холуем, ни хамом? И чем выше поднимался по иерархической лестнице, тем становился перед «малыми» и проще, и доступнее, и гуманнее!¹³⁸

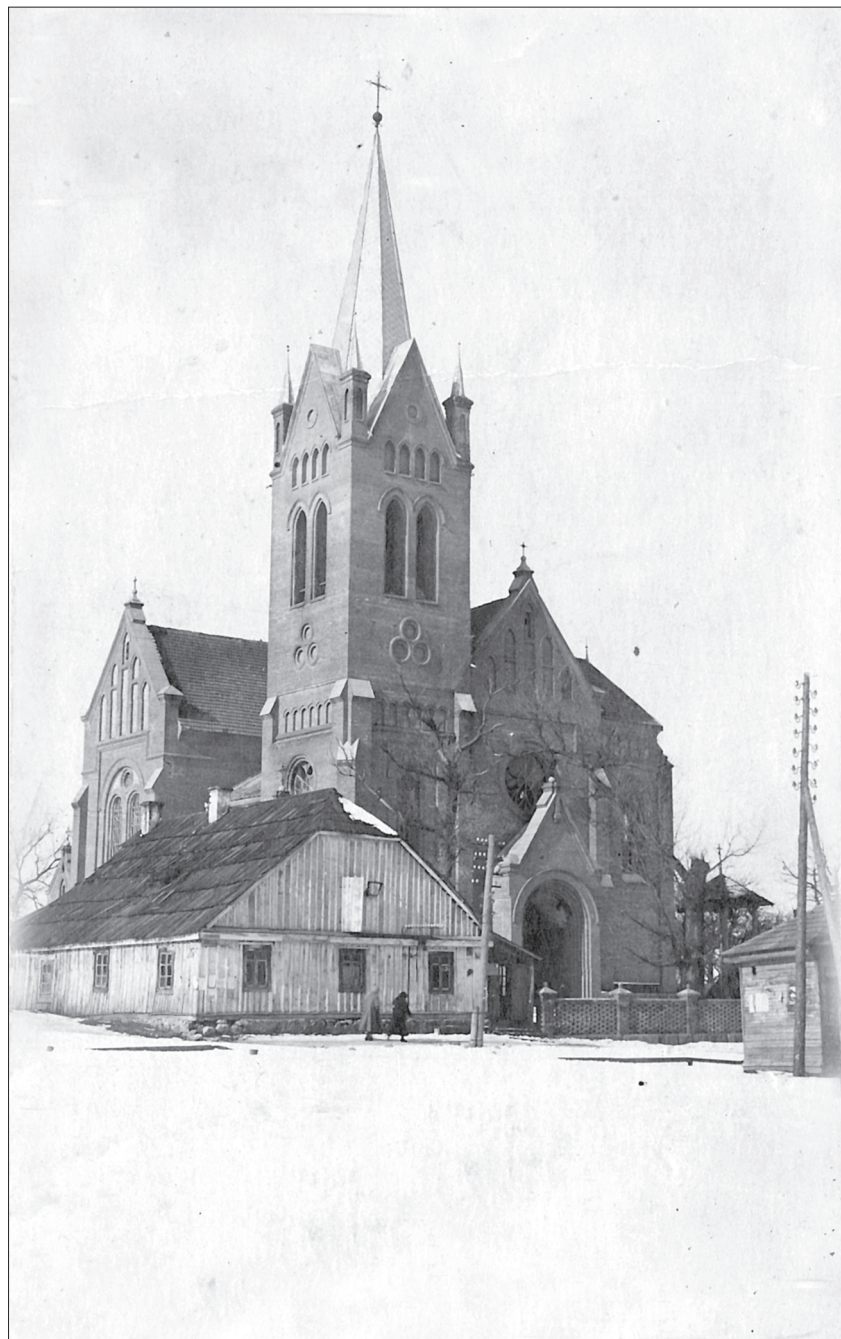
Зашел вечером к город[овому] врачу Орловскому¹³⁹ одолжиться для прочтения нек[ото]рыми томами энциклоп[едического] словаря. И в военную непогоду я все остаюсь при самом себе и могу сказать:

Надгробие А.А. Орловского. Современная фотография

«*Noli tangere circulos meos*»¹⁴⁰. Заглянул в костел ко всеобщей; было хорошее пение под орган; совершалась какая-то церемония шествия по церкви с хоругвями и с большим зонтом, прикрывавшим ксендза... Но не сравнятся всему этому с нашим православным и чином богослужения, и пением! У нас лучше.

31 августа. Светлый, голубой день. Та же благостная обстановка жизни. Немцы шибко прут на *Свенцяны*¹⁴¹ и *Поброды*¹⁴², и скоро, думается мне, отрежут нашей армии движение не только на *Двинск*¹⁴³, но и на *Полоцк*¹⁴⁴. Остается дорога лишь на *Минск*. Когда же мы, наконец, «перегруппируемся», «выровняем фронт» и ударим вперед? Мне кажется — никогда. Немцы умеют что надо им брать, а взявши — не

Костел Воздвижения Св. Креста в Вилейке. Фото Б. Бермана, 1918 г.

Церковь во имя преподобной Марии Египетской в Вилейке. Фото Б. Бермана, 1918 г.

отдавать; вышиби-ка их теперь и потом из тех мест, где они укрепились! Те же самые наши крепости, наши беспредельные болотные пространства — разве они не послужат для противника отличной защитой от нас же впоследствии? Действия наших военачальников кажутся мне совместными действиями лебедя, рака и щуки... Нет

Свято-Георгиевская церковь в Вилейке.
Разрушена в годы Великой Отечественной войны. Фото начала XX в.

для армии «кучеров» хороших; «*made in Germany*»¹⁴⁵ мы противопоставляем лишь одну видимость. Нас по частям разобьют немцы. Да и союзники-то наши на Западном фронте лишь сотрясают воздух пальбой и дальше ни с места. Не сегодня завтра немцы займут *Ригу*, *Двинск*, *Вильно*, а военные обозреватели все будут успокаивать нас, простаков, репликами, что «мы отходим не под влиянием неудач, а вследствие невыгодной стратегической обстановки» (*sic!*)¹⁴⁶. Из винных складов выливаются огромные количества спирта, что сопровождается еще более огромными безобразиями: напиваются самые акцизники, жители — нужные работники, бабы, даже дети, а также солдатики.

Зашел, по обыкновению, в аптеку к «пани Зофье» и «пану Петру» почитать получаемую ими газету «Рус[ское] слово». Преинтересное было 28 авг[уста] заседание Госуд[арственной] думы. Хорошие речи сказали Маклаков¹⁴⁷, Керенский, Караулов¹⁴⁸ и Шульгин¹⁴⁹. Маклаков, между прочим, выразился: «Правительство наше таково, что если бы его назначал Вильгельм — он не назначил бы другого. Это — правительство злой воли, хотя бы сильной и безумной, правительство вредной политики, и если оно не принесло всего того вреда, к[ото]рый могло принести, то потому лишь, что его злая воля парализовалась его бездарностью и неумением». В *Твери* же по адресу Прогрессивного междупарламентского блока с амвона произнес агитационную речь архиепископ Серафим¹⁵⁰, закончивший ее словами: «Мы, пастыри, выйдем на борьбу с этой изменой старому строю и в этой борьбе не побоимся даже мученичества!»¹⁵¹ Видно, что каналья!

От милой сестренки из *Риги* получил письмо от 18/VIII. Пишет: «Сегодня была в церкви и подавала о здравии с просфоркой о родных и Вашем». Тронут.

Белого хлеба, к[ото]рого никак не могут достать в городе своим хамским обращением наши воеводы, я раздобыл у еврея, но лишь лаской и любовью!

За обедом слышал оживленный разговор людоедов-офицеров, к[ото]рые немного сумняшеса с идиотской прямолинейностью высказывались за необходимость «всех жидов вешать и расстреливать»

вместо того, ч[то]б[ы] нянчиться с ними теперь по их расселению! Слушая такие дикости, я хранил гордое молчание.

Фельетонист «Рус[ского] слов[а]» Петров получил очень меткое прозвище в газетах — «барабанного публициста».

Виделся с судейскими. Хотя они и лучше наших «храбрых» воевод, но... но... «а все-таки порядочные свиньи» по отсутствию в них воодушевляющ[их] идей и задач с точки зрения гражданственности, духовные интересы у них в большом умалении.

1 сентября. Прекрасная осенняя погода. Напившись утром рано чаю, прохаживаюсь по садику, по целому коридору рассаженных любящими руками цветов и цветов; мечтаю о своих пенатах — о своем доме, о своем дворе и саде. Супротивник наш все более и более просачивается в глубь нашего отечества и приближается к самому его сердцу. Почта путается; газеты и корреспонденция приходят неаккуратно. Но какое счастье, живя здесь, не слышать гудящих, завывающих, трещащих, хрипящих, свистящих и кашляющих автомобилей!

Около 5 час[ов] вечера прибыли ко мне врачи первого лазар[ета] 8-й Сибирск[ой] дивизии, сообщивш[ие] мне, что они, следуя по приказу на *Свенцяны*, попали под расстрел, что немцы завладели этой станцией, а также *Подбродзе*, и прут к востоку наперерез жел[езной] дороги от *Вилейки* на *Полоцк*; перерезано и забрано будто бы неприятелем много наших обозов, в том числе продовольств[енный] транспорт 3-го Сибирск[ого] корпуса. Врачи спрашивали, как им быть, т[а]к к[а]к потеряли связь с дивизией, и боятся, что лазарет их со всем имуществом, прибывший в *Вилейку*, попадет в руки неприятеля. Я, признаться, скептически отнесся к показаниям коллег и объяснил все это лишь их мандражом... Но великое мое было удивление, когда гуляя, я уже поздно вечером зашел к судейским и увидел, что они поспешно укладываются; на вопрос, в чем дело, мне отвечали, что немецкая кавалерия в 25 верстах от *Вилейки* и заняла уже станцию *Кривичи*¹⁵². Что, думаю, за диковина — отправился к коменданту города Иванцову; оказывается, и у него идет спешная укладка. На вопрос, почему я лишь случайно узнаю, что обстановка наша так внезапно изменилась, он отвечал, что послал мне официальное изве-

щение уже часа 4 назад! Дал мне прочитать телеграмму от дежурного генерала штаба, в коей предписывается ему безотлагательно заняться подысканием помещения под штаб со всеми его учреждениями и частями — под *Молодечно* и в его окрестностях. При мне уже была им получена другая телеграмма с приказанием от начальника штаба разыскать генерала Потапова¹⁵³ и передать ему ее; в телеграмме говорилось, что неприятель подступил к *Ишаня* и *Широковицны*¹⁵⁴, что-де надо собрать все имеющиеся в наличии войсковые силы, ч[то]б[ы] удержать противника. Канцелярия коменданта переполнилась массой офицерских чинов, к[ото]рые возбужденно осыпали его вопросами; для всех было полной неожиданностью случившееся. Все волновались; картина полной растерянности; кто в лес — кто по дрова. Каждый старался лишь о том, ч[то]б[ы] вперед других удрать из грязной истории. Волнение объело все население благословенной *Вилейки*. Ночь была претемная, а комендант скомандовал, ч[то]б[ы] все обозы уже выступали теперь же, не дожидаясь рассвета. Наступил неописуемый кавардак, бестолковое метание всех из стороны в сторону; не чувствовалось мощной авторитетной командной руки. Слухи нарастали один другого тревожнее. Стали искать Потапова — никто не знает где и даже кто он; послали казаков...

Прощай, моя тихая Вилейка, оставляю здесь собранные баклажаны, к[ото]рые нельзя увезти; скоро и я уложился. Обоз, за неимением жел[езно]дор[ожного] подвижного состава, должен был идти; я с судейскими около 12 ч[асов] ночи засел в первый отходящий в *Молодечно* воинский поезд, набитый людьми, как бочка селедками; поместился кое-как на тормозе товарного вагона; слева на горизонте пылали зарева пожарищ; соседями моими оказались новобранцы; один из них в разговоре с товарищем об успехах противника с досадой выразился: «Да что это такое — Бог ли, черт ли все помогает германцам!» Скоро в пути продрог от холода, на первой остановке перелез на паровоз отогреться. Разговоры с машинистом все на грустные темы: и жалованья-то четвертый месяц не дают, и деньги если есть, то ничего на них не достанешь, даже хлеба, несколько дней подряд без смены приходится ездить, и проч. и проч. Лишний лишь штрих

Беженцы грузятся на открытые железнодорожные платформы для отправки в тыл. Станция Молодечно, сентябрь 1915 г.

к грустнейшей картине нашей российской полной дезорганизованности во всем, чего ни коснись! Перед выездом из *Вилейки* узнал, что в *Парфяны* идет на выручку целый корпус 1-й армии.

Около 3 час[ов] ночи прибыли в *Молодечно*. Долго проскитался с судейцами, ч[то]б[ы] найти себе приют до утра; вокзал переполнен народом; кое-как раздобыли на запасном пути вагон — грязный-прегрязный, где и заночевали; при шагании по рельсовым путям в темноте упал и здорово расшибся. При спешности и внезапности выезда моего из *Вилейки* не удалось приобрести порядочной толики сушеных белых грибов, к[ото]рые мне обещал достать городов[ой] врач.

2 сентября. Вокзал переполнен публикой — военной и беженцами. Людской муравейник: толкаются, бегают, в воздухе сплошной гул. Приехавший только что офицер из *Вильно*, бывший в штабе, уверяет, что вчера там было «все спокойно». С утра же узнаем, что связь между *Молодечно* и *Вильно* прервана, так как на станциях *Сморгонь*¹⁵⁵ и *Залесье*¹⁵⁶ уже орудует неприятель. Мы оказались разъединенными со штабом. Началась обычная бестолочь. А слухи о приближении неприятеля к[а]к со стороны *Вилейки*, так и с запада становились все тревожнее и тревожнее; начальник станции сообщил, что уже

*Пруды*¹⁵⁷ заняты неприятелем (в 13 верстах к западу от *Молодечно*). По-видимому, в критическом положении очутились и 1-я, 3-я, 10-я армии¹⁵⁸; и с *Лидой*-то сообщение будто бы прервано. Оставалась одна коммуникацион[ная] ниточка — на *Минск*. Старшие офицеры общего отдела Иванцов и Новосильцев с остальными потеряли головы, все же решили уходить на *Ужсу*¹⁵⁹ — за 20—25 верст на Минскую дорогу.

И в критические моменты я не лишаюсь способности оставаться в объективирующей позе к окружающей действительности, стараясь все заштриховать. Вот — материал для изучения психологического генезиса паники, людских слухов, настроения масс...

Обоз тронулся по большаку, я же сел в первый отходящий санитарный поезд, куда поместилось порядочное количество и беженцев; среди них плач, рыдания — потрясающие сцены... (Едут три сестренки, потерявшие в плену и мать, и отца, без копейки денег; старшая, лет 14, заботится о сестрах к[а]к мать...)

Прочитал газету «Нов[ое] вр[емя]» от 30 авг[уста]. Каким наглым цинизмом отдают наши газетные репортеры с восхвалением нашего воинства и сообщениям[и] о якобы существующей деморализации в авст[ро]-германских войсках!

Вечером в *Уже*. Население возит весь свой скарб и грузит в вагоны. Проплелось в *Молодечно* человек около 9 тысяч маршевой команды, но без ружей!.. Туда же проследовали два паровика, облепленные к[а]к мухами засеваемыми в них солдатами, к[ото]рые не помещались только на трубе... Наша досужая публика военная рассказывает, будто бы в *Гродно* евреи стали открыто на сторону немцев и стреляли в наших; много, я думаю, здесь вздора. «Жиды, жиды!» Это — громоотвод для разрешения всяких наших пакостных чувств, загнанных внутрь деспотическо-полицейск[им] режимом.

3 сентября. Около 5 час[ов] утра прибыли в *Минск*. Проехали расстояние от *Молодечно* в 94 версты за 14 час[ов]! Вот сопоставить нашу скорость со скоростью германской! Старший врач санитарн[ого] поезда Всероссийск[ого] союза городов — женщина Афанасьева — сообщила мне, что настроение солдатиков все еще хорошее.

На вокзале народу — труба непротолченная. Послал открытки своим ребятам. Газеты имеются лишь от 31 авг[уста], к[а]к петроградск[ие], так и московские. С своими попутчиками — «судиями праведными» — озабочены судьбой нашего обоза с вещами. В *Минске* — штаб фронта, но посланы уже квартирьеры в *Оршу*¹⁶⁰, куда он скоро передвинется. Наше томление из-за отыскания себе угла, где можно было бы преклонить голову; гостиницы все заняты; помещения все переполнены; лишь к вечеру я догадался попросить себе пристанища возле вокзала в лазарете Красн[ого] Кр[еста] Либаво-Роменской жел[езной] д[ороги], где приютил к себе военного судью генерала Петрова¹⁶¹.

Жалкие все слова в нек[ото]рых газетах о недостатках снаряжения; залог успеха на войне не в одной лишь области военной техники, а и в области гражданственности, относит[ельно] чего у нас — пустыня...

4 сентября. Усталый, разбитый — отлично подкрепился ночным сном на удобной постели. Рано встал. Беспокоюсь за обоз, где уложено все мое имущество. Связи со штабом никакой. Молодечно уже обстреливается. Идет весь день дождь. Солдаты, как мокрые куры, жмутся где укрыться; кто-то из них напевает: «Дождик-дождик, перестань — я поеду во *Рязань*...» Я все время среди судейских; нет возможности изолированно где-либо усесться; народ они лучше настоящих военных — «храбрых», но все же для меня скучно, да слишком уж склонны к алкоголизированию и до, и во..., и по... Полная сумятица. Город эвакуируется. На станции — начальник станции, комендант станции и заведующий передвижен[ием] дают самые противоречив[ые] показания относитель[но] отхода поездов, их судьбы и пр. Штабы все наши перемешались. Масса бродячих солдат. Полки растаяли до минимальн[ых] размеров, одно лишь название — «полк», «дивизия»... Хаос во всем невообразимый. Надо только удивляться, что мы еще кое-как да отбиваемся от полчищ нибелунгов. Если что делается — то как-то носит лишь формально-декоративный характер. «Решилася Расея». Не жду я ничего хорошего для нас. Немцы — художники своего дела. Прут уже на *Докишцы*¹⁶² к *Борисову*¹⁶³. Милая *Вилейка* с 3-го числа уже горит...

В предположении, что по всем данным обстановки наш обоз мог очутиться у немецких лейтенантов, — закупил кое-что из необходимого мне белья. Магазины — очень хорошие, и достать можно многое; отличные и недорогие сигары. Завтра у евреев настоящий уже Новый год, когда они целые сутки не едят и не пьют, а только молятся; в этот день Бог решает судьбу каждого из них¹⁶⁴.

Пообедал в отличном ресторане «Париж»; прекрасный струнный оркестр.

На вокзале — газеты из *Петрограда* лишь от 1 августа, нет московских. Недостаток разменной монеты в городе болезненно чувствуется, выдают часто — почтовыми марками.

Вполне резонно, что предполагается привлечь на действительную военную службу многих чинов полиции и конную земскую стражу; отборные эти воины должны воевать не с своими лишь согражданами, а — возвращены к своему настоящему боевому призванию бить внешних врагов! Наши «военные авторитеты» продолжают усыплять и успокаивать публику: и на этот раз уверяют, что «особенно большого значения успеху противника у *Свенция* и прорыву им север[о]-запад[ой] магистрали нечего придавать!..». Уже довели нас до беды разные побасенки всяких «барабанных публицистов».

5 сентября. Дождь, ветер. Начинаются холода. Что будет с тысячами скопляющихся и движущихся теперь беженцев, к[ото]рые вскоре будут нуждаться уже и в теплом укрытии?.. Слава Богу — сегодня утром прибыл наш обоз с частью штаба, находившейся в *Вилейке*¹⁶⁵. Пошли отыскивать их на Александровский вокзал. Полевые жандармы сообщают, что принуждены были возвратиться из *Борисова*, кругом к[ото]рого снуют уже разъезды нибелунгов, стремящихся разрушить мост через знаменитую Березину. Штаб наш — в пути от *Вильно* на *Лиду*. Как-то ему удастся выкарабкаться с другими армиями из грандиозного мешка, устроенного нам хитроумным противником? Из *Лиды* должны ехать на *Барановичи*¹⁶⁶, еле-еле держащиеся в наших руках. Связи со штабом не имеем. Куда нам дальше двигаться — неизвестно, бегают наводить справки во фронте.

Масса бродящих солдат и вообще военных. Сверх ожидания продолжают еще нам, офицерским чинам, аккуратно отдавать честь, к[ото]рую «истинно военные» должны были бы теперь принимать с большим стыдом. Смотри на часовых у мостов, вообще на часовых, стоящих для охраны чего-либо, часовых с обычной апатией и тупым выражением физиономии, смотрящих больше внутрь себя, а не наружу, удивляюсь, к[а]к еще Бог спасает нас от бóльших бедствий... Мне думается, если спросить солдатика, зачем он поставлен и какая его задача — то он затруднится на это ответить... Над головами нашими нависает катастрофа уничтожения нескольких наших армий, к[ото]рая затмит все бывшие за эту кампанию для нас катастрофы!

По отношению к смене командования армиями великого князя государем произойдет, в сущности, по-моему, то же самое, если бы и не было этой смены, но... но... для общества, для публики, народа — *post hoc* обязательно будет принято за *propter hoc*¹⁶⁷. Логика фактов, логика вещей с неопровержимостью доказывает, что мы бессильны бороться с германцами; мы можем и впредь только лишь отступить и отступить; но до чего же, наконец, это нас доведет? До ужаса! Но ведь и ужасно было бы теперь нам «просить пардону»! Так хотелось бы прозреть хотя бы и ближайшее будущее. Интуитивно чувствуется, что война окончится вмешательством какого-то *deus ex machina*...¹⁶⁸

Петроградских газет не получалось со 2-го числа, московские же пришли от 1 сентября.

О Сереже «Данте»¹⁶⁹ не имею вестей с самого дня его отъезда от меня. Очень беспокоюсь за него ввиду призыва ратников 2-го разряда... Что моя Лялочка? Как растет-развивается без отца?

Пишу урывками, находясь в вынужденном временно симбиозе с военным судьей Петровым в палате № 4 лазарета, что действует на меня так утомительно, не давая почти ни минуты оставаться с самим собой...

Наконец-то прочитал телеграмму государя по случаю его вступления в командование армиями и к английскому королю, а с ним вместе и к главам прочих союзных держав; все же много улавливается, что тон ее к первому довольно сухой по сравнению с телеграммами к итальянскому, сербскому и др. королям.

На вокзале — потрясающая картина положения беженцев: лежат друг на друге, с трудом можно пройти; жандармы только и знают свое, что «осаживают». Собираю всякие остатки белого хлеба, т[а]к к[а]к в городе хлебный голод, черного еще можно достать, но цена ужасная — 10—16 коп[еек] фунт. Раздумываю, покупать ли мне запас сигар: к[а]к бы не сыграть в руку немцам, к[ото]рые у меня их при пленении отберут.

6 сентября. Как громом поражены все известием о роспуске 3 сентября Госуд[арственной] думы. Значительная часть прогрессистов и левые при чтении высочайшего указа о роспуске — отсутствовали, остальные же члены думы по выслушании его прокричали идиотски «ура». «Рус[ские] вед[омости]» успокаивают, что правительство обещает за это время провести существенную часть программы междупарламентск[ого] блока в порядке 87-й ст[атьи]. Свершился разрыв с обществом — так обидно, так дерзко! Исчезнет сдержка бюрократических шалостей, неминуем упадок общественного подъема. «Русская прогрессивная мысль стукнулась лбом о стену режима». В *Петербурге* и *Москве*, передают, уже заволновался народ, начались забастовки.

Обедать отправился с судейскими в ресторан «Париж». Судя по массе толпящихся офицеров с дамами — не верится, ч[то] б[ы] неприятель был близко. Подсевший к нам за стол полевой жандарм подполковн[ик] Вальтер от виденных ужасов беженского движения даже прослезился: люди предоставлены самим себе, голодают, холодают, масса умирает в дороге, трупы младенцев с поездов прямо бросают за борт; передавал, что немцы забрали у нас массу скота и всякого провианта, бедственное положение погонщиков и заведовавших гуртами, оставшихся безо всяких авансовых сумм; благороднейшее и великодушное поведение польского помещика Зайончковского, предлагавшего нашим все у него брать даром и ссужавшего многих большими кушами денег.

Прорыв, совершенный нибелунгами между *Свенцянами* и *Подбродзе*, явился новой неожиданностью для наших стратегов, не допускавших и мысли, ч[то] б[ы] мы могли вылететь из *Вилейки*

внезапно — со свистом!.. Прорвалось будто бы немцев около трех корпусов, припрятавшихся в лесах, где наши разведчики их не замечали¹⁷⁰. Штаб нашей армии, видимо, уж очень задержался в *Вильно*, зачарованный женскими прелестями... Где наш штаб теперь — неизвестно; одно верно, что он в движении на *Ошмяны*¹⁷¹ по дороге к *Лиде*. *Барановичи* еще наши. Встретился с евреями из *Ужи* — горько плачут от претерпленных насилий со стороны наших казаков, нещадно все грабивших... Господь мой и Бог мой! Выезжают жители, имея погруженными подводы вплоть до цветов, ночных горшков и всякой мелкой, но дорогой, «своей» вещи; сколько-то из них прибудет до места назначения!

Пришло распоряжение двигаться нам на *Борисов* и далее по Смоленской дороге; я с судейскими об этом узнал лишь на другой день, когда общее и наградное отделение, а также и мой санитарн[ый] отдел с обозом уже выехали. Пришлось их нагонять. В 8 часов вечера сел в полевой в[оенно]-санит[арный] поезд № 118, следующий в *Москву*. Страшная теснота в вагоне.

7 сентября. 7 утра. Плетемся по-черепашью; вереница поездов в хвосте. Движение еще более задерживается производящимся ремонтом пути, испорченного во многих местах немецкими разездами. Около полудня в *Борисове*; в 4 [часа] дня переезжал Березину. Поезда

Беженцы на станции Молодечно. Сентябрь 1915 г.

перегружены беженцами, размещенными на платформах и в «скотских» вагонах. Упустил санитарный поезд и следую в 3-м классе при одном из воинских эшелонов.

8 сентября. Рождество Богородицы. Мелкий осенний не то дождь, не то снег; деревья расцвелись пурпуром и багрянцем. В полной неизвестности насчет действий нашей армии. Поезд наш идет не по-немецки, а плетется черепахой с частыми продолжительными остановками, притом не у станций, не у блок-постов, а как придется — в открытом поле. С отхождением в глубь России — прощай наши автомобили, в к[ото]рых за отсутствием шоссированных дорог не особенно-то разъездишься...

Около полудня — в *Орише*. Послал открытки детям с уведомлением, что «везу больную тетю...» на *Витебск*¹⁷², а затем и ближе к нам. На вокзале столпотворение — крик, плач, стоны, кашель беженцев и их семей. Вечером — в *Витебск*, откуда с почтовым поездом — в *Смоленск*, где, по заявлению коменданта станции, должны быть части штаба, сегодня прибывшего было в *Витебск* из *Смоленска* и опять туда направленные! На станции нет не только кипятку, но и воды; негде достать даже черного хлеба! Ночью в *Смоленске*.

9 сентября. Переночевал в местном лазарете у Вербицкого, обратившегося совсем в патриарха; умолк его граммофон, красующийся все же в зале. Мне не тяжело было остановиться у него, т[а]к к[а]к и он, и жена его больше все время сами говорили, чем заставляли меня говорить.

Нет газет. Рано утром в трамвае поехал на вокзал справиться о прибытии нашего штаба. Разговорился с кондуктором — ратником 2-го разряда; здравые его мысли: почему бы теперь в стражники и полицейские не ставить ратников или бывших раненых, а сих борцов с крамолой и блюстителей порядка не отправить бы на войну, по подсчетам кондуктора, этих воинов наберется до 400 тысяч!

Обрел, наконец, своих! Сажусь в поезд с общим отделением штаба в вагон 2-го класса, туго набитый офицерскими чинами. Подполковник Иванцов, да еще с супругой («сестрой резерва!»), устроился себе подомашнему в купе! Ведь умеют же, да и к тому охочи же очень наши

сыны Марса устраиваться при всяких условиях жизни покомфортабельнее и удобнее! Да еще за счет стеснения других, к[ото]рые для них не могут быть начальствующими лицами. Ведь недавно и крейсер-то наш «Жемчуг» погиб, как доказало судебное разбирательство, оттого, что его командир Черкасов слишком уж был предан кайфу с женским полом!.. В вагоне со мной оказались три сестры милосердия, пострадавшие под *Ковно*, живые свидетельницы творившихся нашими войсками безобразий, еще — священник, мой земляк Конопатов, из *Вильно*, порассказавший, какие богатства мы там оставили немцам: были сняты колокола, собраны всякие металлические предметы, принадлежности фабрик и т.п. — все это рассортировано, но не вывезено! Грандиозные массы реквизированного скота! Картина полной во всем дезорганизованности...

Получено из штаба предписание ехать на *Минск* — опять обратно! Наши эшелоны передвигаются из стороны в сторону без всякого толку, зря занимая продолжит[ельное] время подвижной состав. Как-то все делается само собой — слепой силой обстоятельств. Что дальше? *Вильно* взят неприятелем. Штаб наш, по-видимому, в *Войчянах*, по дороге между *Молодечно* — *Лида*. Уже смеркалось, как выехал из *Смоленска* на *Оршу*.

10 сентября. 8 утра, а отъехали от *Смоленска* всего 20 верст. В 2 часа ночи в *Орше*. Едем как по неприятельской земле, без воды на станциях, не видно жел[езно]дор[ожных] властей; поезда как бы сами собой двигаются, когда им вздумается. Кондуктор выразился о распорядках у нас: «Все лишь на языке да на бумаге». Что делается на фронте — не ведем. Голодаем; едим солдатский черный хлеб, от к[ото]рого у меня болит живот; еле-еле достал жареного цыпленка за 1 руб[ль]. На станции *Коханово*¹⁷³ на авось бросил в ящик две открытки детям. Трагедия недохождения к нам писем из дома и от знакомых. Ежеминутные остановки поезда с продолжительн[ыми] стояниями нервят, раздражают... Посмотрел бы я теперь, с какой хронометрической точностью все совершается у немцев; и мы их думаем победить?! Скрипучей расхлябанной телегой обогнать усовершенствованн[ый] паровой — электрическ[ий] двигатель?..

Кляче с рысаком состязаться нельзя... У слепой ли стихийной силы, руководящей теперь нами, у глупой ли русской власти я одинаково не хочу быть на службе, и вопрос короткого времени, что я исполню свое решение выкарабкаться из этого оврага... Мы ругаем Германию, что она поправа права Бельгии, а мы в японскую кампанию разве не попрали сами священные права китайцев?

12 сентября. Прекрасная лунная ночь. 7 утра — в *Славенях*¹⁷⁴. Нас опережают санитарные поезда и со снарядами. У ст[анции] *Крупки*¹⁷⁵ масса белых грибов, «полрубля» за фунт сушеных.

13 сентября. На рассвете переехали Березину. Утром в *Борисове*. Плетемся истязательно медленно. Ночью плохо спал; думал о ребятах своих; шемила совесть родительская... О, какую страшную моральную ответственность папаши и мамыши несут перед своими детьми с момента уже их зачатия!..

Бедствия беженцев, жалобы их на «грабильщиков» — наших солдат... 5-я телеграфная рота при нашем штабе с разгона проехала до *Москвы*! Железнодорожные пути — сплошные мусорки и клоаки... По дороге нельзя достать хлеба, сахару, соли, молока, яиц, зато корову можно купить за 10 рублей! На остановках брожу по сосновому бору, не разлучаясь в мыслях с своими ребятами. Встречные и опережающие нас поезда отходят без предупреждения; зазевавшиеся пассажиры жарят вдогонку... Солдаты гогочут... Поговоришь с офицерством: все критикуют наши распорядки, не верят в конечный наш успех, высоко оценивают немцев. Подъездные и запасные пути у станций у нас устроены так, как будто специально их делали немцы!..

14 сентября. Воздвижение! 5 утра — в *Минске*. Штаб наш в *Молодечно*; *Вилейка* моя дорогая опять наша! Долгое стояние у станции в ожидании выгрузки. Пролетели невысоко три наших аэроплана. Какой бутафорией они представляются! Солдат охранной роты нашего штаба передавал, как они в составе 40 чел[овек], будучи вооруженными, утекали от нескольких чел[овек] немецких кавалеристов, бросивши весь скот, свои шинели и не сделавши ни одного выстрела; оказывается, они — из дружины и не все умеют обращаться с ружьями. Сестры порассказали, в каких ужасных условиях эвакуировались по

железной дороге на *Минск* раненые и больные — на открытых платформах, тысячами, по 2—3 дня не евши и не пивши...

После обеда — дождь. Улицы перед вокзалом запружены беженцами и войсковыми обозами — кромешный ад... Помещения для санитарного отдела еще не отведено; заночевал в лазарете Либаво-Роменской ж[елезной] д[ороги]. Обедал в ресторане «Париж»; места берутся с бою; вывешен аншлаг, что обеды и завтраки отпускаются без хлеба! Цены осадные! Фунт черного хлеба — до 16 коп[еек]. Полная во всем дезорганизация. Многие рестораны, пекарни закрылись; офицеры бродят голодные. Расчеты ведутся почтовыми марками за отсутств[ствием] звонкой монеты. Что делает для упорядочения жизни в отношении продовольствия начальник Минского округа фон Траубенберг?¹⁷⁶ Видно, что каждый заботится лишь о себе. Воронье и «г[оспо] да ташкентцы»!

15 сентября. Злой ветер бушует, плачет дождем природа... Поселился в Контрольной палате на Юрьевской улице. В *Минске* расположились, между прочим, и штабы 1-й, 2-й, 4-й, 10-й армий. Многие госпиталя загнаны в *Москву*. Состав корпусов растаял до 3—5 тысяч; многие части без шинелей, без сапог. О реляции одного командира части, донесшего, что 540 чел[овек] погибли от удушающих газов, оказалось — сдались просто в плен. Контролер 4-й армии передает, что в *Варшаве* — благорастворение воздуха: сахар по 8 коп[еек] фунт, белый хлеб — 3 коп[ейки], во всех занятых немцами городах — царит полный порядок! Каждый из авиационных отрядов у нас состоит из двух никуда не годных и двух испорченных аэропланов. Гренадерский корпус ушел поправляться в составе 1200 чел[овек]!! Немцы разбрасывают прокламации с призывом образумиться и не следовать преступному водительству нашего правительства. В *Барановичах* при разлитии спирта много солдат перепилось, и убили нескольких офицеров.

Наконец-то увидел газеты. Вооружается Болгария против нас; Радославов¹⁷⁷ заявил, что «России больше не существует, что она разбита немцами и Болгария не должна больше цепляться за мертвеца» (*sic!*). Нашелся у нас святой генерал-губернатор, оштрафовавший на

300 рублей «Минусинский листок» за статью о Госуд[арственной] думе, направленную к подрыву в народе доверия и уважения к ней!!

16 сентября. Уже не первый день лихоражу, кашляю, припадаю желудком. Ни за что не хочется взяться.

17 сентября. Чувствую себя немного лучше. Прелестная погода.

«Как осень хороша! Как чисты небеса!
Как блещут и горят янтарные леса,
Как сердцу радостно раскрыться и дышать,
Любуюсь кругом на Божью благодать!»

Стал получать газеты, больше петербур[гск]ие, чем московские; последние приходят значительно позже. В *Москве* состоялось два съезда — Союза городов и Земского союза, вынесшие политические резолюции с равнением по прогрессивному междупарламентскому блоку, но точный текст резолюций в газетах не приведен, а заменен дразнящей пустотой и многоточиями... Волнуют печать тяжелые слухи о предполагаемом введении в спешном порядке по 87-й ст[атье] предварительной цензуры для полного уничтожения свободы слова. Для реакции открывается перспектива неограниченных возможностей. Предварительная цензура, видимо, лишь предварительный акт «нового курса», за к[ото]рым должны последовать и другие акты. Вот как отвечает правительство на запросы и ходатайства русского общества к власти, пользующейся доверием!.. С цензурным опустошением намереваются опустошить и мысли, и чувства русского общ[ест]ва! А действительно — не мертвец ли Россия? Уж очень удушает запах ее тления!

На вокзале и у вокзала все те же потрясающие картины массового бегства людей... «Горе на свете жить», — говорит плачущая баба. Жандармский офицер браво командует своим агентам «не церемониться с жидовьем...».

Позавчера наш штаб перешел из *Молодечно* в *Изяславль*¹⁷⁸. Из трех армий — 1-й, 2-й и 10-й — за большой убылью людей предполагается образовать две армии и приступить в *Гатчине* или *Царском Селе*

к новому формированию одной из них. Вот хорошо было бы, если бы этот жребий пал на 10-ю армию, но... к сожалению... без связей и протекции наша армия...

Штаб 1-й армии из *Минска* перешел в *Полоцк*.

Закончил день в заседании врачей Минского гарнизона, собранных по инициативе особоуполномоченного при Красном Кресте 1-й армии Ковалевского для обсуждения вопросов, связанных с эвакуацией и уходом за ранеными и больными. Настоятельно предложили мне председательствовать. Лечебные заведения в *Минске* все переполнены б[ольшим]и и ранеными; эвакуации их отсюда нет никакой; предстоит большая беда. Если еще энергично понапрут немцы — мы все здесь застряем. Страшный недостаток в подвижном составе — нет поездов. Куда ни глянешь — всюду полный разброд.

Записываю на память фамилии местных воротил, занимающих ответственные места, на к[ото]рых всего больше можно учинить зла: начальник Минского воен[ного] округа — Рауш фон Траубенберг, комендант города — барон Остен-Сакен¹⁷⁹, помощник его — барон Шпрингельфельд, инспектор госпиталей — барон фон Нолькен¹⁸⁰, губернатор — Гирс¹⁸¹, начальник дорог — фон Генрихсен, главноуполномоченный Красного Креста — граф Беннигсен¹⁸², его помощник — барон фон Гольбек¹⁸³, консультант — Цеге фон Мантейфель¹⁸⁴. Помилуй Бог, как много немцев; целая музыка из фамилий!

18 сентября. Райская погода. Сразу получил несколько писем от ребят и выписанные мне моим «Данте» газеты «Рус[ское] слово» и «Речь». До приторности наша пресса расточает много елзя по адресу российского «доблестного» воинства! Наряду с официальной ложью до отвращения противны все эти фальсификаты, денатуранты духовной пищи. А что будет, если наши хранители-правители да введут предварительную политическую цензуру в целях мобилизации всеобщей немоты и загнания свободный мысли? Черту ее оседлости — в пределы лишь человеческих черепов?! Обидно до боли становится и за себя, и за общество, и за народ при чтении, что председатель Госуд[арственной] думы и депутаты бывшего в *Москве* земского и городского съездов пойдут униженно просить и молить с повержением

к стопам об исполнении обещаний по «забытым документам»¹⁸⁵... А по поводу выступления Греции и Болгарии — не возмутителен ли тот факт, что мы, серые средние люди, оказываемся какими-то пешками, если, как пишут в газетах, это втравление в войну их есть дело рук королей с правительством?! Крупные, но непризнанные ничтожества и бездарности еще долго будут верховодить миром, пока он будет пребывать во тьме.

Зашел на вокзал. Назидательна грустная картина беженства и для счастливых благоутробий, ч[то]б[ы] не забывать своих человеческих обязанностей, и для считающих себя несчастными, ч[то]б[ы] хоть несколько успокоиться при виде, что есть люди в еще более худшем положении, чем ты... Многие из несчастных обращаются ко мне «на красной подкладке» как к высшей инстанции за разъяснениями, с жалобами и просьбами; рекомендую им идти к губернатору, полицмейстеру, коменданту... Они отвечают, что их оттуда «прогоняют»!

Кругом станции — пылища, грязища и вонища, а между тем даже в отхожем месте вывешен плакат: «Плевать на пол воспрещается»...

В предвидении еще больших катастроф, к[ото]рые учинят нам тевтоны, я себя прескверно чувствую в положении какого-то сукина сына, на к[ото]рого охотятся ловкие спортсмены.

Зашел ко мне наш особоуполномоченный Крузенштерн¹⁸⁶, разговорились на злобы дня. На мой вопрос, может ли кляча в конце концов обогнать рысака, он, подумавши, ответил, что — да, так как-де при неблагоприятных внешних условиях голодания, холодания и всяких лишений — кляча лучше выдержит эту муку, чем рысак... Может быть, нас и выручат в одолении быстрых разумом и действием супротивников — наши пространства, дебри, болота и непогода.

19 сентября. Погода чудная, теплая. Утром посиживаю в парке на солнышке, любуюсь листопадом и пышным его ковром, покрывшим землю¹⁸⁷.

В газетах пишут об успехах на Западном фронте — у французов с англичанами в Шампани будто бы забрали в плен до 2 тысяч тевтонов. Боюсь и радоваться, не надеясь на прочность их успеха;

да как-то у нас с союзниками действия совершаются все порознь; создается возможность для нибелунгов разбивать по частям сначала нас, а потом их...

Был сегодня у меня губернатор, пригласивший на заседание Минского губерnsk[ого] отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны¹⁸⁸ для обсуждения вопроса о положении беженцев, накопившихся теперь в губернии до миллиона.

Отрадно было прочитать на большом плакате святое слово «*Рязань*», куда, как гласит объявление, эвакуированы учреждения губерний Ломжинской и Сувалкской. Эвакуируется Минский военный округ, эвакуируется и много других учреждений, к[ото]рые теперь закрыты, все сидят на связанных чемоданах и сундуках и ждут поездов, а их нет да нет. Для беженцев не будет дано ни одного вагона, а масса из них за отсутствием фуража пораспродала своих лошадей, коров. Передают анекдотические случаи из действительности: нек[ото]рые из несчастных, вынуждаемых голодом, продают и лошадь, и всю повозку за 3 рубля, а один таковые продал даже за одну курицу!! Никому, и даже губернатору, не известно, куда направляются беженцы. Около *Москвы*, говорят, их уже скопилось до 100 тысяч человек¹⁸⁹. В *Минске* нет ни овса, ни сена и др. кормов; скотина продается за ничто, между тем фунт мяса — до 20 копеек! Полная во всем дезорганизация. Жарят кто в лес — кто по дрова. Дорога от *Минска* до *Борисова* испорчена до невероятия, не могут двигаться обозы, идут пререкания с последующими «сношениями», «отношениями», «донесениями», рапортами для разрешения вопроса, кому исправлять дорогу!.. В армию, по газетам, выехал Куропаткин¹⁹⁰ — вот бы кому поручить устройство нашего тыла, представляющего собой по дезорганизации идеал безобразия.

Офицер для поручений из нашего санитарного отдела Комаревский, только что приехавший из *Изяславля*, передал мне привет от моих милых старушек¹⁹¹, у к[ото]рых я приютился в благословенной *Вилейке*. Оказывается, они в тот день, когда мы утекали из нее, не успели выехать и попали в плен к немцам и в таком положении пробыли 8 дней. По их показанию, немцы были с ними, а равно и с

прочими жителями, изысканно вежливы и предупредительны, зато наши папуасы пустились в грабеж и насилия во всю широту «истинно русской» натуры!!

Встретился с генерал[ом] Яновым, к[ото]рый продолжает себе поживать вместе с своей женой, разъезжает с ней в казенном автомобиле и вообще не может гневить Бога, ч[то]б[ы] жизнь его на войне хоть чем-ниб[удь] да ухудшилась в сравнении с мирной, даже — стала сытнее! Он передал мне, что в прорыве немцев у *Свенцяи* виноват будто бы штаб фронта, а не штаб нашей армии...

И в «Нов[ом] вр[емени]», и в «Рус[ском] слове» созерцаю изображение холеной, вылощенной, «элегантной» фигуры еще совсем молодого человека — флигель-адъютанта¹⁹² Б.А. Вилькицкого¹⁹³ — нашего будто бы «русского Нансена». Ой, крепко сомневаюсь в его подлинных заслугах, кладу голову на плаху в убеждении, что здесь — ловкость рук и он из славной, столь у нас на Святой Руси многочисленной стаи штукмейстеров и фальсификаторов-очковтирателей! Глядя вообще на всех наших камергеров, камер-юнкеров, флигель-адъютант[ов] и им подобн[ых], мне так и хочется спросить их, «как дошли они до жизни такой...». Россия наша — страна распутиных, страна тайного блуда, замаскированного разврата «*par excellence*»¹⁹⁴, страна всяких гадостей, прикрытых фиговыми листьями мнимой святости... Эта «варварская» Германия для нас могла бы стать академией благопристойности и порядочности.

20 сентября. Погода на редкость превосходная, как будто милосердием Божиим ниспосланная специально для несчастных беженцев, тысячными таборами теперь расположившихся и живущих под открытым небом.

Из газетной хроники: «Возвратился в *Петроград* командированный по высочайшему повелению в Киев князь Васильчиков¹⁹⁵». Суди меня Бог, но я уверен, что сей князь, как и все ему подобные человеческие разновидности, командируются лишь для кормления (не других, конечно, а себя).

Афоризм из отрывного календаря: «С одной и той же думой долго не носись». К сожалению, я моноидеист.

Послал сегодня письмо Гюббенету¹⁹⁶ с заступничеством за Ларина от озорства «храброго» полковника, к слову, не мог не сообщить ему о своем намерении отрясти совсем прах от ног своих, ч[то]б[ы] уйти из обстановки, созданной позорной организацией санитарного отдела, покоящейся на бесчестии...¹⁹⁷

Получил письма от Т. и от С. — сразу вместе из разных концов света, и это совпадение не случайное, а почти постоянное после более или менее иногда продолжительн[ых] интервалов, когда не получаешь никаких вестей от этих близких мне двух женских душ. Здесь есть нечто «островское» — ментальное...

21 сентября. Тепло. Небо лазурное. Куропаткин назначен корпусным командиром Гренадерского корпуса.

Правильно мне пишет мой Сережа, что больших плевков обществу от правительства не будет, даже если нас завоюют турки!.. По поводу роспуска Госуд[арственной] думы «Колокол» провокаторски изрыгает: «Дума распущена, но спокойно море народное, и безразлично, как встарь, бегут его волны... Общество роковым образом молчит... Попробуйте у матери взять ребенка, попробуйте у человека вырвать глаз — и они напрягут все свои силы, будут отчаянно сопротивляться, несмотря ни на какие угрозы... Россия имеет по-прежнему сильное и бестрепетное правительство!..» Народ, если может быть спокойным — то разве только, я думаю, лишь по-свински, не видя ничего лучшего той грязи, в к[ото]рой погряз; общество же, если молчит — то зловеще, т[а]к к[а]к от перекопления загнанных внутрь неисчислимых обид может произойти наконец и взрыв¹⁹⁸.

За самое короткое время умерли Варламов¹⁹⁹, Савина²⁰⁰, Маковский²⁰¹, Чельшев...²⁰² С ними подход на днях и Дурново²⁰³.

Все больше и больше приходится слышать жалоб на грабительство наших солдат; многие из них приходят здесь, в *Минске*, в магазины Топаза и др., заказывая или покупая золотые вещи — браслеты, часы и т.п., — и платят большие деньги.

22 сентября. От штаба Верховн[ого] главноком[андующ]его сообщается о «планомерном переходе наших войск от отступления к наступлению»... Тягостное положение дел, создавшееся после резкого

разрыва нашего правительства «народного недоверия» с объединенными было общественными силами продолжается; между «мы» и «вы» нет общего языка; из Ставки Верх[овного] главн[окомандующ]его возвратился Совет Министров; настоящий политический момент компетентными людьми определятся так: возобновление сессии разогнанной Госуд[арственной] думы не предполагается ранее установленного срока, т.е. ноября, депутатии съездов приняты не будут, в составе кабинета никаких изменений не предвидится... Кричите, верноподданные, «ура»!.. Какой богатый козырь в руках наших людоедов-реакционеров будет, если судьбе угодно будет пошутить таким парадоксом, что и успехи наших «высокодоблестных» войск за время роспуска Госуд[арственной] думы возьмут, да и улучшатся!

Подвиг милейшего коллеги — старшего врача дезинфекционного отряда при XXVI корпусе О.Г. Калины (к[ото]рый, наверное, будет аннулирован!): при отступлении 17 августа из *Оран* полков 84-й пех[отной] дивизии вернул коменданту бежавших 4 пулеметн[ых] расчета), около 60 чел[овек] нижних чинов — артиллеристов, командира Ирбитского полка²⁰⁴ — трепыхавшегося с перепугу от истерики полковника Никитникова²⁰⁵; начальник же 84-й пех[отной] дивизии генерал Козлов²⁰⁶, бросивши все, утекал сломя голову.

23 сентября. Погода захмурилась, но безветренно и тепло. Живу с санитарн[ым] отделом врозь со штабом армии, стоящим в 20—22 верстах от *Минска*, не желающим сюда переселиться только потому, что здесь еще стоит штаб фронта. Цены на продукты — адски дорогие²⁰⁷. Легче достать всякие сладости, чем, напр[имер], белый хлеб. Лечебные заведения, где так необходим последний для больных желуд[очно]-кишечн[ым] каналом, лишены возможности где-либо его приобрести; нет пшеничной муки в интендантстве. Написал по этому случаю внушительного содержания бумагу. Дезорганизация во всем и расхлябанность — полнейшие; тыл в абсолютном неустройстве; чувствуется, что все у нас делается как будто нарочно *pur le roi de Prusse!*²⁰⁸ Кто в лес, кто по дрова.. А «бестрепетные» наши сатрапы, глумящиеся над народным представительством и общественностью как действительнейшие члены щедринского общества «антирефор-

менных бунтарей», только, кажется, и делают, что кричат: «Направляй кишку — направляй!» Злосчастная же наша российская публика продолжает вести себя тише воды — ниже травы. Помещаю газетную вырезку с сообщением о подвиге сестры милосердия Мирры Ивановой²⁰⁹, «собравшей к себе солдат и бросившейся с ними на окопы»²¹⁰. Можно себе представить, что собой представляли солдаты, к[ото]рых собирала и вела в бой... баба!

Приказ главнок[омандующ]его С[еверо]-З[ападным] фронтом за № 1839 от 19 августа гласит: «Директор 2-го Московского кадетского корпуса генерал-майор Быстреевский²¹¹ был командирован по его личному добровольному желанию на летнее вакационное время в действующую армию для выполнения служебных поручений. На генерала Б[ыстреевского] мною было возложено поручение по организации и осуществлению противоэпидемических мероприятий в районе... В течение шести недель Б[ыстреевский] проявил выдающуюся энергию, знание и понимание дела... Ныне, ввиду наступающего учебного периода в военно-учебных заведениях, Б[ыстреевский] снова возвращается к исполнению своей ответственной педагогической деятельности. Расставаясь с Б[ыстреевским], считаю своим нравственным долгом выразить ему от лица службы сердечную благодарность за его добровольное и самоотверженное служение на пользу армии... Алексеев». Ведь для простаков генерал Б[ыстреевский] — герой и подвижник! На самом же деле, я уверен, дело обстояло по-обычному: директор, несомненно, воспользовался знакомством или приятельством с кем-либо из штабных (а может быть, и с самим Алексеевым), попросился для собственного развлечения на нерискованное амплуа (и, конечно, по санитарной части!) в армию, чтобы заполучить большой куш прогонных, подъемных, порционных и пр. да сорвать еще какой-ниб[удь] орденишко. Мотивы и «добровольного желания», и «самоотверженного служения» были, в сущности, так примитивны и незначительны, что сводились лишь к нуждишкам да животишкам обыкновенных людишек! Когда раскроешь скобки с романтически описываемых деяний нашего воинства — выйдет лишь одна вонючая требуха! Нет! Меня не

проведешь теперь в этом отношении: побывал в Риме и повидал
вплотную папу!

«За то, что я не пачусь, на все иду вперед,
Покрой отсталый ваш, закон ваш презираю,
Твердите вы, что я не патриот!»

24 сентября. Захолодало и задождило. Зрелище оторванного от корней бытия своего населения — армии беженцев с семьями, с детворой — надрывает душу...²¹² Кругом сумасшедшие шум, суета, галдение, все распоряжаются, бегают, и в результате никто ничего не знает и не понимает, и ни у кого нельзя толку добиться, всякий при том думает о своей лишь шкуре; ни в чем не видно взаимной выручки, поддержки — царит лишь взаимная злоба и животная грубость; на всех действиях лежит печать рекордной российской бессовестности и глубокого невежества. Господи, унеси Ты меня из этого омута!

25 сентября. Прежелчное настроение духа; не могу принудить себя написать своим ребятишкам как следует письма; зато послал наконец письмо Евдокимову²¹³, начинающееся чуть ли не *quosque tandem, Catilina, abuteris patientia nostra*²¹⁴; «скоро камни возопиют к небу о творящихся безобразиях, созданных нелепой организацией санитарных отделов...». Никогда еще в жизни я себя не чувствовал так подготовленным пострадать за правду, как теперь; положил бы и жизнь за нее, если бы увидел, что такая ставка не будет пустым ударом по воздуху!.. Погибать — так с верным расчетом на то, ч[то] б[ы] игра стоила свеч...

26 сентября. Не синеет ясное небо, не смеется ласковое солнышко. Отовсюду несутся известия о недостатке в наших городах и весях съестных припасов, топлива и проч. предметов первой необходимости, обусловленном не одним «путейским хаосом», а и общим нашим настроением. Германский генерал Бернгард выразил уверенность, что России не суждено выйти победительницей из европейской войны, так как-де у невежественного русского народа не может быть сознательного отношения к переживаемым событиям, а потому и не сможет

создаться то воодушевление, к[ото]рое является залогом победы. Для создания этого воодушевления «Рус[ские] ведом[ости]» делают странное предложение об организации теперь «психики тыла». Не поздно ли? Да и не слишком ли сия затея будет искусственно-механична? Не будет ли это похоже на преподавание уроков патриотизма?

Не удержался, ч[то]б[ы] не поморализировать обратившемуся ко мне офицеру с явным центробежным устремлением в тыл и далее под предлогом сотни у него всяких б[олез]ней. «Я верю вам, что вы одержимы хроническими недугами, — сказал ему я, — но вы в переживаемый Россией такой момент должны, перемогаясь, не оставлять поля брани; ведь ездят же иногда через силу к вам, пациентам, перемогаясь от своей б[олезн]и и врачи, к к[ото]рым вы обращаетесь, и к к[ото]рым вы бываете беспощадны, если бы они, вследствие своей немощи, вздумали отказаться от оказания вам пособия». Утекают же с позиций наши «витязи» часто с жалобами «у меня малокровие» или «у меня артериосклероз», «расширение сердца», «эмфизема»...²¹⁵ Где у нас герои? Все они там... в Сибири, да еще, пожалуй, здесь наша «серая скотинка» с тупой покорностью слепо умирающая ради «*Ave Caesar...*»²¹⁶. Остальные — лишь фокусники на геройство, денатураты героев, герои-апплике! Шулера!

27 сентября. День ясный, прекрасный. Прочитал о трогательных проводах, устроенных представителями всех слоев и классов кавказского общества ушедшему наместнику Воронцову-Дашкову²¹⁷. И чем, подумаешь, снискал сей высокий сановник симпатии к себе нашего избалованного, забитого общества? Только тем, что не позволял себе «административных эксцессов» и наглого озорства в нарушение законов, чем обычно отличаются наши «бестрепетные» с подвластными им, живущие похотью чрева своего сатрапы!

Так иногда хочется вывести на свежую воду для привлечения к уголовной ответственности наших военных дамочек (жену подполковника Иванцова, жену генерала Янова и др.), позволяющих себе расхаживать и разъезжать с своими муженьками в казенных автомобилях в костюмах сестер милосердия с красным крестом, на что не имеют никакейшего права! Поддельные сестры у нас и кличку

носят «некрещеных» сестер. О, сколь одиозны мне наши бухарские нравы! И мы еще претендуем на культуртрегерство по отношению к финляндцам, полякам и др. цивилизованным народностям!

В ресторанах *Минска* водки и вина не подают, а офицерство вечерами после ужина валяется по-свински пьяным даже в сортирах! Штаб фронта остается здесь, штаб 1-й армии располагается в районе *Глубокого*²¹⁸, штаб 2-й — около *Молодечно*.

Получил от милой сестренки Т. письмо — такое хорошее, теплое. Спасибо ей, что не забывает меня. «Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним». Муки мои, не рассказанные, но глубоко и тонко учувствованные ей... Письма, к сожалению, приходится ей писать редко, да и те до нее не доходят. Проклятье!

28 сентября. Хороший погожий денек с ядреной осенней свежестью, когда так приятно бывает погреться на солнышке. Приказал протапливать мне комнату. Не раз вспомнишь идеально устроенную печь в наших жилищах, когда мы стояли в *Марграбово*²¹⁹, чего — увы! — здесь не увидишь. Далеко нам в культурных благах до немцев! Ох, как надоело мне слышать эту попугайщину о недостатках в снарядах, видящую в том какое-то основное, но никак не производное явление нашего общего уклада. Сколько надо иметь или добросовестного недомыслия, или же подлого, подкупного лукавства, чтобы в переживаемый момент утверждать, что чуть ли не вся причина наших боевых неудач заключается только в недостатках снарядов, а также — что для успешного и скорого окончания войны теперь-де несвоевременны заботы о проведении хотя бы и всеми признаваемых необходимыми коренных государственных реформ! Это все равно как кто-нибудь сказал бы такую чепуху, что-де я совершенно здоров, только у меня сифилис, или: надо-де вперед вылечить разъедающую гангренозную язву, а уж затем заняться укреплением и оздоровлением организма.

Из *Изяславля* приехал сюда поферлакурничать дежурный генерал Жнов, а с ним и наш «неустрашимый» (конечно, только перед подвластными ему чинами!) полковник; первый из них ушел весь, всеми фибрами своего существа, открыто, искренне — в бабье дело, второй же, «бестрепетный», изливающий всякий раз в разговоре со мной свою

скорбь, что находится в разлуке с своей любимой женой — чему я готов охотно верить, — пустился в разврат более всего из лакейства, по мотивам строго рассудочным, чтобы поддержать хорошие отношения с весьма нужным ему для получения генеральского чина человеком. И это совсем не уника, а обычные типы из портретной галереи наших «витязей». Дьявол их знает: не постигаю их физиологии — как они только могут при всевозможных превратностях военно-походной жизни жить лишь исключительно в свою утробу да в половые органы, безо всякой потребности в духовном питании, интересуясь в газетах только телеграммами из штаба Верховн[ого] главноком[андующ]его! Все теми же остались они павианами, как печальной памяти генерал Сахаров²²⁰, умудрившийся в разгаре Ляоянских боев предаваться ненасытно утехам любви! По-собачьи!

Об успехах нашей стратегии может говорить, думается мне, верный барометр — политика нейтральных держав. На Балканах заваривается каша. Болгария и, кажется, уже Греция наплевали нам в физиономию. Вот и разбери теперь, какую в разрыве с нами роль играют — сам народ, правоправящие министры, «безответственная камарилья», «первенствующие сословия» и самые венценосцы! Да еще: настроители и обрабатыватели общественного мнения!

Все человечество можно разделить на две крупные неравные категории: меньшая категория — это отлично «знающие откуда ноги растут» ухачи-наездники, бо́льшая же категория — это во тьме пребывающие слепыши, на к[ото]рых верхом ездят представители первой категории, всячески старающиеся держать их в темноте, не брезгуя никакими средствами, чтобы только совершеннее их использовать на свою потребу в качестве двуногого скота! Были бы люди все поосмысленнее да развитее духовно и умственно — не попадали бы они в положение баранов к таким вожакам, как наполеоны, вильгельмы и прочие, творящие политическую погоду большой и малой величины, — кровавые венценосцы, обращающие землю в бойню и кладбище.

29 сентября. Из «Вестн[ика] X армии» прочел агентскую телеграмму, что уволены, согласно прошению, обер-прокурор Сама-

рин²²¹ и министр внутр[енних] дел Щербатов и что на место последнего назначается... камергер Хвостов!²²² Если это — бывший нижегородский губернатор, известный в *Петрограде* под фамилией «про-Хвостов», то выходит что-то уму непостижимое. Что творят «сферы» в провокационно-дерзком вызове и глумлении над нашим обществом, учиняя полный разрыв страны с верховной властью, до сих пор еще не удостоившей принятия ни Родзянко, как представителя от Прогрессивного блока, ни депутатий от московского съезда городов и земств для выслушания голоса земли. Мобилизуются черные силы; «Союз русского народа» уже рассылает циркуляры, призывая союзников «выступить на борьбу с крамолой», к[ото]рю-де творят и Госуд[арственная] дума, и Городской и Земский союзы. Чем кончится у нас сумбур на Руси?..²²³ А мы еще претендуем на Болгарию, что она-де, освобожденная Россией, взяла да и вышла из-под ее влияния. Можно ли ее за это упрекать, если она, может быть, культурно переросла свою освободительницу? Можем ли и мы, даже родители, упрекать своих детей, что они нас не слушаются, если они сделались умнее нас?! Внутренняя и внешняя политика наших властей в состоянии только озлоблять и от себя отталкивать людей. Взять хотя бы недавние гастролы в Галиции наших евлогиев, бобринских и прочей банды гг. ташкентцев-обрусителей и ассимиляторов! Какой парадокс: Россия, борющаяся за право и справедливость, а также за свободу народов, никак не хочет применить эти принципы, прежде всего, у себя!! Напротив: принципы эти стараются у себя дома попирать и ввергают страну в состояние хаоса и смуты... Я готов все-таки допустить, что высшие правящие наши власти не столько, пожалуй, подлы, сколько для занимаемых ими ответственных постов просто нравственно неразвиты и неумны; идеология их не идет дальше того, что — «направляй кишку — кишку направляй!..»

30 сентября. Светлый, голубой день. t° к утру доходила до нуля. Прошелся, по обыкновению, после чая по парку, любясь красотой увядающей природы. Прошли с сумочками детишки в школу; так хотелось мне всех их расцеловать; давно ли такими были мои Сережа и Лялечка? Прошли большой массой новобранцы, совсем уже обмун-

дированные, только без ружей; физиономии у всех такие ребяческие, еще школьнические, наивно улыбающиеся. При виде их мне хотелось только плакать...

В статье «Гнойный нарыв» по поводу неблагополучия в русской церковной жизни и в православном духовном ведомстве иудушка Меньшиков, между прочим, говорит: «Будь подаровитее наше общество, будь в нем побольше темперамента, воображения, впечатлительности — оно давно настояло бы на этой, как и на других необходимых реформах». Мысль эту ему не мешало бы побольше распространить. В жизни одной ли лишь русской церкви есть основания для грустного размышления? Развал у нас во всех ведомствах и учреждениях. И корень всего — общий. Толмачевщина, муратовщина, бейлисовщина, распутинщина, кассовщина, скалозубовщина, арцыбашевщина (преступный промысел, поощряемый нашей государственностью в практике бракоразводных дел) и т.п. — где они возможны, как только в нашем отечестве — с одичалой гражданственностью, нравственно неопрятном, холуйски-хамским, кощунственно-лицемерном. В святая даже святых нашего быта — в жизнь церкви — и то уже проник и широко пустил корни тот же все карьеризм и бюрократизм.

А мне думается, что назначение министром про-Хвостова инспирировано «внутренним немцем»²²⁴. Не сыграет ли он с своей кликой роль *deus ex machina*²²⁵, к[ото]рый положит конец этой несчастной для нас войне?!

Днем много раз поднималась пушечная пальба по аэропланам.

Лукав же ум и эластичен язык человеческий: ухитряются же придумать термины — «благожелательный» нейтралитет и нейтралитет «вооруженный»!

Примечания

¹ Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с.: ил. (Военные мемуары). В 2015 г. в издательстве «Вече» вышла в свет полная версия дневника В.П. Кравкова в формате электронной книги.

² Значительный фрагмент дневника В.П. Кравкова периода Русско-японской войны, повествующий о Ляоянском сражении, был опубликован в альманахе «Время и судьбы» (Свет милосердия. Дневник участника русско-японской войны (1904—1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // Время и судьбы. «Военные мемуары». Вып. 1. М., 1991. С. 259—286.). В настоящее время готовится к публикации полный текст записок В.П. Кравкова о Русско-японской войне.

³ РГБ, НИОР. Ф. 140. К. 6. Ед. 1. Л. 44 об.

⁴ Там же. Ед. 5. Л. 15 об.

⁵ Там же. Ед. 6. Л. 4.

⁶ РГБ, НИОР. Ф. 140. К. 7. Ед. 9. Л. 9.

⁷ Там же. Ед. 15. Л. 5 об.

⁸ Там же. Ед. 15. Л. 7.

⁹ Там же. Ед. 15. Л. 8 — 8 об.

¹⁰ Брусилов А.А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1983. С. 77.

¹¹ Назаров О.Г. Нагая правда // Литературная газета. 2014. 15 октября (№ 40 /6482/).

¹² Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. Белград, 1933. С. 66.

¹³ Владимир-Волынский — уездный город Волынской губернии, ныне административный центр Владимир-Волынского района Волынской области (Украина).

¹⁴ Ломжа — губернский город Ломжинской губернии, ныне город на правах повята в Подляском воеводстве (Польша).

¹⁵ Люблин — губернский город Люблинской губернии, ныне административный центр Люблинского воеводства (Польша).

¹⁶ Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918) — журналист и общественный деятель, в 1901—1917 гг. — ведущий публицист газеты «Новое время».

¹⁷ Радкевич Евгений Александрович (1851—1930) — генерал от инфантерии (1912), командир III Сибирского армейского корпуса с августа 1914 по апрель 1915 г. Командующий 10-й армией в 1915—1916 гг. С 1916 г. был членом Военного совета. В апреле 1917 г. был назначен помощником главнокомандующего войсками Петроградского военного округа ген. Л.Г. Корнилова, в апреле—мае фактически исполнял обязанности главнокомандующего. В мае 1917 г. возвращен в Военный совет. С ноября 1918 г. на пенсии. В 1918—1923 гг. служил в РККА. В 1923 г. был демобилизован «за престарелостью».

¹⁸ Гродно — губернский город Гродненской губернии, ныне административный центр Гродненской области (Беларусь).

¹⁹ Проявляется еще очень много расшаркивания перед властью. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

²⁰ В совокупности (*лат.*).

²¹ Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920) (о нем см. прим. 3 на стр. 40 настоящего издания) — генерал от инфантерии (1911), с 1912 г. был членом Государственного совета. В 1914—1915 гг. был помощником Верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца П.А. Ольденбургского. Военный министр в 1915—1916 гг.

²² Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — общественный деятель, член II, III и IV Государственной думы, в 1907—1918 гг. входил в состав ЦК кадетской партии.

²³ Родичев Федор Измайлович (1854—1934) — член I, II, III и IV Государственной думы (1906—1917), один из лучших думских ораторов.

²⁴ На душу слетали райские настроения; зажглись и ожили старые воспоминания о доме, детстве, беззаветно дорогом. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

²⁵ Кравков Сергей Васильевич (1893—1951) — сын В.П. Кравкова, в описываемое время студент Императорского Московского университета. Впоследствии выдающийся советский психолог и психофизиолог, член-корреспондент АН и АМН СССР (1946), заслуженный деятель науки РСФСР (1947).

²⁶ Осовец — крепость на границе Ломжинской и Гродненской губерний, ныне город Осовец-Твердза в Моньском повяте Подляского воеводства (Польша).

²⁷ Удар за ударом (*нем.*).

²⁸ Сделано в Германии (*англ.*).

²⁹ А не пошехонцами и готтентотами! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

³⁰ Ковно — губернский город Ковенской губернии, ныне Каунас, административный центр Каунасского уезда (Литва).

³¹ Кошедары — деревня в Трокском уезде Виленской губернии, ныне город Кайшядорис в Каунасском уезде (Литва).

³² Вильно — губернский город Виленской губернии, ныне Вильнюс, столица Литвы.

³³ Соколка — уездный город Гродненской губернии, ныне административный центр Сокольского повята Подляского воеводства (Польша).

³⁴ Мариамполь — уездный город Сувалкской губернии, ныне Мариамполе, административный центр Мариампольского уезда (Литва).

³⁵ Комендант кр[епо]сти] Ковно прислал телеграмму отчаянного характера... (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

³⁶ 104-й пехотный Устюжский полк.

³⁷ 102-й пехотный Пермский полк.

³⁸ Обычное явление из казуистики «шалостей» высших вождей. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

³⁹ Тиханович Петр Андреевич (1858—1917) — генерал-майор (1910), с января по август 1915 г. командовал 26-й пехотной дивизией.

⁴⁰ Жнов Александр Иванович (1865—1946) — генерал-майор (1914), с января 1915 по ноябрь 1916 г. занимал должность дежурного генерала штаба 10-й армии. В 1916—1917 гг. командовал 132-й пехотной дивизией. В 1918 г. служил в армии гетмана Скоропадского, позднее участвовал в Белом движении в составе ВСЮР и Русской армии П.Н. Врангеля. Генерал-лейтенант (1920). Умер в эмиграции в Софии (Болгария).

⁴¹ Григорьев. (*Примеч. В.П. Кравкова.*) Григорьев Владимир Николаевич (1851—?) — генерал от кавалерии (1912), комендант Ковенской крепости в 1909—1915 гг. За бездействие при ее сдаче в августе 1915 г. был предан суду,

приговорившему его к каторжным работам на 15 лет. До Февральской революции 1917 г. находился в заключении.

⁴² Бельск — уездный город Гродненской губернии, ныне Бельск-Подляски, административный центр Бельского повята Подляского воеводства (Польша).

⁴³ Кайгородов Михаил Никифорович (1853—1918) — генерал от инфантерии (1913), комендант Гродненской крепости в 1913—1915 гг.

⁴⁴ Некрашевич Георгий Михайлович (1865—1942) — генерал-майор (1909), в 1915—1916 гг. занимал должность дежурного генерала для поручений при командующем 10-й армией. Генерал-лейтенант (1916).

⁴⁵ Щербатов Николай Борисович (1868—1943) — князь, действительный статский советник (1913), камергер (1909), в 1913 — 1915 гг. управлял Государственным коннозаводством, министр внутренних дел с июня по сентябрь 1915 г.

⁴⁶ Ассимиляция понималась им, очевидно, не в смысле органического всасывания человека в русскую культуру, а в смысле полицейского обезличения! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

⁴⁷ Гротгус Оттон-Карл — барон, статский советник (в отставке с 1908 г.), служивший по департаменту полиции, чиновник особых поручений при петербургском губернаторе. В 1915 г. был осужден как немецкий шпион, соучастник полковника С.Н. Мясоедова и приговорен к бессрочным каторжным работам.

⁴⁸ Фрейнат Оттон (1869—1924) — действительный статский советник (в отставке с 1914 г.), служивший чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел. В 1915 г. был осужден как немецкий шпион, соучастник полковника С.Н. Мясоедова.

⁴⁹ Макарий (Невский) (1835—1926) — митрополит Московский и Коломенский в 1912—1917 гг.

⁵⁰ Янов Георгий Дмитриевич (1864—1931) — генерал-майор (1914), в июле—октябре 1914 г. занимал должность начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 1-й армии, с октября 1914 по начало 1917 г. — начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии.

⁵¹ Новогеоргиевск (Модлин) — крепость в Плонском уезде Варшавской губернии, ныне часть города Новы-Двур-Мазовецкий, административного центра Новодворского повята Мазовецкого воеводства (Польша).

⁵² Пернов — уездный город Лифляндской губернии, ныне Пярну, административный центр уезда Пярнумаа (Эстония).

⁵³ Колосовский Дмитрий Павлович (1862—1930) — генерал-майор (1912), начальник инженеров Гродненской крепости в 1914—1915 гг.

⁵⁴ Орша — уездный город Могилевской губернии, ныне административный центр Оршанского района Витебской области (Беларусь).

⁵⁵ Могилев — губернский город Могилевской губернии, ныне административный центр Могилевской области (Беларусь).

⁵⁶ Губер Константин Петрович (1854—1916) — генерал-лейтенант (1911), и.д. начальника санитарного отдела штаба 12-й армии с марта по декабрь 1915 г.

⁵⁷ Живой классический символ нашей правящей России! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

⁵⁸ Литвинов Александр Иванович (1853—1932) — генерал от кавалерии (1911), в 1911—1914 гг. командовал V армейским корпусом, в ноябре 1914 г. был назначен командующим 1-й армией.

⁵⁹ Иевреинов Александр Иоасафович (1851—1929) — генерал от инфантерии (1913), с марта 1915 по апрель 1917 г. командовал XX армейским корпусом.

⁶⁰ Плющевский-Плющик Юрий Николаевич (1877—1926) — полковник (1914), с декабря 1914 по декабрь 1915 г. занимал должность старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии.

⁶¹ Попов Иван Иванович (1866—1918) — генерал-майор (1912), с марта 1915 по октябрь 1916 г. занимал должность и.д. начальника штаба 10-й армии. Генерал-лейтенант (1916). В 1916—1917 гг. командовал 32-й пехотной дивизией.

⁶² Мясоедов Сергей Николаевич (1865—1915) — полковник Отдельного корпуса жандармов, прикомандированный с 1911 г. к военному министру В.А. Сухолинову. Был казнен в марте 1915 г. по ложному обвинению в шпионаже.

⁶³ Мышлаевский Александр Захарьевич (1856—1920) — генерал от инфантерии (1912). После неудачных действий на Кавказском фронте в марте 1915 г. был отправлен в отставку по болезни с мундиром и пенсией. В июле 1915 г. был вновь определен на службу с назначением в распоряжение военного министра.

⁶⁴ Скоропадский Георгий Васильевич (1873—1925) — член III и IV Государственной думы, в 1907—1917 гг. входил в состав бюро фракции октябристов.

⁶⁵ Марков 2-й Николай Евгеньевич (1866—1945) — член III и IV Государственной думы в 1907—1917 гг., монархист, один из лидеров «Союза русского народа».

⁶⁶ Сделано в России (*англ.*).

⁶⁷ Ландварово — владельческое имение и железнодорожная станция в Троцком уезде Виленской губернии, ныне город Лентварис в Вильнюсском уезде (Литва).

⁶⁸ Будберг Алексей Павлович фон (1869—1945) — барон, генерал-майор (1910), с августа по декабрь 1914 г. занимал должность генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии, с декабря 1914 по февраль 1915 г. — начальника штаба 10-й армии. В августе—октябре 1915 г. командовал 40-й пехотной дивизией, с октября 1915 по апрель 1917 г. — 70-й пехотной дивизией. Генерал-лейтенант (1916). С апреля 1917 г. командовал 14-м армейским корпусом. Видный участник Белого движения, после 1920 г. в эмиграции. Автор мемуаров. Умер в Сан-Франциско (США).

⁶⁹ Рига — губернский город Лифляндской губернии, ныне столица Латвии.

⁷⁰ Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — публицист, художественный и литературный критик, религиозно-общественный и политический деятель.

⁷¹ Бобринский Владимир Алексеевич (1867—1927) — граф, член II, III и IV Государственной думы в 1906—1917 гг., монархист, лидер неославянского движения.

⁷² Одних вагонов с сахаром оставлено 600! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

⁷³ Данзас Юлия Николаевна (1879—1942) — фрейлина императрицы Александры Федоровны (1907), историк религии, католический теолог. В 1915 г. заведовала полевым подвижным складом Красного Креста при 10-й армии.

⁷⁴ Сережа, как Данте, вручил себя мне, как Вергилию — «будь вожатым по аду и учителем». (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

⁷⁵ Белосток — уездный город Гродненской губернии, ныне административный центр Подляского воеводства (Польша).

⁷⁶ Керенский Александр Федорович (1881—1970) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг., лидер фракции трудовиков, в марте—апреле 1917 г. — министр юстиции, в апреле—сентябре 1917 г. — военный и морской министр, в июле—октябре 1917 г. — министр-председатель Временного правительства.

⁷⁷ Рудзишки — железнодорожная станция в Троцком уезде Виленской губернии, ныне город Рудишкес в Вильнюсском уезде (Литва).

⁷⁸ Кравкова Елизавета Васильевна (1895—1972) — дочь В.П. Кравкова.

⁷⁹ Молодечно (см. прим. 13 на стр. 40 настоящего издания) — местечко Вилейского уезда Виленской губернии, ныне город, административный центр Молодечненского района Минской области (Беларусь).

⁸⁰ Вилейка — уездный город Виленской губернии, ныне административный центр Вилейского района Минской области (Беларусь).

⁸¹ В чем сейчас есть, потерявшие буквально все свое имущество. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

⁸² Не навреди (*лат.*).

⁸³ Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — действительный статский советник (1904), гофмейстер (1908), министр внутренних дел в 1906—1911 гг., председатель Совета Министров в 1906—1911 гг.

⁸⁴ Полтава — губернский город Полтавской губернии, ныне административный центр Полтавской области (Украина).

⁸⁵ Проследовал поезд с виленским архиереем и духовенством. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

⁸⁶ Брест-Литовск — уездный город Гродненской губернии, ныне Брест, административный центр Брестской области (Беларусь).

⁸⁷ Этой средневековой плотины! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

⁸⁸ Ивангород — крепость в Новоалександрийском уезде Люблинской губернии, ныне город Демблин в Рыцком повете Люблинского воеводства (Польша).

⁸⁹ Скобелев Матвей Иванович (1885—1938) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг., меньшевик. В мае—октябре 1917 г. был министром труда Временного правительства.

⁹⁰ Евсеев Илья Тимофеевич (1877 — ок. 1930) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг.

⁹¹ Святополк-Мирский Дмитрий Николаевич (1874—1950) — князь, член II и IV Государственной думы в 1907 и 1912—1917 гг.

⁹² Иваново-Вознесенск — безуездный город Шуйского уезда Владимирской губернии, ныне Иваново, административный центр Ивановской области.

⁹³ Шебеко Вадим Николаевич (1864—1943) — генерал-майор (1913), Гродненский губернатор в 1913—1916 гг., в 1916—1917 гг. занимал должность московского градоначальника.

⁹⁴ Джунковский Владимир Федорович (1865—1938) — генерал-майор (1908), в 1913—1915 гг. занимал должности товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов.

⁹⁵ Лида — уездный город Виленской губернии, ныне административный центр Лидского района Гродненской области (Беларусь).

⁹⁶ Бороздин Алексей Николаевич (? — ?) — коллежский советник, занимал должность Вилейского уездного предводителя дворянства с 1905 г.

⁹⁷ Вся деятельность-то нашей России губернаторов и исправников — какая-то сплошная канцелярская волокита... То же и в военном ведомстве. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

⁹⁸ В тексте ошибочно: «об Ахиллесе».

⁹⁹ Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — юрист и государственный деятель, действительный тайный советник, обер-прокурор Святейшего Синода в 1880—1904 гг.

¹⁰⁰ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — государственный деятель, действительный тайный советник (1899), министр внутренних дел в 1902—1904 гг. Погиб в результате теракта.

¹⁰¹ Кассо Лев Аристидович (1865 — 1914) — тайный советник (1911), министр народного просвещения в 1910—1914 гг.

¹⁰² Под угрозой потерять большее, если не даруют «добровольно». (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁰³ Не вижу вторую неделю саврасов, сломя пустую голову летающих в автомобилях с бабьем и без оного! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁰⁴ Ораны — местечко Трокского уезда Виленской губернии, ныне город Варена в Алитусском уезде (Литва).

¹⁰⁵ Здесь я какой-то «Чуж-Чуженин». (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁰⁶ Низшие же агенты исполнительной власти так развращены, что по-нуждаются к действию только страхом перед кулаком и нагайкой. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁰⁷ Когда-то Победоносцев сказал: «Россия — это ледяная пустыня, над которой носится Лихой». (*Примеч. автора.*)

¹⁰⁸ Здесь какая-то, очевидно, спекуляция, явившаяся и для самого министерства финансов сюрпризом. (*Примеч. автора.*)

¹⁰⁹ Лейб-гвардии Семеновский полк.

¹¹⁰ Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943) — граф, действительный тайный советник (1905), председатель Совета Министров в 1911—1914 гг.

¹¹¹ Вильгельм II (1859—1941) — германский император и король Пруссии в 1888—1918 гг.

¹¹² Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — генерал-фельдмаршал (1914), с ноября 1914 г. — главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте. Рейхспрезидент Германии (1925—1934).

¹¹³ Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — министр юстиции в 1906—1915 гг., председатель Государственного совета в январе—феврале 1917 г.

¹¹⁴ Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918) — действительный статский советник (1912), гофмейстер (1913), министр внутренних дел в 1912—1915 гг., член Государственного совета в 1915—1917 гг.

¹¹⁵ При их силе воли, к[ото]рой они несомненно владеют, да дать еще им необходимое развитие и просвещение — какие бы из них были люди *comme il faut!* (Примеч. В.П. Кравкова.)

¹¹⁶ Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) — действительный тайный советник (1896), председатель Совета Министров в 1906 и 1914—1916 гг. Действительный тайный советник 1-го класса (1916).

¹¹⁷ Гучков Николай Иванович (1860—1935) — брат А.И. Гучкова, предприниматель, политический и общественный деятель, выборный городской голова Москвы в 1905—1912 гг.

¹¹⁸ Зернов Михаил Степанович (1857—1938) — врач-терапевт и бальнеолог, основатель курорта Ессентуки, общественный деятель. До 1917 г. около двадцати лет состоял гласным Московской городской думы. Член кадетской партии с 1905 г.

¹¹⁹ Розен Роман Романович (1847—1921) — барон, дипломат и государственный деятель, тайный советник, гофмейстер (1903), член Государственного совета в 1911—1917 гг.

¹²⁰ Правильная ремарка одной из газет: «Было бы верхом объективности, если бы люди, призванные судить и рядить в своем собственном деле, вынесли самим себе обвинительный приговор». (Примеч. В.П. Кравкова.)

¹²¹ Николай Николаевич (младший) (1856—1929) — великий князь, генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904), Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи с августа 1914 г., с августа 1915 до марта 1917 г. был наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом.

¹²² Так к постели тяжелобольного к явному вреду для него, в помеху лечащему его врачу съезжаются в бомонд уймы тетенок, кузенов и пр. родственников и «сердобольных» знакомых!.. (Примеч. В.П. Кравкова.)

¹²³ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — крестьянин Тобольской губернии, фаворит императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

¹²⁴ Талейран-Перигор Шарль-Морис (1754—1838) — французский политик и дипломат, известный мастер политической интриги.

¹²⁵ Петров Григорий Спиридонович (1866—1925) — священник, общественный деятель, популярный публицист и проповедник. В 1907 г. избирался

членом II Государственной думы. В 1899 — 1917 гг. деятельно сотрудничал в газете «Русское слово».

¹²⁶ Немирович-Данченко Василий Иванович (1849—1936) — брат известного театрального деятеля В.И. Немировича-Данченко, писатель и журналист. В годы Первой мировой войны был военным корреспондентом.

¹²⁷ Красносток — местечко Сокольского уезда Гродненской губернии, ныне деревня Ружанысток в Сокольском повяте Подляского воеводства (Польша). В сентябре — октябре 1914 г. штаб 10-й армии располагался в православном Красностокском Рождество-Богородицком женском монастыре.

¹²⁸ В рукописи ошибочно: «Вергилия».

¹²⁹ Кравков Леонид Алексеевич (1889 — после 1930) — племянник В.П. Кравкова, в годы Первой мировой войны — капитан 3-й артиллерийской бригады. Кавалер Георгиевского оружия (1917).

¹³⁰ Янушкевич Николай Николаевич (1868—1918) — генерал от инфантерии (1914), начальник Генерального штаба в 1914—1915 гг. После назначения великого князя Николая Николаевича наместником на Кавказе в августе 1915 г. стал его помощником по военным вопросам.

¹³¹ Эверт Алексей Ермолаевич (1857—1926) — генерал от инфантерии (1911). С июня 1912 г. являлся командующим войсками Иркутского военного округа и войсковым наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. С 11 августа 1914 г. командовал 10-й армией, с 22 августа 1914 г. (фактически — с 12 августа) командовал 4-й армией. Генерал-адъютант (1915). В 1915—1917 гг. занимал должность главнокомандующего армиями Западного фронта.

¹³² «Небо, смеющееся лазурью надежд». (Примеч. В.П. Кравкова.)

¹³³ Разумеется — артиллерия. (Примеч. В.П. Кравкова.)

¹³⁴ По случаю вступления его в командование вооруж[енными] силами. (Примеч. В.П. Кравкова.)

¹³⁵ Тернополь — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Тернополь, административный центр Тернопольской области (Украина).

¹³⁶ Разумное основание (фр.).

¹³⁷ Но... только, пожалуй, момент надо было бы выбрать такой, когда и наша пресловутая перегруппировка и выравнивание фронта закончатся. (Примеч. В.П. Кравкова.)

¹³⁸ *Pendant*: Генерал[ьного] штаба полковн[ик] Плющик-Плющевский любимой темой разговора в течение нескольких дней имел — как он «подтягивал жидва-врача»... (Примеч. В.П. Кравкова.)

¹³⁹ Орловский Антон Алексеевич (1870—1926) — титулярный советник, в 1915 г. занимал должность городского врача Вилейки.

¹⁴⁰ «Не трогай моих чертежей!» (лат.)

¹⁴¹ Свенцяны — уездный город Виленской губернии, ныне Швенчёнис в Вильнюсском уезде (Литва).

¹⁴² Поброды — местечко в Свенцяном уезде Виленской губернии, ныне город Пабраде в Вильнюсском уезде (Литва).

¹⁴³ Двинск — уездный город Витебской губернии, ныне Даугавпилс, город республиканского подчинения в Латвии.

¹⁴⁴ Полоцк — уездный город Витебской губернии, ныне административный центр Полоцкого района Витебской области (Беларусь).

¹⁴⁵ Сделано в Германии (*англ.*).

¹⁴⁶ Или: «В общем мы продолжаем выполнять свой план, и с каждым днем улучшаются положения наших армий». (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁴⁷ Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) — член II, III и IV Государственной думы в 1907—1917 гг., входил в состав ЦК кадетской партии с 1906 г.

¹⁴⁸ Караулов Михаил Александрович (1878—1917) — атаман Терского казачества, член II и IV Государственной думы в 1907 и 1912—1917 гг.

¹⁴⁹ Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) — член II, III и IV Государственной думы в 1907—1917 гг., монархист.

¹⁵⁰ Серафим (Чичагов) (1856—1937) — архиепископ Тверской и Кашинский в 1914—1917 гг.

¹⁵¹ Сообщается еще, что епископ Тобольский Варнава 27 авг[уста] в проповеди после литургии оскорбил неприличными словами членов Гос[ударственной] думы. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁵² Кривичи — местечко Вилейского уезда Виленской губернии, ныне городской поселок в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

¹⁵³ Потапов Алексей Степанович (1872—?) — генерал-майор (1912), в ходе Свенцянской операции 1915 г. командовал кавалерийским отрядом из двух казачьих полков, с которым действовал на правом фланге 10-й армии.

¹⁵⁴ Шарковщина (Шарковщизна) — местечко Дисненского уезда Виленской губернии, ныне городской поселок, административный центр Шарковщинского района Витебской области (Беларусь).

¹⁵⁵ Сморгонь — безуездный город Ошмянского уезда Виленской губернии, ныне административный центр Сморгонского района Гродненской области (Беларусь).

¹⁵⁶ Залесье — железнодорожная станция в Ошмянском уезде Виленской губернии, ныне поселок Сморгонского района Гродненской области (Беларусь).

¹⁵⁷ Пруды — железнодорожная станция в Вилейском уезде Виленской губернии, ныне поселок Пруды в Молодечненском районе Минской области (Беларусь).

¹⁵⁸ Полная безалаберность: в *Молодечно* понаехали квартирьеры от всех этих армий, и на каждом помещении пишутся пометки: «1-й», «3-й», «10-й армии». (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁵⁹ Уша — железнодорожная станция в Вилейском уезде Виленской губернии, ныне в поселке Красное Молодечненского района Минской области (Беларусь).

¹⁶⁰ Орша — уездный город Могилевской губернии, ныне административный центр Оршанского района Витебской области (Беларусь).

¹⁶¹ Петров Федор Васильевич (1866—1920) — генерал-майор (1913), военный судья Виленского военно-окружного суда в 1913—1916 гг.

¹⁶² Докшицы — местечко Борисовского уезда Минской губернии, ныне город, административный центр Докшицкого района Витебской области (Беларусь).

¹⁶³ Борисов — уездный город Минской губернии, ныне административный центр Борисовского района Минской области (Беларусь).

¹⁶⁴ Оказывается, это — «судный день», вспоминается разрушение Иерусалима. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁶⁵ Хорошо вышло, что удалось им в *Молодечно* погрузиться в вагоны, а то при походном порядке следования они обязательно погибли бы. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁶⁶ Барановичи — уездный город Минской губернии, в котором с августа 1914 по август 1915 г. располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, ныне административный центр Барановичского района Брестской области (Беларусь).

¹⁶⁷ После этого... вследствие этого (*лат.*).

¹⁶⁸ Бога из машины (*лат.*).

¹⁶⁹ В рукописи ошибочно: «Вергилии».

¹⁷⁰ Что же? И здесь причиной оказался недостаток в снарядах?! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁷¹ Ошмяны — уездный город Виленской губернии, ныне административный центр Ошмянского района Гродненской области (Беларусь).

¹⁷² Витебск — губернский город Витебской губернии, ныне административный центр Витебской области (Белоруссия).

¹⁷³ Коханово — местечко Оршанского уезда Могилевской губернии, ныне городская поселок в Толочинском районе Витебской области (Беларусь).

¹⁷⁴ Славени — деревня в Сенненском уезде Могилевской губернии, ныне в Толочинском районе Витебской области (Беларусь).

¹⁷⁵ Крупки — местечко в Сенненском уезде Могилевской губернии, ныне город, административный центр Крупского района Минской области (Беларусь).

¹⁷⁶ Рауш фон Траубенберг Евгений-Александр-Эрнест Александрович (1855—1923) — барон, генерал от кавалерии (1911), главный начальник Минского военного округа в 1914—1917 гг.

¹⁷⁷ Радославов Васил Христов (1854—1929) — премьер-министр Болгарии в 1886—1887 и 1913—1918 гг. Был известен своими антироссийскими взглядами.

¹⁷⁸ Изяславль — местечко Минского уезда и губернии, ныне Заславль, город областного подчинения в Минской области (Беларусь).

¹⁷⁹ Остен-Сакен Владимир Федорович фон дер (1860—1920) — генерал-майор (1910), в 1915 г. занимал должность коменданта города Минска.

¹⁸⁰ Один из главных сеятелей всеобщей паники. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)
Нолькен Иван Станиславович фон (1866—1943) — барон, генерал-майор

(1910), инспектор головных и тыловых эвакуационных пунктов и госпиталей Западного фронта в 1915—1916 гг.

¹⁸¹ Гирс Алексей Федорович (1871—1958) — действительный статский советник, камергер, минский губернатор в 1912—1915 гг.

¹⁸² Беннигсен Эммануил Павлович (1875—1955) — граф, действительный статский советник (1916), камергер (1912), член III и IV Государственной думы в 1907—1917 гг. В 1915—1916 гг. был главноуполномоченным Красного Креста на Западном фронте.

¹⁸³ Еще: заведующий конским запасом — фон Кубе. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁸⁴ Цеге фон Мантейфель Вернер Германович (1857—1926) — барон, хирург, профессор Дерптского университета (1899). В 1914—1916 гг. был главным консультантом военно-санитарного отдела Красного Креста Северо-Западного, а затем Западного фронта.

¹⁸⁵ О необходимости «выравнивания нашего внутреннего фронта». (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁸⁶ Крузенштерн Константин Акселевич (1883—1962) — штабс-капитан в отставке, в 1914 г. был уполномоченным Красного Креста при XXIII армейском корпусе, в 1915 г. — особоуполномоченный Красного Креста при штабе 10-й армии.

¹⁸⁷ В к[ото]ром так приятно шуршать ногами. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁸⁸ Татьяна Николаевна (1897—1918) — великая княжна, дочь императора Николая II.

¹⁸⁹ Да зачем им было трогаться со своих мест? Оставаясь на них, и им было бы лучше, да и нам: не было бы этой второй армии нестройной. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁹⁰ Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант, военный министр в 1898—1904 гг., главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в Русско-японской войне в 1904—1905 гг., командующий 1-й Маньчжурской армией в 1905—1906 гг. Член Государственного совета в 1906—1915 гг. В 1915—1916 гг. командовал Гренадерским корпусом, затем 5-й армией Северного фронта, с февраля по июль 1916 г. занимал пост главнокомандующего армиями Северного фронта. Туркестанский генерал-губернатор в 1916—1917 гг. После Октябрьской революции 1917 г. проживал в своем бывшем имении в Псковской губернии, работал учителем в сельской школе.

¹⁹¹ Ехавших с ним в Минск, ч[то]б[ы] отсюда проследовать в Полтаву. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁹² С боевым Владимиром на груди. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁹³ Вилькицкий Борис Андреевич (1885—1961) — капитан 2-го ранга, флигель-адъютант (1914), гидрограф-геодезист и исследователь Арктики.

¹⁹⁴ По преимуществу (*фр.*).

¹⁹⁵ Васильчиков Борис Александрович (1860—1931) — князь, действительный статский советник (1896), шталмейстер (1903), член Государственного совета по назначению в 1906—1917 гг.

¹⁹⁶ Гюббенет Виктор Борисович (1862—после 1930) — тайный советник (1914), в начале 1915 г. — начальник военно-санитарной части Северо-Западного фронта.

¹⁹⁷ В отношении этого пакостного человека я перешел на «вторую оборонительную линию». Оказывается из моего разговора с военным следователем, у к[ото]рого было дело этого полковника, последний подлежал расстрелу за то, что бежал, бросивши полк. Дело это было под нажимом свыше замято; полковник получил Владимира с мечами и представлен в генералы!! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

¹⁹⁸ Атмосфера, во всяком случае, насыщена раздражительностью и озлоблением. (*Примеч. автора.*)

¹⁹⁹ Варламов Константин Александрович (1848—1915) — актер, заслуженный артист императорских театров.

²⁰⁰ Савина Мария Гавриловна (1854—1915) — актриса.

²⁰¹ Маковский Константин Егорович (1839 — 1915) — художник.

²⁰² Чельшев Михаил Дмитриевич (1866—1915) — член III Государственной думы в 1907—1912 гг., общественный деятель, борец за народную трезвость.

²⁰³ Дурново Петр Николаевич (1845—1915) — действительный тайный советник (1906), министр внутренних дел в 1905—1906 гг., член Государственного совета в 1906—1915 гг.

²⁰⁴ 334-й пехотный Ирбитский полк.

²⁰⁵ Никитников Анатолий Михайлович (1868—?) — полковник (1911), в 1914—1916 гг. командовал 334-м пехотным Ирбитским полком.

²⁰⁶ Козлов Владимир Аполлонович (1856—1931) — генерал-лейтенант (1915), в 1914—1917 гг. командовал 84-й пехотной дивизией.

²⁰⁷ Белый хлеб — 35 к[опеек] фунт, черный — 10—12 коп[еек]. (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

²⁰⁸ Букв. «ради прусского короля» (*фр.*).

²⁰⁹ Иванова Римма Михайловна (1894—1915) — фельдшер 105-го пехотного Оренбургского полка, во время боев в период Свенцянского прорыва немцев повела в атаку оставшуюся без офицеров роту. В ходе атаки была смертельно ранена.

²¹⁰ В фондах НИОР РГБ не обнаружена.

²¹¹ Быстреевский Сергей Дмитриевич (1866—1926) — генерал-майор (1907), директор 2-го Московского императора Николая I кадетского корпуса в 1914—1917 гг.

²¹² Чтобы не портили они благообразия города, их гонят отсюда, как какой скот, они бегут в лес и живут там по-звериному! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

²¹³ Евдокимов Александр Яковлевич (1854—?) — почетный лейб-медик двора Его Императорского Величества, в 1906—1917 гг. занимал должность начальника Главного военно-санитарного управления.

²¹⁴ Доколе же, Катилина, ты будешь испытывать наше терпение? (*лат.*) — выражение из речи Цицерона.

²¹⁵ Эх! Все кругом людишки, животишки да нуждишки... (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

²¹⁶ Здравствуй, Цезарь! (*лат.*)

²¹⁷ Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916) — граф, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1875), наместник на Кавказе в 1905—1915 гг.

²¹⁸ Глубокое — местечко Дисненского уезда Виленской губернии, ныне город, административный центр Глубокского района Витебской области (Беларусь).

²¹⁹ Марграбово (Маргтрабова) — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Олецко, административный центр Олецкого повята Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²²⁰ Сахаров Владимир Викторович (1853—1920) — генерал-лейтенант (1900), начальник полевого штаба Маньчжурской армии с апреля по октябрь 1904 г., начальник штаба А.Н. Куропаткина с октября 1904 по март 1905 г. Генерал от кавалерии (1908), участник Первой мировой войны.

²²¹ Самарин Александр Дмитриевич (1868—1932) — статский советник (1906), егермейстер (1910), обер-прокурор Святейшего Синода с июля по сентябрь 1915 г.

²²² Хвостов Алексей Николаевич (1872—1918) — действительный статский советник (1914), камергер (1907), член IV Государственной думы в 1912—1915 гг., министр внутренних дел в 1915—1916 гг.

²²³ Не замедлят, вероятно, опять расцвести и петербургские «распутные» салоны! (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

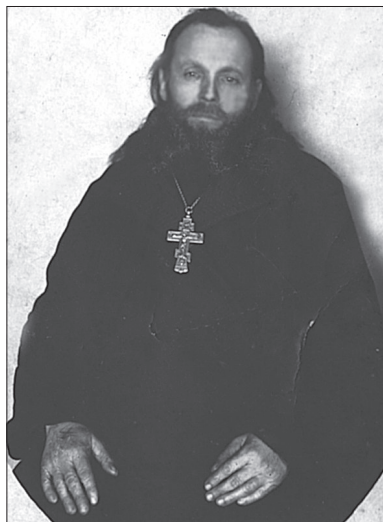
²²⁴ Не творит [ли] все эти неожиданности для нас невидимая рука германцев? (*Примеч. В.П. Кравкова.*)

²²⁵ Бога из машины (*лат.*).

Глава IV

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ СОСНОВСКИЙ. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЛЕТОПИСИ НАРОЧСКОГО ПРИХОДА

Павел Илларионович Сосновский родился 14 января 1867 года в городе Василькове Сокольского уезда Гродненской губернии в семье православного священника. При выборе жизненного пути он предпочел пойти по стопам отца и избрал для себя духовную карьеру. Необходимое для этого образование Павел Сосновский получил в Литовской духовной семинарии в губернском городе Вильно, которую окончил в 1888 году по второму разряду.

П.И. Сосновский. 1890-е гг.

Служба П.И. Сосновского по духовному ведомству началась 18 июня 1888 года с определения на должность псаломщика к Векшнянской церкви Шавельского уезда Ковенской губернии. Уже 28 мая 1889 года он был рукоположен в священники архиепископом Литовским и Виленским Алексием (Лавровым-Платоновым)¹. Акт рукоположения подтверждала соответствующая грамота за № 1167 от 4 июня 1889 года, которая была утеряна в годы Первой мировой войны. Молодой священник был назначен

Местечко Нарочь. Свято-Ильинская церковь. Фото начала XX в.

Агрогородок Нарочь. Свято-Ильинская церковь. Современная фотография

служить в Свято-Ильинской церкви села Нарочь Вилейского уезда Виленской губернии.

С июня 1889 года и до начала военных действий во вверенном его попечением приходе в сентябре 1915 года П.И. Сосновский состоял также законоучителем и заведующим Нарочской одноклассной церковно-приходской школы, а с 1899 года преподавал Закон Божий еще и в Баровском народном училище. В 1909 году за заслуги в области народного образования отец Павел был награжден медалью «В память 25-летия церковных школ». В дальнейшем он продолжал свои труды на ниве просвещения, состоя с 15 октября 1913 года законоучителем 2-го Баровского народного училища.

22 марта 1902 года священник П.И. Сосновский стал членом совета Вилейского благочиния, в работе которого принимал деятельное участие. 20 декабря 1913 года отец Павел был назначен помощником Вилейского благочинного. В этой должности он состоял до 12 мая 1917 года.

Довоенный период службы П.И. Сосновского вообще отмечен немалым количеством отличий — как церковных, так и светских. В 1896 году он был награжден серебряной медалью «В память царствования императора Александра III», в январе 1898 года — набедренником «за особенно усердную и полезную службу», в апреле 1902 года — скуфьей «за продолжительную усердную службу». В январе 1904 года «за особенное усердие и ревность в деле религиозно-нравственного просвещения народа» сельскому священнику было «преподано архипастырское благословение» высокопреосвященнейшим Ювеналием², архиепископом Литовским и Виленским. В мае 1906 года его «заслуги по духовному ведомству» были отмечены камилавкой, в 1913 году он был удостоен юбилейного нагрудного знака (серебряного креста) «В память 300-летия дома Романовых», а в мае 1914 года — золотым наперсным крестом от Святейшего Синода «за заслуги по духовному ведомству».

В годы Первой мировой войны П.И. Сосновский не только выполнял функции приходского священника, но также подвизался в воинских частях и полевых лазаретах Русской императорской армии. Он

проводил церковные службы в медицинских учреждениях, посещал больных и раненых и оказывал им посильную помощь, исповедовал страждущих солдат и офицеров, причащал умирающих и отпевал погибших. Благодаря этой работе отца Павла в метрических книгах Свято-Ильинской церкви села Нарочь сохранились и дошли до нас фамилии павших на фронте русских солдат. Труды сельского батюшки были замечены и оценены. *«За отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий по 1-му лазарету 29-й пехотной дивизии»* приказом за № 268 по войскам 2-й армии священник Павел Сосновский был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

В конце 1917 года, вскоре после Октябрьской революции в Петрограде, в Вилейском уезде была установлена советская власть, однако оказалась она довольно непрочной. 20 февраля 1918 года ее сменила германская оккупационная администрация. После поражения Германии в Первой мировой войне в декабре 1918 года Советы вновь вернулись в край: 16 декабря 1918 года в Вилейке было объявлено о создании Советской Социалистической Республики Литва. В ходе начавшейся вскоре советско-польской войны 1 июля 1919 года Вилейка и ее окрестности были заняты польскими войсками. Красной армии ценой больших усилий удалось вытеснить оккупантов с белорусских земель лишь через год. 10 июля 1920 года на Вилейщине в очередной раз была восстановлена советская власть, но опять ненадолго. За поражение Красной армии в битве на Висле летом 1920 года пришлось заплатить территориальными уступками молодой Польской Республике. После подписания 18 марта 1921 года Рижского мирного договора Вилейский край оказался в составе Польши. Жители региона надолго сделались польскими гражданами.

Неизвестно, успел ли П.И. Сосновский ощутить на себе действие одного из первых декретов Совета народных комиссаров Российской Федеративной Советской Республики от 20 января 1918 года, согласно которому церковь была отделена от государства, а школа — от церкви. Вряд ли эфемерные власти успевали сколько-нибудь серьезно вмешаться в деятельность церковной администрации, остававшейся островком стабильности среди постоянно изменявшейся политической

обстановки. Известно, что при очередной немецкой оккупации 14 июня 1918 года священник П.И. Сосновский вновь был избран помощником Вилейского благочинного на очередной трехлетний срок.

В период пребывания Вилейщины в составе Польши настоятель нарочской Свято-Ильинской церкви П.И. Сосновский продолжал свое священническое служение. Новые власти сохранили за церковью образовательные функции: в 1919—1933 годах отец Павел состоял контрактным законоучителем в народных школах села Нарочь, а также деревень Баровцы и Кузьмишки. Ко дню Святой Пасхи 29 марта 1920 года постановлением Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона священник Павел Сосновский был удостоен сана протоиерея, в который был посвящен 11 июня 1921 года архиепископом Литовским и Виленским Елевферием³. 2 мая 1926 года «за церковные заслуги» он был награжден палицей.

В 1933 году многолетнее служение П.И. Сосновского на духовном поприще подошло к концу. 12 августа 1933 года он был утвержден духовником Вилейского благочиния, а 7 сентября был выведен за штат по преклонному возрасту.

П.И. Сосновский (стоит первый справа) среди священнослужителей Вилейского благочиния в день Усечения главы Иоанна Крестителя. 1934 г.

П.И. Сосновский с женой и дочерью. Вильно, 1910 г.

Одной из отличительных черт протоиерея П.И. Сосновского было очень ответственное отношение к своим служебным обязанностям. Он не пренебрегал канцелярской работой, всегда аккуратно отчитывался по приходским делам, заботился о церковном архиве. Точно так же он относился и к документам своего домашнего архива, в котором собирал всю свою обширную переписку. Многие из сохраненных им документов и фотографий впоследствии вошли в коллекцию Вилейского краеведческого музея, где хранятся и поныне. Благодаря этому фонду историкам хорошо известно не только прошлое Нарочского церковного прихода, но и семейная история его настоятеля.

Супруга П.И. Сосновского Клавдия Ивановна, в девичестве Коптевская (1869—1917), была дочерью чиновника. 6 апреля 1900 года в семье священника родилась дочь Александра. Она училась в Ковенской женской Мариинской гимназии, но в 1915 году в связи с приближением фронта к Ковно эвакуировалась в Тамбовскую губернию, где продолжила обучение в Моршанской женской гимназии. В период между двумя мировыми войнами она вышла замуж за Льва Якоба,

сержанта запаса Войска польского, и проживала с ним и с детьми на хуторе близ Нарочи. Этот брак вызвал непонимание местных жителей, так как дочь православного священника вышла замуж за католика.

Интересно сложилась судьба брата П.И. Сосновского Иоиля Илларионовича, с которым они запечатались на одной фотографии в 1908 году. И.И. Сосновский в то время служил полицейским надзирателем в Бельске, уездном городе Гродненской губернии. Он вышел в отставку в чине губернского секретаря (XIII класс по Табели о рангах) и в дальнейшем, по примеру брата посвятил, свою жизнь служению

Братья П.И. и И.И. Сосновские. Бельск, 1908 г.

Богу. После Первой мировой войны священник И.И. Сосновский проживал в Польше, в 1928—1937 годах он сначала служил настоятелем церкви Свв. Петра и Павла в городе Самогород Белостокско-Гданьской епархии Польской православной церкви, позднее — церкви Рождества Богородицы в городе Юшковы-Грод.

После вывода «за штат» епархии П.И. Сосновский остался на жительстве в ставшем для него родным селе Нарочь. Местные жители любили своего прежнего приходского батюшку и помогали старику, чем могли. Отец Павел не оставался у них в долгу, чаще всего помогая добрыми советами умудренного житейским опытом человека.

В сентябре 1939 года, после очередного исчезновения польского государства с карты Европы, Вилейщина вместе с другими западнобелорусскими землями воссоединилась с Белорусской Советской Социалистической Республикой в составе СССР. Вскоре после установления советской власти в регионе семья дочери П.И. Сосновского подверглась раскулачиванию и была выслана из родных мест в Красноярский край.

Мирная жизнь по соседству с охваченной Второй мировой войной Европой продлилась недолго — с нападением Германии на СССР 22 июня 1941 года война пришла и на белорусскую землю. Последние годы жизни П.И. Сосновского пришлось на очередную немецкую оккупацию Вилейщины. Только это были уже совсем другие немцы, и их отношения с местным населением складывались далеко не так, как в 1915 или 1918 годах...

В обстоятельствах гибели П.И. Сосновского много неясного. Известно, что в начале 1944 года он укрывал в своем доме в Нарочи сына партизана Антона Занковича, семилетнего Василия. Каково было его отношение к происходившему в стране, были ли у него какие-либо связи с антифашистским партизанским движением — все это остается неизвестным. Достоверно лишь одно: в феврале 1944 года П.И. Сосновский был расстрелян полицией.

Протоиерея П.И. Сосновского, при жизни пользовавшегося глубоким и искренним уважением односельчан, провожали в последний путь почти все жители села Нарочь. Он был погребен в одной

могиле с погибшим вместе с ним Василием Занковичем на погосте нарочской Свято-Ильинской церкви, где оба они покоятся и поныне. С освобождением края Советской армией имена П.И. Сосновского и В. Занковича были включены в обширный список жителей Совет-

Надгробие П.И. Сосновского на погосте Свято-Ильинской церкви в агрогородке Нарочь. Современная фотография

ской Белоруссии, павших жертвами немецко-фашистских оккупантов и их пособников.

В настоящем сборнике публикуется выдержка из церковно-приходской летописи Свято-Ильинской церкви села Нарочь за годы Первой мировой войны. Этот документ не только является заслуживающим внимания источником по местной истории, но и дает довольно полную картину особенностей жизни и быта населения прифронтовой полосы в годы Первой мировой войны.

А.М. Костенчик. Польша, 1930-е гг.

Нарочская церковно-приходская летопись П.И. Сосновского, оригинал которой хранится в фондах Вилейского краеведческого музея, интересна также и тем, что проливает свет на послевоенную судьбу некоторых из героев Первой мировой войны. Благодаря этому документу известно, что в начале 1930-х годов псаломщиком в нарочской Свято-Ильинской церкви служил бывший военный летчик и кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени А.М. Костенчик⁴. Из церковных документов следует, что в 1934 году он был переведен из Нарочи на должность псаломщика в церковь Св. Анны в городе Столбцы. В то время этот населенный пункт Западной Беларуси также входил в состав Польши. Там А.М. Костенчик скончался от тифа в 1935 году и был похоронен на местном православном кладбище. Так, благодаря записям П.И. Сосновского удалось уточнить биографию одного из белорусских георгиевских кавалеров.

Текст памятника воспроизведен по оригинальной рукописи и исправлен в соответствии с требованиями современной орфографии.

ИЗ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ НАРОЧСКОЙ СВЯТО-ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ

1915 год

В сем году Божиим позволением бедствия войны достигли и Нарочского прихода. До сентября месяца в приходе было сравнительно спокойно, только летом урожай хлебов и трав был очень слабый, да появилась холера, от которой умерло 12 человек, но болезнь скоро прекратилась. В июне и июле стали прогонять через Нарочь скот, свиней, овец и лошадей из Курляндии⁵, где велись бои, и цены на сено и солому сразу сильно повысились; много скота падало на пути. Это были первые вестники бедствий Нарочского прихода.

31 августа и 1 сентября среди крестьян стали носиться тревожные слухи, что неприятель прорвался сквозь линию русских войск возле Свенцян и находится очень близко от с[ела] Нарочь; и вдруг ночью, с 1 на 2 сентября, т.е. со вторника на среду, неприятельский разъезд показался в Нарочи. Нарочь встревожился, многие подняли плач, стали укладывать свое вещи в телеги и увозить в лес; все девушки и молодые женщины тоже уходили прятаться в лес, чтобы неприятель не мог издеваться и насиловать их.

Днем 2 сентября по соседству — в Русскоселье⁶, Любани, Куренце и Вилейке — завязались бои с артиллерийской канонадой. Русские войска отступили, и Нарочский приход оказался во власти немцев. Тяжело было местным людям; немцы стали забирать лучшую одежду, скот, овец, свиней, курей, лошадей, хлеб, картошку и корм — сено и солому, а людей погнали рыть окопы против своих же русских войск.

Так продолжалось недели две. Подошли опять наши войска со стороны уездного города Вилейки, завязались упорные бои возле деревень Баровцы, Уречье, Деховка, Комаришки, Кузьмишки и Косичи⁷. Бои продолжались более пяти дней, и немцев погнали из прихода через с. Нарочь и д. Поповцы к Войстому и Липкам⁸, и Нарочь с радостью

и слезами на глазах встретил своих русских воинов. Через два-три дня после Воздвижения приход уже был свободен от врагов.

Во время этих боев один хозяин — крестьянин д[еревни] Баровцев Климентий Петров Илькевич, 65 лет, был убит и несколько человек — ранено.

Много пало немцев; они похоронены то при дорогах, то на кладбищах деревень Баровцы, Уречье, Косичи, Поповцы и на погосте Нарочской церкви.

От артиллерийских снарядов выгорело в Баровцах $\frac{5}{6}$ всех домов, в Уречье — $\frac{9}{10}$, а Косичи и Кузьмишки выгорели целиком. В с[еле] Нарочь сами немцы подожгли (и сгорели) мост, мельницу, еврейские дома и крестьянские дома, около 17 домов, до участка Тумашей. За реками Нарочь и Спяглица, Свенцянского уезда, немцами сожжены деревни Мордасы, Лемешы, Новосады⁹, Погорельцы, Войстом, Теляки, Щани, Абрамовщина, Круни¹⁰ и много других, а церковь Рацевская и Войстомский костел сгорели от снарядов во время боев. Почти всю Войстомскую волость враги угнали в плен — не только мужчин, но и женщин, даже грудных детей и стариков; вся Войстомщина опустела и сделалась почти пустыней; только несколько семей успело спастись от неприятеля глухим лесом; и вот вернулись некоторые мужчины с военных работ из-под Лиды — их дома сожжены, дети и старики родители угнаны в плен, на голодовку. Страшное народное бедствие, хуже, чем во времена татар!

Из Нарочского прихода взято в плен около пяти семейств; угнаны в плен соседние помещики-дворяне Свенцянского уезда, священники и ксендзы. Местный священник из с[ела] Нарочь успел 2 сентября бежать от немцев, оставив все имущество: мебель, одежду, хлеб и прочее, и вернулся в Нарочь уже 17 сентября, но не нашел своего имущества: оно было разграблено или испорчено окончательно, к стыду сказать, не столько немцами, сколько самими же крестьянами с[ела] Нарочь.

Милосердием Божиим все храмы в приходе, т.е. нарочский приходский и на кладбищах деревень Баровцы и Уречье, уцелели, только входная дверь в Нарочском пробита ядром; неприятель даже ничего

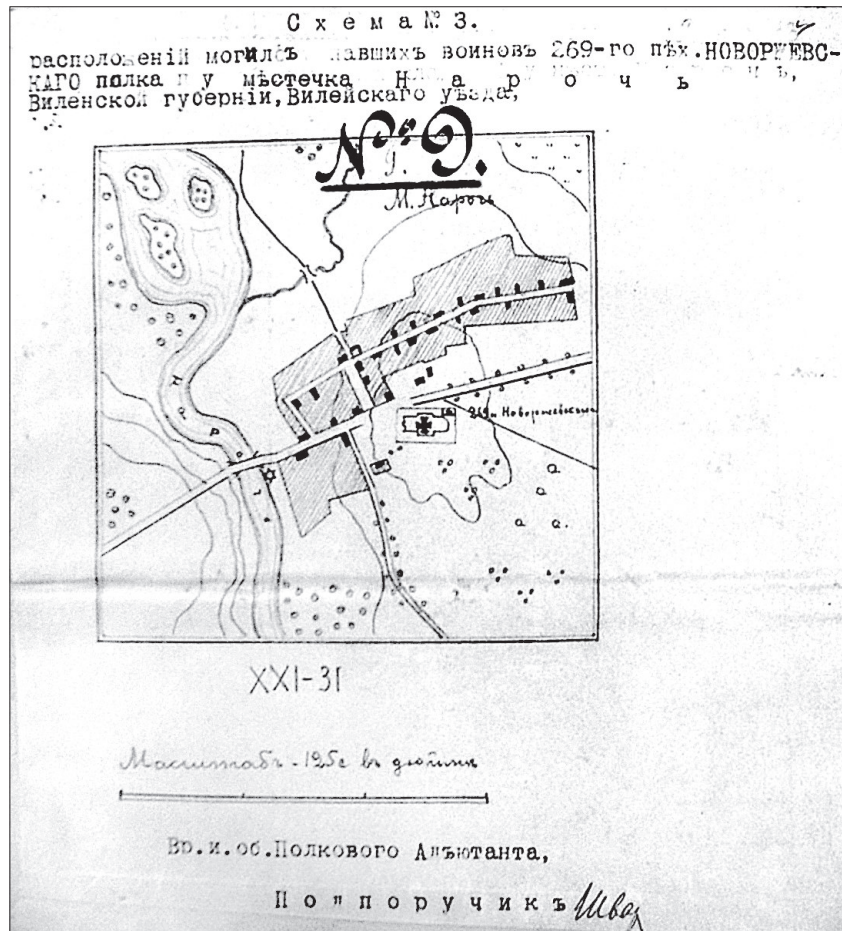

Схема захоронения солдат и офицеров 269-го пехотного Новоржевского полка у церкви в местечке Нарочь

не взял из церковных вещей — ни ценных, ни малоценных, а только положил своих раненых в Нарочской церкви, так что, по изгнании неприятеля, Нарочская церковь была освящена малым чином, и в ней, к утешению всех прихожан и войск, стала беспрепятственно совершаться служба Божия.

Выгнала врага из Нарочского прихода 29-я дивизия¹¹: полки Малоярославский, Новоторжский, Вяземский и Старорусский. Некоторые из воинов этих полков пролили свою кровь на наших полях

и теперь покоятся вечным сном в районе Нарочского прихода. Вечная вам память, доблестные неведомые герои! Да сподобит вас Господь Иисус Христос венцов мученических во Царствии Небесном, а сердца прихожан и их потомков да преисполнит навсегда благодарностию и молитвенною памятию о вас за бранные труды и пролитую кровь!

После 29-й дивизии прибыла в Нарочский приход 28-я дивизия; в селе Нарочь стал Донской полк, а в соседних деревнях — Камский, Волжский и Уральский полки. Когда 28-я дивизия ушла в бои на позиции к Войстому, в Нарочь прибыла на отдых много трудившаяся 10-я дивизия¹², с 10-й же артиллерийской бригадой. В Нарочи с 10 ноября стали тобольцы, а в соседних деревнях — томцы, колыванцы и екатеринбуржцы. И вот наше село Нарочь оживилось:

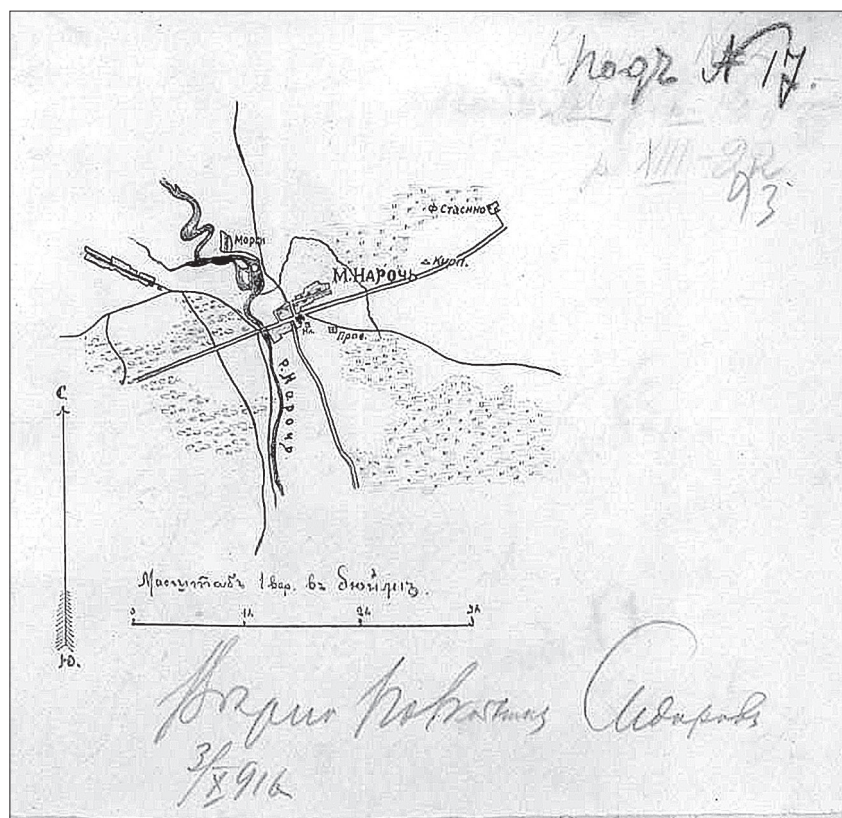

Схема захоронения павших воинов в местечке Нарочь

Русская армия в Нарочском приходе. Офицеры и солдаты одного из подразделений XX армейского корпуса в фольварке Реутка. 6 декабря 1915 г.

Сестры милосердия и солдаты полевого лазарета № 1 29-й пехотной дивизии около д. Забродье. На фото жительницы деревень Забродье, Уречье, Кардон и Баровцы (слева направо): М. Лушчик, Е.Н. Илькевич, третья Е.А. Каптюг, А.И. Каптюг, врач А.П. Каптюг

вместо глухой лесной дереvушки сразу сделалось как бы маленьким городком в пять тысяч жителей, а всего в районе прихода оказалось около двадцати тысяч войск. Войска живут то в крестьянских халупах, то в землянках. Явились правительство и общество на помощь крестьянам: были открыты питательные пункты Красного Креста в селе Нарочь, деревнях Баровцы и Комаришки, где народу выдается горячая пища, чай и хлеб. Отдел общества «Северопомощь» стал выдавать пищу в сухом виде: муку, крупу, соль, а также и одежду: полушубки, рубахи, валенки. Первый Земский всероссийский союз тоже открыл свой отдел в с[еле] Нарочь и стал давать пищу рабочим в окопах, которые копаются повсюду в окрестностях в ожидании врагов. Наши офицеры и солдатики тоже охотно делятся куском хлеба с прихожанами. Крестьянам все же тяжело: $\frac{5}{6}$ частей прихода выгорело, жилых домов не хватает — живут в одном доме по несколько семейств, а кто и в землянках, в тесноте и скученности. Убытки большие. Многие холодные строения то разобраны совсем, то стоят без крыш, что сделано своими же войсками по нужде. Лошадей, свиней, скота нет, и вот дров не на чем привезть; пища по большей части постная, а дети без молока; одежды не хватает.

Дети не учатся: Баровское училище сгорело, а в Нарочской школе нет ни учебников, ни мебели: все уничтожено.

Много пахотной земли попорчено: местность изрыта то окопами, то землянками для жилья.

Душевное настроение у всех тяжелое и подавленное и из-за пережитого, и из-за будущего, ведь война еще не окончена, и нам еще неизвестно, чем кончится судьба Нарочского прихода в наступившем новом, 1916 году: быть ли Нарочскому приходу свободным от врагов или же вконец разрушенным и разоренным, но на все воля Божия!

Родилось в сем году 74, умерло 109, браков было 8.

Приходно-расходные суммы: осталось от 1914 года 241 р. 53 коп. В течение 1915 года поступило 1390 р. 82 коп. Израсходовано 556 р. 85 коп. К 1 января 1916 года осталось 1075 р. 00 к. Попечительские суммы: осталось от 1914 года 2 р. 96 к. В течение 1915 года поступило:

174 р. 53 к. Из них израсходовано 130 р. 34 к. В остатке к 1 января 1916 года 47 р. 15 коп.

В Нарочской церковно-приходской школе и в Баровских народных училищах занятия были только до весны и осенью, вследствие прорыва неприятеля, не возобновлялись.

1916 год

Война продолжается; весь 1916 год стоят войска в приходе; немцы-враги стоят в Дубатовке¹³, Вишневе¹⁴, Сморгонях¹⁵, т.е. в 12—14 верстах от Нарочской церкви. Собственно, в Нарочском приходе в течение 1916 года стояли следующие воинские части: 10-я дивизия и в с[еле] Нарочь — Тобольский полк, после нее стала 68-я дивизия¹⁶ и в с[еле] Нарочь — Новоржевский полк; в Великом посту стоял 17-й Томашовский пограничный конный полк¹⁷. После Пасхи все лето стояли три парка и управление 28-й парковой артиллерийской бригады¹⁸; в сентябре стала 11-я Сибирская стрелковая дивизия¹⁹, но к октябрю ее опять сменили парки и управление 28-го паркового артиллерийского дивизиона.

В течение целого года приход жил в страхе и неуверенности за завтрашний день: вот-вот прорвутся враги, и опять начнется полное, уже окончательное разорение. Погоревшие: прихожане в течение года почти не строили домов и живут в землянках, да и нет кому строить, так как почти все крепкие мужчины взяты на военную службу; люди по-прежнему страдают, так как сколько-нибудь правильное хозяйство вести невозможно: нет ни скота, ни построек, пища исключительно постная, к тому же цена на все пищевые продукты стоит весьма высокая: 1 фунт сала или масла стоит больше 2 рублей — тем крестьянам, которые имеют что продать, хорошо, но нарочским прихожанам, разоренным и сожженным, очень тяжело. Много горя и страху причиняли приходу неприятельские аэропланы: каждый светлый, не пасмурный день летали и бросали бомбы, которые ранили и убивали людей и животных; наши обстреливали неприятельские аэропланы, и от наших же осколков многие

страдали. Даже службу Божию от-
правлять было страшно: так, в не-
делю Крестопоклонную, в начале
литургии, неприятель стал бросать
бомбы возле церкви, а 6 сентября
бомба упала возле самой церкви, во
время пения запричастного стиха,
и осколки попали в церковь, но
никого не ранили; только в самое
село Нарочь неприятель 14 раз бро-
сал бомбы — было убито и ранено
до 25 человек и до 35 голов скота.
Люди накопили блиндажи и во вре-
мя обстрела прячутся туда.

Нарочская церковно-приходская
школа целый год не действовала,
а в Баровцах осенью 1916 года было
открыто учение и вместе кормили
детей на средства Всероссийского земского союза; учеников собралось
из всех окрестных сожженных училищ до 400 человек

В урочище Жерствянка в лесу устроен целый военный лагерь,
и там стояло до 10 тысяч войск, лагерь этот называется «Комаришки»
и занимает Кордон, Жерствянку, Паромец и Комаришки²⁰.

Сильно пострадали в этом году леса и пахотные поля: леса повы-
рублены на топливо устройство землянок, а поля ископаны и изрыты
то канавами, то блиндажами и землянками. Родилось в этом году 83,
умерло 90, браков было 15.

Приходно-расходные суммы: осталось от 1916 года 1075 р. 50 коп.,
в течение 1916 года поступило 4039 р. 83 коп. Израсходовано 1291 р.
70 коп. Осталось к 1 января 1917 года 3883 р. 63 коп. Попечительские
суммы: осталось от 1915 года 47 р. 15 коп., в течение 1916 года посту-
пит 477 р. 74 коп. Израсходовано 473 р. 19 коп. К 1 января 1917 года
осталось 51 р. 70 коп.

**Воинское захоронение
у д. Жерствянка, на месте
расположения лагеря «Комаришки».**
Современная фотография

1917 год

И 1917 год весь приход был в бедах войны, хотя к концу года военные действия почти прекратились и войска стали расходиться, но мир еще не заключен и неуверенность за будущее — полная; к этому прибавилась страшная дороговизна: фунт крупы — 1 р., фунт сала — 4 р., сапоги — 150 р.

Родилось в сем году 74, умерло 51, браков было 82.

Приходно-расходной суммы было: осталось от 1916 года 3883 р. 63 коп. В течение 1917 года поступило 5288 р. 73 к. Израсходовано 1569 р. 36 коп. В остатке к 1918 году 7603 р. 00 коп. Попечительские суммы: осталось от 1916 года 51 р. 70 коп. В течение 1917 года поступили: 220 р. 82 к. Израсходовано 153 р. 3 коп. В остатке к 1 января 1918 г. 119 р. 49 коп.

Детей и в этом году в д[еревне] Баровцах и с[еле] Нарочь обучал и кормил Всероссийский земский союз.

Примечания

¹ Алексей (Лавров-Платонов) (1829—1890) — архиепископ Литовский и Виленский в 1885—1890 гг.

² Ювеналий (Половцев) (1826—1904) — архиепископ Литовский и Виленский в 1898—1904 гг.

³ Елевферий (Богоявленский) (1870—1940) — архиепископ Литовский и Виленский в 1921—1928 гг., митрополит Литовский и Виленский в 1928—1940 гг.

⁴ Констанчик Авенир Маркович (1889—1935) — военный летчик, георгиевский кавалер. Уроженец г. Гродно, сын священника. Выпускник Военной авиационной школы в Гатчине (1914). В 1914—1916 гг. поручик А.М. Костенчик служил на бомбардировщиках «Илья Муромец Х» и «Илья Муромец V», отличился в налете на железнодорожную станцию Даудзевас в апреле 1916 г., в ходе которого получил тяжелое ранение. Был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (1917). При возвращении в строй после ранения был переведен в наземную службу Эскадры воздушных кораблей. В годы Гражданской войны — полковник, служил в Добровольческой армии и ВСЮР. После эвакуации из Крыма в 1920 г. жил в эмиграции в Югославии, затем в Польше. Умер и похоронен в г. Столбцы (Беларусь).

⁵ Курляндия — имеется в виду Курляндская губерния, одна из трех прибалтийских губерний Российской империи со столицей в Митаве (ныне Елгава в Латвии).

⁶ Русскоселье — ныне деревня Русское Село в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁷ Все указанные деревни сейчас находятся в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁸ Скорее всего, имеется в виду деревня Липка в Островецком районе Гродненской области (Беларусь).

⁹ Мордасы, Лемешы, Новосады — деревни, ныне находятся в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

¹⁰ Погорельцы, Войстом, Теляки, Щани, Абрамовщина, Круни — деревни, ныне находятся в Сморгонском районе Гродненской области (Беларусь).

¹¹ 29-я дивизия XX армейского корпуса. Состав корпуса см. в Приложении 1.

¹² 10-я дивизия V армейского корпуса. Состав корпуса см. в Приложении 1.

¹³ Дубатовка — деревня, ныне в Сморгонском районе Гродненской области (Беларусь).

¹⁴ Вишнево — деревня, ныне в Сморгонском районе Гродненской области (Беларусь).

¹⁵ Сморгони — так иногда местные жители называли г. Сморгонь.

¹⁶ 68-я дивизия XXXVI армейского корпуса, участвовала в боях в группе Балуева в ходе Нарочского наступления в марте 1916 г.

¹⁷ 17-й Томашовский пограничный конный полк также входил в состав XXXVI армейского корпуса.

¹⁸ Парки и управление 28-й парковой артиллерийской бригады подразделения XX армейского корпуса.

¹⁹ 11-я Сибирская стрелковая дивизия входила в состав I Туркестанского армейского корпуса.

²⁰ Кордон, Жерствянка, Паромец и Комаришки — все деревни сейчас находятся в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

Глава V

ВЗГЛЯД С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ФРОНТА. НЕМЕЦКИЕ ПОЛКОВЫЕ ИСТОРИИ О БОЯХ НА ВИЛЕЙЩИНЕ

Описания отдельных боев и операций Первой мировой войны начали появляться в выходившей в Германии специализированной литературе еще до того, как отгремели ее последние залпы. Целью этих публикаций было практическое использование боевого опыта, полученного в условиях современной войны. Уже тогда стало понятно, что технический прогресс вывел военное дело на качественно новый уровень, и в новых условиях опыт конфликтов европейских наций в XIX веке, который продолжали изучать во всех военных академиях мира, сделался малопригодным для практического применения.

С созданием в 1919 году Немецкого государственного архива (*Reichsarchiv*) изучение опыта Первой мировой войны стало проводиться на серьезной научной основе. Документы и материалы по истории недавно отгремевшего конфликта стали регулярно выходить в свет отдельными выпусками. Эти издания не претендовали на универсальный характер — немецкие историки отдавали себе отчет, что всесторонний, глубокий и основательный анализ военных событий 1914—1918 годов требует вдумчивого изучения широкой документальной базы, касающейся не только действий собственной армии, но и войск противника, а в условиях послевоенной Европы это вряд ли могло быть делом ближайшего будущего. По этой причине в 1920—1930-х годах германские специалисты сконцентрировались на частных вопросах военной историографии, дополняя издававшиеся

архивные документы работами, освещавшими боевой путь отдельных воинских частей и соединений.

В веймарской Германии миллионы молодых и социально активных ветеранов только что закончившейся Первой мировой войны стали значимой общественной силой. Взгляды на жизнь целого поколения немцев, чья юность пришлось на военное время, сыграли решающую роль в определении дальнейшего направления политического развития их страны. Апофеозом общественно-политического влияния ветеранов Первой мировой стало состоявшееся в 1925 году всенародное избрание на пост рейхспрезидента Германии генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, считавшегося национальным героем и спасителем отечества после битвы при Танненберге. Кстати, статус героя минувшей войны, простого солдата-окопника, вынесшего на собственных плечах все ее тяготы, сыграл далеко не последнюю роль и в политической карьере фактического преемника престарелого полководца — Адольфа Гитлера.

Таким образом, в межвоенный период Германия, наряду с Италией, Польшей и некоторыми другими европейскими странами, оказалась в числе государств, в политической жизни которых ветеранам Первой мировой войны принадлежала решающая роль. (Принципиально иная ситуация в этом плане наблюдалась

Членский значок немецкого союза ветеранов «Стальной шлем». 1930-е гг.

в СССР, где в политическом поле доминировали победители в другой войне — Гражданской.) В стране образовалось огромное количество ветеранских организаций. Самыми массовыми среди них были союз солдат-фронтовиков «Стальной шлем» и немецкий союз ветеранов боевых действий «Куфхойзербунд», но существовали также Национальный союз немецких офицеров, Немецкий союз ветеранов колониальных войск, «Орден Почетного легиона», десятки территориальных организаций — Прусский земельный союз ветеранов войны, Баварский союз ветеранов и др., а также сотни полковых и корабельных союзов. Их

члены делились своими впечатлениями о войне, вспоминали павших товарищей, предпринимались попытки анализа кампаний и отдельных боев, в которых их подразделениям довелось принять участие. Под эгидой ветеранских обществ издавались мемуары, выходила в свет тематическая периодика, военные специалисты разрабатывали пособия по ведению боевых действий на основе богатого опыта участников Первой мировой войны. Выпускалась масса памятных и юбилейных знаков, медалей и жетонов, которые не без гордости носили те, кто по каким-либо причинам оказался обделен официальными наградами. При этом, конечно, одним из основных направлений работы ветеранских союзов — в особенности полковых — стала фиксация для истории их боевого пути в годы минувшей войны. В 1920—1930-х годах различными тиражами было издано несколько сотен таких полковых историй. Зачастую эти книги были плодом коллективных усилий офицеров — непосредственных участников описываемых событий. Они, как правило, щедро иллюстрировались десятками уникальных фотографий, схемами и картами сражений, сопровождалась списками погибших и отмеченных воинскими наградами.

Некоторые из немецких полковых историй, увидевших свет в межвоенное время, имеют непосредственное отношение к боевым действиям на территории современной Беларуси в 1915—1917 годах. Есть среди них и такие, которые повествуют о боях на Вилейщине. К сожалению, выявить и разыскать их без специфических познаний в лингвистике и библиографии непросто. К счастью, находятся коллекционеры-энтузиасты, которые готовы в этом помочь. Так, например, немецкие полковые истории, описывающие сражения Первой мировой войны на белорусских землях, собирает известный минский журналист В.А. Богданов. В его коллекции — десятки изданий, освещающих истории частей и подразделений, воевавших в белорусских губерниях Российской империи. Некоторые из них Владимир Анатольевич любезно предоставил авторам этих строк для работы.

Для комплексного подхода к военной историографии крайне важно сопоставление взглядов противоборствующих сторон на одни и те же события. С этой целью авторы настоящей книги приняли реше-

Бой у Вилейки в сентябре 1915 г. глазами немецкого художника.

ние включить в нее переводы фрагментов двух немецких полковых историй, рассказывающих об участии воинских частей Германской имперской армии в боях на Вилейщине осенью 1915 года.

4-й Лотарингский пехотный полк № 136 (4. Lothringischen Infanterie-Regiment Nr. 136)

В названии этого подразделения бросается в глаза двойная нумерация. Она объясняется традициями немецкой армии, созданной при объединении Германии в 1871 году из воинских контингентов ранее самостоятельных государств. Первый порядковый номер в названии полка указывал на его положение в структуре войск той исторической земли, где он был сформирован, второй же относился к общей номенклатуре полков Германской имперской армии. Однако Лотарингские пехотные полки, в отличие от армейских подразделений влившихся в империю немецких королевств и княжеств, не имели традиций, уходящих корнями в период до объединения Германии. Все дело

в том, что его личный состав комплектовался из уроженцев ново-приобретенного региона — «имперской земли Эльзас-Лотарингия», бывшей Восточной Лотарингии и Эльзаса, отвоеванных у Франции в ходе Франко-прусской войны 1870—1871 годов. В документах для краткости полк зачастую именовали просто 136-м пехотным.

Краткая история 4-го Лотарингского пехотного полка № 136 такова. Он был создан 11 марта 1887 года — в один день с 3-м Лотарингским пехотным полком, получившим по общеимперской номенклатуре № 135 (1-й и 2-й Лотарингские пехотные полки — № 130 и 131 соответственно — были образованы еще в 1881 году). С момента своего создания полк дислоцировался в Страсбурге и считался частью его гарнизона. В 1914 году 4-й Лотарингский пехотный полк № 136 вместе с 6-м пехотным полком № 105 короля Вильгельма II Вюртембергского входил в состав 85-й пехотной бригады 30-й пехотной дивизии — одной из двух дивизий XV армейского корпуса.

4-й Лотарингский пехотный полк № 136 вступил в Первую мировую войну на Западном фронте, где понес большие потери

Das Offizierskorps des Regiments im Jahre 1906. 1 Lt. Zimmermann, 2 Lt. Müller, 3 Lt. Eigt von Arnim, 4 Lt. Fiedler, 5 Lt. Velling, 6 Lt. Walter, 7 Lt. Dietrich, 8 Lt. Kettler, 9 Lt. v. Berg, 10 Lt. Herold, 11 Oberstleutnant, 12 Lt. Schmitt, 13 Lt. Schmitt, 14 Lt. Schmitt, 15 Lt. Schmitt, 16 Lt. Schmitt, 17 Lt. Schmitt, 18 Lt. Schmitt, 19 Lt. Schmitt, 20 Lt. Schmitt, 21 Lt. Schmitt, 22 Lt. Schmitt, 23 Lt. Schmitt, 24 Lt. Schmitt, 25 Lt. Schmitt, 26 Lt. Schmitt, 27 Lt. Schmitt, 28 Lt. Schmitt, 29 Lt. Schmitt, 30 Lt. Schmitt, 31 Lt. Schmitt, 32 Lt. Schmitt, 33 Lt. Schmitt, 34 Lt. Schmitt, 35 Lt. Schmitt, 36 Lt. Schmitt, 37 Lt. Schmitt, 38 Lt. Schmitt, 39 Lt. Schmitt, 40 Lt. Schmitt, 41 Lt. Schmitt, 42 Lt. Schmitt, 43 Lt. Schmitt, 44 Lt. Schmitt, 45 Lt. Schmitt, 46 Lt. Schmitt, 47 Lt. Schmitt, 48 Lt. Schmitt, 49 Lt. Schmitt, 50 Lt. Schmitt, 51 Lt. Schmitt, 52 Lt. Schmitt, 53 Lt. Schmitt, 54 Lt. Schmitt.

Офицеры 136-го пехотного полка в 1906 г.

и был отведен в тыл на переформирование. В апреле 1915 года доукомплектованный до штатного расписания 136-й пехотный полк вошел в состав новообразованной 115-й пехотной дивизии, которая формировалась во французском городе Турне, оккупированном германскими войсками.

С августа 1915 года 115-я пехотная дивизия в составе XXI армейского корпуса воевала на Восточном фронте — на территории современных Польши и Беларуси. 4-й Лотарингский пехотный полк № 136 принимал активное участие в Виленской операции, в боях у города Вилейка.

В период боев у Вилейки 136-м пехотным полком командовал подполковник Карл Шпрингман (*Carl Springmann*) (1864—1916). Со своими лотарингцами он прошел через все перипетии кампании на Восточном фронте. В июне 1916 года К. Шпрингман был произведен в полковники. Он погиб в Румынии на фронте у села Андреешти 26 декабря 1916 года.

115-й пехотной дивизией, в состав которой входил 4-й Лотарингский пехотный полк № 136, в 1915—1918 годах командовал неординарный военачальник — генерал-майор Альфред фон Клейст (*Alfred von Kleist*) (1857—1921). Войска запомнили его как «солдатского генерала», искренне заботившегося о своих воинах. Произведенный в генерал-лейтенанты в 1917 году, он дождался своего полководческого звездного часа во время Мёз-Аргонского наступления на Западном фронте в сентябре—октябре 1918 года, за участие в котором был удостоен прусского ордена «За заслуги» — знаменитого *Pour le Mérite*. После войны заслуженный генерал командовал IV армейским корпусом рейхсвера.

А. фон Клейст

О. фон Гутьер

Необходимо отметить, что честь разработки плана и проведения операции немецких войск, получившей в истории имя Свенцянского прорыва, принадлежала командиру XXI армейского корпуса генерал-лейтенанту Оскару Эмилю фон Гутьеру (*Oskar Emil von Hutier*) (1857—1934), одному из наиболее успешных немецких полководцев Первой мировой войны. Кампанию 1914 года он начал командиром 1-й гвардейской пехотной дивизии на Западном фронте, участвовал в битве на Марне. В 1915—1917 годах О. фон Гутьер командовал

XXI армейским корпусом в составе немецкой 10-й армии на Восточном фронте, отличился попыткой прорыва русского фронта под Свенцянами в августе—сентябре 1915 года и при отражении наступления русских войск в районе озера Нарочь в марте 1916 года. Но настоящая полководческая слава пришла к нему в следующем году, когда талантливый военачальник был назначен командующим 8-й армией. В начавшейся в сентябре 1917 года операции по захвату Риги им была применена новая тактика прорыва укрепленных позиций методом инфильтрации, впоследствии названная тактикой Гутьера. За взятие Риги, неофициальной столицы русского Прибалтийского края, он был награжден орденом *Pour le Mérite*. До окончания войны генерал пехоты О. фон Гутьер также руководил захватом Моонзундских островов в сентябре—октябре 1917 года, а при наступлении на Западном фронте в марте 1918 года отличился как командующий 18-й армией при форсировании Соммы. За эту операцию он был удостоен дубовых листьев к ордену *Pour le Mérite* — отличия исключительно полководческого. Выйдя в отставку в 1919 году, он до конца своих дней возглавлял Национальный союз немецких офицеров.

4-й Лотарингский пехотный полк № 136 не подвел своего корпусного командира и в мартовских боях 1916 года у озера Нарочь, где лотарингцы отличились стойкостью при отражении русских атак. Позже полк вместе с остальными частями 115-й пехотной дивизии был переведен в Румынию, а после подписания Россией Брестского мира в 1918 году возвратился на Западный фронт во Францию.

После того как Первая мировая война завершилась признанием Германией своего поражения, в январе 1919 года 4-й Лотарингский пехотный полк № 136 был сначала демобилизован, а затем и полностью расформирован. Лотарингских полков более не могло быть в немецкой армии — по итогам войны Восточная Лотарингия и Эльзас вновь стали регионами Франции.

В 1933 году в городе Дуйсбурге офицеры бывшей Германской имперской армии, служившие в 4-м Лотарингском пехотном полку № 136, опубликовали историю своего воинского подразделения. Книга стала плодом коллективного творчества — свой автор был у каждой главы, посвященной определенному временному периоду.

В настоящем сборнике публикуется отрывок из 3-го раздела IV главы истории 136-го пехотного полка. Она посвящена периоду с 12 августа 1915 по 9 ноября 1916 года. В 3-м разделе, озаглавленном «Сражение за Вильно», повествуется о боевой деятельности полка на территории современного Вилейского района в сентябре 1915 года. Глава была написана лейтенантом запаса Йоерманом.

Текст воспроизведен по изданию: *Geschichte des 4. Lothringischen Infanterie-Regiment Nr.136. Duisburg am Rhein, 1933. S. 232—251.* Перевод с немецкого выполнен Т.В. Савичевой и отредактирован авторами.

Титульный лист
«Истории 4-го Лотарингского
пехотного полка № 136». 1933 г.

Полк полевой артиллерии фон Гольцендорфа (1-й Рейнский) № 8 (Feldartillerie-Regiment «von Holtzendorff» (1. Rheinisches) Nr. 8)

Этот полк прусской полевой артиллерии комплектовался из уроженцев Рейнской области королевства. Двойная нумерация указывает на его положение в королевской армии Пруссии и в общем списке артиллерийских частей Германской имперской армии. В названии полка присутствует фамилия почетного шефа — генерала фон Гольцендорфа (Хольцендорфа), которая о многом говорит тем, кто знаком с историей прусской артиллерии. К сожалению, за пределами Германии она известна не очень широко, поэтому на личности почетного шефа 1-го Рейнского полка полевой артиллерии стоит остановиться особо.

К.Ф. фон Гольцендорф

Карл Фридрих фон Гольцендорф (1764—1828) родился в Берлине в аристократической семье с давними военными традициями. Его отец Георг Эрнест фон Гольцендорф (1714—1785) был генерал-инспектором прусской артиллерии и артиллерийских школ при Фридрихе II Великом, пользовался большим личным доверием короля. Карл Фридрих с юных лет служил в полевой артиллерии, участвовал в Войне за баварское наследство 1778—1779 годов и во втором разделе Речи Посполитой в 1794 году. В более зрелом возрасте ему довелось принять участие во всех кампаниях прусской армии против наполеоновской Франции. В 1809 году указом русского императора Александра I он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «*в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в минувшую кампанию против французских войск*». К.Ф. фон Гольцендорф был по-настоящему боевым офицером, пережил несколько ранений различной степени тяжести. Свой первый генеральский чин он получил после сражения при Денневице в 1813 году, где отличился умелым

руководством артиллерией. После окончательной победы над Наполеоном прусский генерал-майор фон Гольцендорф был отмечен еще одной русской наградой — орденом Св. Анны 1-й степени. В 1818 году К.Ф. фон Гольцендорф был произведен в генерал-лейтенанты, занимал должность генерал-инспектора военно-учебных заведений Пруссии. Его многолетняя служба была отмечена высокими прусскими наградами — орденом *Pour le Mérite* (1794), Железным крестом 1-го класса (1813), орденом Красного Орла 1-го класса (1825). При жизни К.Ф. фон Гольцендорф пользовался большой популярностью в войсках, о чем лишний раз свидетельствует увековечение памяти о нем в наименовании одного из полков рейнской полевой артиллерии.

Краткая история полка полевой артиллерии фон Гольцендорфа (1-го Рейнского) № 8 такова. Он был создан в 1816 году в составе 1-й Рейнской артиллерийской бригады. До 1870-х годов местом его постоянной дислокации был город Кобленц, административный центр Рейнской области Пруссии. Полк принимал участие в Австро-прусской войне 1866 года и во Франко-прусской войне 1870—1871 годов. В 1890-х годах он был переведен в Саар. В 1912—1914 годах 1-й Рейнский полк полевой артиллерии дислоцировался в городе Саарбрюккене, вместе с 1-м Верхнеэльзасским полком полевой артиллерии № 15 образовывал 42-ю бригаду полевой артиллерии 42-й пехотной дивизии, которая входила в состав XXI армейского корпуса.

Первую мировую войну полк полевой артиллерии фон Гольцендорфа (1-й Рейнский) № 8 начал в июле—августе 1914 года на Западном фронте. В составе 42-й пехотной дивизии он участвовал в Пограничном сражении и в Лотарингской операции. В январе 1915 года в составе XXI армейского корпуса полк был переведен на Восточный фронт. Рейнские артиллеристы принимали участие в сражении у Мазурских озер в феврале 1915 года (в русских источниках оно известно как Августовская операция), осаде крепости Ковно и ряде других войсковых операций. В ходе Виленского сражения полк вел боевую работу в районе Сморгонь — Вилейка — озеро Нарочь.

В марте 1916 года полк фон Гольцендорфа активно действовал в районе города Постав при отражении русского наступления близ

Das Feldartillerie-Regiment von Holzendorff

(1. Rheinisches) Nr. 8

im Weltkriege 1914–1918

bearbeitet und zusammengestellt von

Heinz Sommerbrodt

Oberleutnant a. D.

mit 55 Kartenfzissen, 7 Karten und
140 Bildern

Druck und Verlag Waldemar Grohe in Groß-Wartenberg

Титульный лист книги Х. Зоммербродта «Полк полевой артиллерии фон Гольцендорфа (1-й Рейнский) № 8 в Мировой войне 1914—1918 годов». 1930 г.

озера Нарочь. В районе Крево — Сморгонь — озеро Нарочь он находился до лета 1917 года, когда был передислоцирован сначала в Галицию, а затем под Ригу, после взятия которой немецкими войсками также принял участие в операции по захвату Моонзундских островов.

После заключения перемирия с большевистским правительством России в декабре 1917 года в условиях фактического прекращения боевых действий на Восточном фронте полк полевой артиллерии фон Гольцендорфа (1-й Рейнский) № 8 вернулся на Западный фронт. В кампании 1918 года его офицеры и солдаты сражались во Фландрии, в Артуа, на Марне, в Шампани и на Маасе. История полка полевой артиллерии фон Гольцендорфа (1-го Рейнского) № 8, как и многих других воинских подразделений Германской имперской армии, закончилась расформированием в 1919 году.

В 1930 году в городе Гросс-Вартбурге (ныне Сыцув в Польше) подполковник в отставке Хайнц Зоммербротт выпустил в свет свою книгу «Полк полевой артиллерии фон Гольцендорфа (1-й Рейнский) № 8 в Мировой войне 1914—1918 годов». Этот труд стал продолжением появившейся еще в 1910 году работы военных историков М. Эльтестера и М. Шлее «История Рейнской полевой артиллерии до ее разделения на четыре полка 1 октября 1899 года», посвященной участию полков Рейнской полевой артиллерии, а среди них и полка фон Гольцендорфа, в войнах XIX века. Книга Х. Зоммербротта интересна тем, что при ее написании использовались записки и воспоминания боевых товарищей автора, принимавших личное участие в описываемых событиях Первой мировой войны.

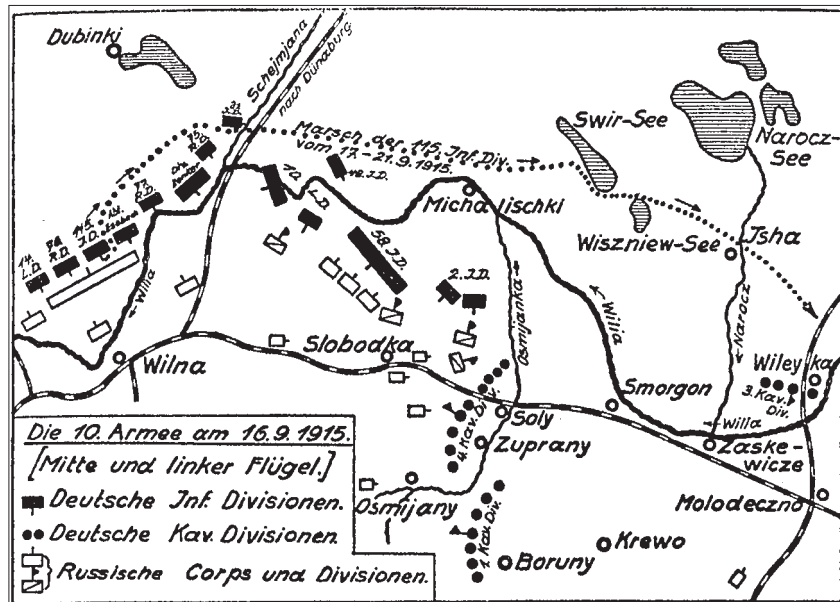
В настоящем сборнике публикуются две главы из этой полковой истории — «Операция под Сморгонью» и «На пути к зимней позиции». Их текст воспроизведен по изданию: *Sommerbrodt, Heinz. Das Feldartillerie-Regiment von Holtzendorff (1.Rheinisches) Nr. 8 im Weltkriege 1914—1918. Groß-Wartenberg, 1930. S. 128—138.* Перевод с немецкого выполнен Т.В. Савичевой и отредактирован авторами.

ИЗ КНИГИ
«ИСТОРИЯ 4-ГО ЛОТАРИНГСКОГО
ПЕХОТНОГО ПОЛКА № 136»

Глава 3. СРАЖЕНИЕ ЗА ВИЛЬНО

Дни наступления с 18 по 22 сентября 1915 года

Русский медведь сбросил накиннутую на него сеть окружения. 17 сентября 1915 года он разорвал фронт кавалерии у <местечка> Жупраны¹. Ей пришлось отступить на восток, на <город> Сморгонь. В тылу у <станции> Молодечно немецким войскам угрожала вновь сформированная 2-я русская армия. Переправлявшиеся через <реку> Вилюю части Эбена², осуществлявшие охват противника, отчаянно

Марш 115-й пехотной дивизии из-под Вильно к Вилейке
4 (17) — 8 (21) сентября 1915 г.

сопротивлялись, подвергаясь массивным ударам русских. Русские хотели обеспечить отвод своих войск из района Вильно; атакуя кавалерию у Сморгони, они хотели открыть им путь для отступления. 1-я кавалерийская дивизия здесь отчаянно сопротивлялась и нетерпеливо ждала подхода своей пехоты. Она прибыла слишком поздно, <город и станция> Сморгонь были отбиты противником. Русским был открыт путь к отступлению, и наша 3-я кавалерийская дивизия вынуждена была отойти под натиском 2-й <русской> армии из района Молодечно к Вилейке.

Й. фон Эбен

Верховное командование вооруженными силами на Востоке³ еще не теряло надежды вновь заманить медведя в сеть. Между озером Нарочь и Березинскими болотами, примерно на линии Вилейка — Минск, необходимо было еще раз предпринять наступление с целью окружения. Нужно было наступать с целью охвата фланга русских, одновременно преследуя противника. Началась гонка за фланг, почти аналогичная событиям 1914 года на Западе. 1-я, 4-я и 3-я кавалерийские дивизии уже стояли восточнее Сморгони, у <города> Вилейки, до <местечка> Долгиново⁴. 9-я и Баварская кавалерийские дивизии были на подходе. Удар еще мог закончиться успехом, если бы пехота подошла достаточно быстро. «Решающих успехов еще можно добиться, но необходимо максимальное напряжение сил», — говорится в приказе по армии от 17 сентября 1915 года.

«Задача в том, чтобы, отрезав противника, решить исход всей кампании. Это нужно довести до сведения всех рядовых», — гласил приказ по полку от 18 сентября 1915 года, который капитан Вольтат огласил в пламенном обращении к своему 1-му батальону.

В опережающем преследовании участвовала и наша 115-я пехотная дивизия. «Требуются чрезвычайные усилия на марше. 115-я пехотная дивизия, стоящая у Вилейки на левом фланге, за пять дней прошла маршем 180 км. Вследствие этого напряжения сил и в результате предыдущих боев батальоны сократились до 300 штыков» (Немецкий государственный архив, том 8, с. 519).

Что значит одолеть по русским дорогам 180 (порой 190) км, может понять лишь тот, кто испытал это на себе. Без отдыха, без настоящих карт, без ориентировки!

После нечеловеческих усилий 17 сентября 1915 года боевые действия были продолжены утром 18 сентября в дивизионном подразделении севернее <реки> Вилии. Из-за близости противника необходимо было сделать обход. У Верусово⁵ полк прошел мимо командира XXI армейского корпуса генерал-лейтенанта фон Гутьера⁶. У Зелоны перешли реку Зеймяна, потом вышли на Динабургскую дорогу⁷. Бедные лошади! Многие из них пали, охромевших приходилось бросать. Особая осторожность требовалась для транспортных средств там, где надо было форсировать ручьи с высокими берегами. 2-й батальон достиг цели после марш-броска в 43 км только в 2 часа ночи. Войска были сильно измотаны. 1-й и 2-й батальоны расквартировались в Апущинах, 3-й разместился в Девжунах.

19 сентября 1915 года. Один из самых тяжелых дней перехода. До Свиранки еще было терпимо, хотя дорога шла то в гору, то под гору. Но потом лесные дороги стали непроходимыми. Миновали брод, обоз и полевая кухня не прошли.

У Хадюшей⁸ подошли к реке Страша. Существовавший на ней мост был приведен в негодность, новый только строился. Лошади и повозки должны были идти по воде. Войска шли по мосткам. Ждать своей очереди приходилось бесконечно долго. Форсировали реку при свете прожекторов. Пулемётная рота ночью вообще не переправилась, поскольку обоз заблокировал брод. Вследствие этого обоз и полевые кухни 1-го и 2-го батальонов несколько дней не могли попасть к своим частям. 2-й батальон в 11 часов вечера, а 3-й батальон — только в 1 час ночи смогли расположиться на постой в Супроненте⁹. 1-я и 4-я

роты, которые шли впереди артиллерии, были в 11 часов вечера на месте, 2-я и 3-я роты, шедшие за артиллерией, только в 2 часа ночи. Дневной итог марша составлял 38—42 км.

20 сентября 1915 года. Еще не передышка! Марш продолжается! 115-я пехотная дивизия и 77-я резервная дивизия должны были выдвинуться до Исии. Девизом наступления были слова: «Рядом оборона нового противника!»

Сегодня в 8 часов утра наступление продолжилось. 1-я рота 136-го пехотного полка была в авангарде. Дорога местами была очень болотистой. 9-я рота 136-го полка получила приказ наладить дорогу через болото между Педборце и Хведбевичи¹⁰, которая стала непроходимой. Время: около трех часов. Потом было продолжение марша без карты. Карты закончились у Супронента.

В дороге приходилось большей частью довольствоваться продовольственным пайком.

«Песчаные и болотистые дороги по пути следования первой колонны стали непроходимыми. Каждая часть прокладывала свой собственный путь, так что лента войск продвигалась по лугам и полям по четырем или более коридорам. Чтобы составлять свежие упряжки лошадей, которые дохли сотнями, нам приходилось ловить и запрягать местных лохматых, невзрачных лошадей, настоящих кляч. Своим упрямым нравом они помогли нам преодолеть русскую равнину. Пеструю картину представляла собой колонна на марше. Небольшие деревянные повозки всех видов, на которые были нагружены провизия, личные вещи и даже больные, двигались вместе с нами». Так вспоминал об этих днях исполнявший обязанности офицера унтер-офицер Грабенхорст из пулеметной роты.

В послеобеденное время движение осуществлялось вдоль озера Свирь. Многочисленные стада коров, баранов и свиней паслись на его берегах.

Потом полк двигался маршем близ озера Вишневого. И опять отдых был только вечером, и все еще цель марша была далеко. Часть была настолько утомленной, что люди валялись с ног, уставая до полной апатии.

Ефрейтор 136-й батареи Кюштерс наглядно описывает трудности марша в своем дневнике: «Только приложив всю силу воли, можно было двигаться дальше. Снаряжение стало тяжелым, как свинец, португею приходилось каждый день затягивать все туже. При всякой, даже короткой, остановке все валилось на землю. Для отдыха пользовались каждой минутой. Часть солдат при остановке просто падала. Для того чтобы их поднять, каждый раз требовались ужасные усилия. Сегодня вечером усталость достигла своего апогея. Остановились в лесу. Тотчас же весь наш батальон рухнул на землю. Через некоторое время пришел наш командир роты с его известным “Внимание, подъем!” Прежде этот приказ всегда исполнялся незамедлительно. Но теперь — никто не пошевелился. Казалось, что это пытка. Но в действительности это было не так. Природа брала свое. Повторение приказа тоже не помогло. Царила мертвая тишина. Подошел командир батальона: “Не губите меня; я знаю, что это очень тяжело!” Кто-то позвал полевую кухню. Командир взволнованно заявил о неподчинении и еще раз скомандовал: “Батальон, подъем!” И тогда многие сначала поставили свои винтовки, а потом стали буквально карабкаться по ним. Только так им удалось подняться и занять свои места в строю. Какими все-таки замечательными парнями были наши солдаты! Этот момент был апогеем наших мучений. В первую четверть часа продолжение нашего движения действительно нельзя было назвать маршем. Через несколько часов мы прибыли туда, где должны были ночевать и немного отдохнуть. В темноте и в тумане мы не могли найти деревню, хотя она должна была находиться поблизости. Сушильная кирпичного завода вместила весь наш батальон. Каждой роте достался свой угол. Открытые стены пришлось завесить плащ-палатками. Смертельно уставшие и голодные, все опустились на холодный цементный пол, не раздеваясь. Я спал, не снимая шлема, расстегнул только его подбородочный ремень. Мы прибыли в 1 час ночи. В 5 часов утра движение продолжилось — без довольствия, без глотка воды. Но и это мы выдержали».

21 сентября 1915 года. В этот день дивизия должна была выйти к Вилейке. На левом фланге была сформирована группа, осуществляв-

шая охват, которой предстояло занять позиции кавалерии. Кавалеристы должны были осуществлять охват противника левее. На левом фланге должна была наступать 115-я пехотная дивизия. В 6.30 утра движение началось. Снова был напряженный марш. Дивизия проходила сквозь большие лесные массивы. Миновали <местечко> Ижа¹¹, у большого имения Любань¹² отдохнули и поели. Эта местность производила лучшее впечатление. На полях имения Любань виднелись большие брошенные стада с внушительными племенными животными; это было первое на русской земле хозяйство, которое мы могли сравнить с немецким.

Войсковое командование перехватило важную радиogramму, согласно которой русские армии должны были остановиться и контратаковать. Одновременно был дан приказ об ускоренном наступлении новой 2-й армии на линии Завельцы¹³ — озеро Нарочь. Сначала нашему командованию ничего не оставалось, как выждать в обороне и после расширения восточного фланга снова перейти в наступление. Соответственно, вечером были также отданы приказы 115-й пехотной дивизии. Ей пришлось занять оборону на линии Осиповичи — Вилейка — Малмыги. Поэтому основная группировка дивизии двинулась маршем 21 сентября 1915 года в <местечко> Куренец и заняла назначенный ей участок; там же расположились штаб, пулеметная рота, части 2-го и 3-го батальонов 136-го пехотного полка. 1-й и часть 2-го батальона сразу продолжили марш в качестве батальона охраны. 1-я и 4-я роты прибыли к <деревне> Клыни, 2-я и 3-я — в <деревню> Пликовичи¹⁴. 6-я рота 136-го полка должна была выслать вперед посты до <имения> Богданово для соединения с кавалерийскими патрулями, которые контролировали район до Речки.

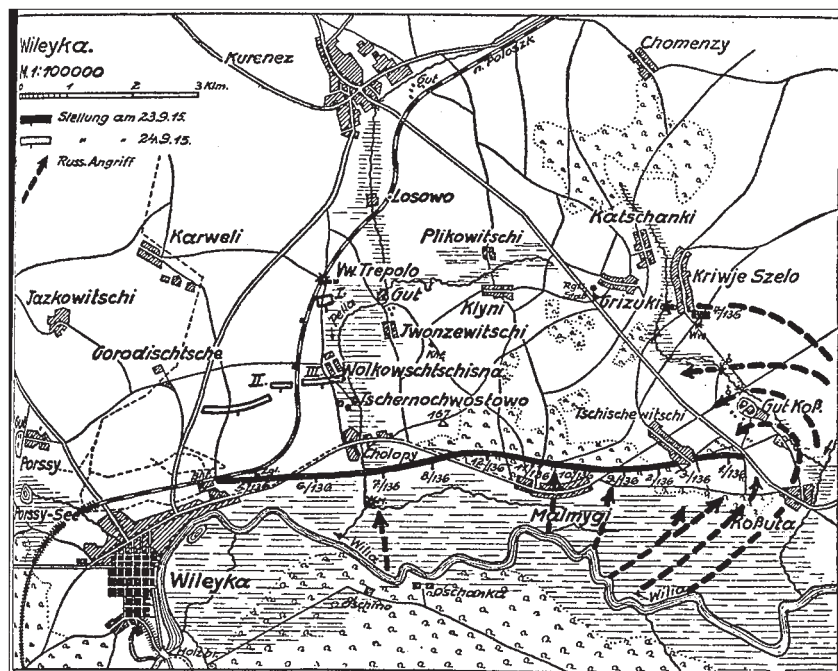
Куренец был маленьким, довольно зажиточным торговым городком с множеством мелких торговцев-евреев. Какое блаженство иметь возможность снова как следует отдохнуть на хорошей квартире, приготовить вдоволь еды и насытиться!

Утром 22 сентября дивизия должна была сменить на указанном участке 3-ю кавалерийскую дивизию. Справа от нее еще оставались части этой кавалерийской дивизии, в то время как слева на большом удалении располагались Баварская и 9-я кавалерийская дивизии. До

сих пор в лесистой местности появлялась в основном только артиллерия противника. Но вот у <местечка> Илья¹⁵ показалась и русская пехота. С сожалением было отмечено, что фланг противника превосходил наш, так что нам мог угрожать охват, если позиции слева не будут расширены. 115-я пехотная дивизия должна была утром выдвигаться двумя колоннами на оборонительную позицию; группа «Кайзер», 171-й пехотный полк — в Вилейку, группа «Зоммерфельд», 136-й пехотный и 40-й резервный пехотный полки — в район Куренца и юго-восточнее от него.

Вилейка

22 сентября 1915 года. Рано утром выступили на указанную оборонительную позицию. 23 сентября 1915 года 115-я пехотная дивизия, 75-я и 77-я резервные дивизии должны были снова начать наступление

Бой у Вилейки. Положение рот немецкого 136-го пехотного полка 10 (23) и 11 (24) сентября 1915 г.

с целью охвата фланга противника. Полк должен был ввести все три батальона, так как район имел протяженность более 6 км и его вряд ли можно было удержать при незначительном количестве активных штыков. 2-й батальон, занимавший крайний правый флаг, с примыканием к 171-му пехотному полку, в 8.30 утра выступил из Куренца через Вилейку в свой район обороны от вокзала <станции> Вилейка до восточной окраины <деревни> Холопки. Очередность позиций справа: 5-я, 6-я, 7-я, 8-я роты полка заняли позицию слева, рядом со 2-м батальоном восточнее <деревни> Малмыги. Эта деревня была занята двумя русскими эскадронами. Они были быстро вытеснены 9-й ротой. Во второй половине дня русские подразделения смогли окопаться прямо перед деревней. Им нужно было обеспечить переправы через <реку> Вилию. 1-й батальон сначала продвинулся к своим позициям у <деревни> Грицуки¹⁶, а затем примкнул к 3-му батальону: 3-я и 1-я роты впереди, 2-я артиллерийская батарея в прикрытие и 4-я в качестве резерва за левым флангом у <деревни> Кривое Село. Участок полка от начала <деревни> Малмыги до <деревни> Чижевичи был расширен до <деревни> Косуца. Все батальоны доложили, что их участки слишком велики и их оборона невозможна. Стрелки находились на расстоянии 20 и даже 70 м друг от друга. В некоторых местах вырывались ложные траншеи.

В большинстве случаев приходилось ограничиваться выставлением постов. 9-я рота, в которой было 9 унтер-офицеров и 47 рядовых, обороняла участок протяженностью 700 м. Водитель Быдолек из пулеметной роты вечером 22 сентября 1915 года не заметил, как беспрепятственно проехал через нашу линию и оказался в деревне, где стоял русский пост. Но благодаря присутствию духа и владению польским языком он вернулся невредимым. <В таких условиях> необходимо было задействовать все пулеметы.

«Жители бежали в ближайшие леса. Коровы, свиньи, домашняя птица носились туда и сюда, оставшись без надзора. В некоторых домах находили брошенными накрытые столы. В кладовых оказалось множество продуктов, для оголодавших воинов это была страна с молочными реками и кисельными берегами. Наши слабые силы были

недостаточными, чтобы выстроить правильную линию. Лейтенанту Хелльмиху приходилось постоянно удлинять фланг влево», — вспоминал исполнявший обязанности офицера унтер-офицер Грабенхорст из пулеметной роты.

Стрелок Гайб из пулеметной роты свидетельствовал: «Лес перед нами был полон русскими. Стояла мертвая тишина. Мы уже думали, что “пан” скрылся. Мы возмущались, что он так долго нас задерживал. От скуки мы отстроили наши лачуги в местах расположения по всем правилам искусства. Вдруг раздается: “Солдаты, в укрытие!” На опушке леса появились люди, по коням! Значит, они еще там были! Как нам хотелось разделаться с ними! Но у нас был строгий приказ экономить боеприпасы, так как наш обоз еще не подошел».

Слабые, тонкие линии обороны необходимо было сложить в обороноспособную позицию. Местность перед нами была максимально неблагоприятной: низкий кустарник с участками леса, на некотором отдалении — <река> Виляя, берега которой густо покрывали заросли ольхи и ивы, скрывая их от наших глаз. Русские могли переправиться так, что мы бы этого и не заметили. У <застенка> Ольшино были обнаружены наводимые противником мосты, которые безуспешно обстреливались нашей артиллерией. К счастью, русские оставили большие запасы провианта в Вилейке и Холопках. Повозками вывозились мясные консервы и большие буханки хлеба. При строительстве окопов были найдены мешки с мукой.

22 сентября 1915 года артиллерия противника обстреливала преимущественно Вилейку, в особенности вокзал и склады провианта. Перед фронтом полка, кроме нескольких патрулей, поначалу никто не показывался. С большой надеждой ожидали следующего дня. Если б только левый фланг не оставался открытым! Штаб полка был надежно прикрыт в <деревне> Грицуки, штаб 1-го батальона — в <деревне> Чижевичи, в частности, командиром левофланговой роты лейтенантом Хелльмихом. Б.Ф. Хойя, штабной офицер 1-й роты 136-го полка, должен был поддерживать телефонную связь с дивизией. 22 сентября 1915 года в резерве стояли еще два батальона запасных

пехотных полков у Куренца. Один уже был в течение дня откомандирован к 42-й пехотной дивизии в Баровцы, а ночью последний батальон этого полка был направлен на правый фланг дивизии, так как здесь ожидалась мощная атака, в то время как противник на левом фланге у 136-го пехотного полка бездействовал. Единственным резервом дивизии оставалась только 4-я рота 136-го полка в Кривом Селе. Она прикрывала тыл двух рот до имения Косуца. Связь с Баварской кавалерийской дивизией слева, которую установил резервный пехотный полк, была теперь прервана.

Ночные патрули, высланные в близлежащие места для обнаружения противника, не пробивались через очень бдительную сеть русских постов. Противник что-то скрывал. Станным образом он отступил утром 23 сентября 1915 года у <деревни> Малмыги, но по нашим бдительным патрулям был открыт сильный огонь противника с южного берега Вилии.

23 сентября 1915 года. То был грозный день для полка, ставший также днем его самопожертвования! На нем стоит остановиться особо.

О продолжении нашего наступления больше нельзя было и думать — это наглядно доказали атаки противника накануне, особенно у Вилейки. 3-я кавалерийская дивизия, действовавшая западнее 115-й пехотной дивизии, даже потеряла изрядную территорию.

Фланговую опасность на левом крыле следовало в тот же день устранить силами подтягивавшейся 75-й резервной дивизии. Ее подход ожидался к 8 часам утра. Капитан Вольгат связался с командиром этой дивизии. Ему сообщили о скором прибытии ее передового полка. Но он задержался. Между тем намерение противника атаковать становилось все очевиднее. Вилейка — по всей видимости, важный в тактическом отношении пункт его наступления — сильно обстреливалась. 2-й батальон 171-го полка, выдвинутый до железнодорожного моста южнее города, был оттеснен с позиций. Русские энергично напирала. На левом фланге, у 136-го пехотного полка, было еще сравнительно тихо. Опасное положение у Вилейки побудило командование в 10 часов утра отправить 4-ю роту 136-го полка с левого фланга в направлении <деревни> Волковщина. Не стало последнего

полкового резерва. И это происходило в то время, когда и перед левым флангом началось оживление.

Лейтенант Хелльмих писал: «Работа разведки усиливается. Специальные подразделения двигаются (если смотреть от нас) влево в леса. Тем самым все больше обостряется опасность для открытого левого фланга. Ему дается указание выдвинуть далеко вперед передовые посты. Свои опасения я сообщаю командованию батальона и полка, которые нас постоянно успокаивают, что 75-я резервная дивизия должна вот-вот прибыть и нет опасности для левого фланга».

На фронте намерения противника атаковать становятся все более очевидными.

В штабе батальона и в штабе полка растет озабоченность. Телефонный разговор:

— Где 75-я резервная дивизия?

— В 1 час 45 минут пополудни она подходит лишь к <деревни> Качанки, поэтому может вступить в бой только через два часа.

Командир 1-й роты лейтенант Хелльмих желал, чтобы скорее наступила ночь. Он знал о пополнении войск противника, видит его превосходство в силах, видит на той стороне перемещение, как появляются и исчезают казаки на фланге. Если не подойдет подкрепление — это означает гибель!

И перед другими ротами 1-го батальона, и перед 3-м батальоном русские выходят на рубеж атаки. 2-й батальон 136-го полка (кроме 5-й роты) предчувствует такое же намерение противника и на своем фронте.

Капитан Нойшефер записал в своем дневнике: «12 часов пополудни. Длинная цепь русской пехоты наступает своим левым флангом на левый фланг 9-й роты 136-го полка, приближается на дистанцию 400 м, несмотря на огонь роты (24 ствола). Русские приводят в боевую готовность два пулемета и открывают сильный огонь в направлении 9-й роты. Это я считаю подготовкой к атаке. 2-я рота вводится в бой для поддержки слева. Во второй половине дня мощные линии пехоты выходят на рубеж атаки по 7—8 рядов, со специальными подразделениями сзади, проходя мимо 9-й роты 136-го полка на северо-восток

и используя два пулемета в качестве фланговой защиты. лейтенант Лёллке с его левофланговым взводом фланкирует операцию противника с большим успехом: от 3 до 5 русских солдата упали сразу. Слева через некоторое время начинается сильный огонь, который быстро стихает. Я думаю, атака отбита. Тут подходит лейтенант Лёллке со своим взводом и докладывает: русские обошли 1-й батальон и засели в тылу роты, выбегая временами из лесу на небольшое расстояние. Я собираю всех солдат и прорываюсь на северо-запад, все время занимая промежуточные оборонительные позиции. Несколько человек падают. Мы видим, как с ними расправляются ударами прикладов. Часть центрального взвода, выдвинутая вперед, не смогла возвратиться».

Пулемёт 9-й роты оказывал сопротивление вплоть до перехода к рукопашной схватке. Его расчет полностью погиб¹⁷.

Справа от 9-й роты, перед 10-й, была деревня Малмыги, в которой противник мог хорошо подготовиться к атаке.

Первый номер пулемётного расчета докладывает своему капитану: «Огневая позиция пулемёта не была видна противнику из-за осенней листвы. 23-го утром русские начали атаку из <деревни> Малмыги. Сзади просачиваются плотные массы в коричневых шинелях. Без команды снимаю предохранитель и веду непрерывный огонь!

Насколько возможно, водворяется порядок. Но наступают все новые массы солдат. Скоро огонь идет слева и даже сзади. Товарищ Бештен, тяжело раненный, упал в окоп. Еще одна очередь — и я направляю пулемет влево, где как раз плотные массы идут по жнивью. Тут — о, ужас! За нами раздаются крики: «Русские прорвались!» Что делать? Только не терять голову! Позади я вижу 3—4 пехотинцев в рукопашном бою с русскими. Мы почти одни! Выждать подходящий момент, потом назад! Портупея и мой любимый пистолет остаются висеть на сошнике. И тебя, мой товарищ Бештен, мы вынуждены бросить. Через перелески мы пробиваемся до железнодорожной насыпи. Меня уже считали пропавшим без вести».

Командир 10-й роты лейтенант Эберт вспоминал: «Вдруг меня поражает донесение: русские атакуют перед левым флангом! На моем

участке длиной 1000 м я не могу ничего определить и спешу с моим ординарцем влево. Русские атакуют плотными толпами. Мы стреляем из наших карабинов К-88, сколько можем. Каждый выстрел попадает точно в цель. После двух или трех обойм у меня заедает затвор! И тут вдруг: русские уже в тылу, они, должно быть, пробились слева! Мы бросаемся дальше влево к нашему пулемёту, вероятно, повинуюсь инстинктивному ощущению, что пулемёт — это наша опора. Оцепление слева! Подходим близко к пулемёту. Потом видим, что мы на самом деле окружены. Короткий огневой бой: русские не решаются приблизиться. Я, став на колени, стреляю из своего пистолета в одного русского, который прицелился в меня. В то же мгновение меня подхватывают под локти, и Бекман убивает еще одного русского. Все это происходило в течение всего нескольких минут. Как я выкарабкался — для меня загадка».

Унтер-офицер Шмёле из 10-й роты, который выводил отставших, на артиллерийской позиции попал в водоворот казачьей атаки, получил тяжелое ранение в пистолетной перестрелке. Залитое кровью лицо спасло его от пик казаков, которые уже нацеливались на него¹⁸.

Две роты на правом крыле 3-го батальона менее других были подвержены атакам противника и могли упорядоченно уходить от грозившего с флангов и тыла удара на северо-запад. «Мы видим лишь отдельных стрелков (рядовых пехоты) противника. Тут прибывают

Казачи 3-й сотни 2-го Оренбургского казачьего полка.
Есаул В.М. Панов сидит в центре. Август 1914 г.

люди слева: на нас направлен фланговый огонь слева! Я мчусь к левому взводу, встречаю раненого лейтенанта Эберта, слышу от него о том, что происходит, приказываю вернуться на высоты Клыни, развернувшись в цепь, и занять позицию, что не везде легко, так как некоторые люди на левом фланге объята паникой», — вспоминал лейтенант Немерт из 11-й роты 136-го пехотного полка.

Что же испытал на себе 1-й батальон, в частности — его 1-я рота?

Стрелок Гайб из пулемётной роты свидетельствует: «Время от времени показываются казаки. Несколько мы отстреливаем. Вооруженные гранатами, они заходят слишком далеко. Русские наступают! Мы успешно накрываем их цепи. Всё новые и новые цепи! Только через час нам должны доставить новые боеприпасы. Пока же нам надо выстоять. На очереди уже последняя патронная лента! А что потом? С последними патронами и револьвером мы выжидаем, готовые открыть огонь! Снова непрерывная стрельба: русские атакуют! Пехотинцы что-то кричат нам слева. Мы не обращаем на это внимание. Все внимание вперед! Вдруг 4—5 человек слева от нас прыгают в окоп, показывают влево: “Там русские! Они уже за нами!” “Нам нужно спасти пулемёт!” Разбираем его. Альбертс несет пулемёт, я беру станок, и мы удираем в деревню позади нас. О, ужас! Русские уже в ней! Нет смысла тащить пулемёт с собой, я швыряю станок в кучу мусора, пулемёт летит в колодец. Деревня, к счастью для нас, находится под обстрелом русской артиллерии; русские не хотят попасть под свой собственный огонь. Альбертс ранен в грудь, но держится вместе с нами. Мы продираемся через изгороди и сараи, бежим через дома. Альбертс стонет! Мы продолжаем бежать! Снова попадаем в зону артиллерийского огня, разрыв гранаты прямо рядом с нами, мне в ногу попадают осколки снаряда, мы укрываемся за домом, я хочу сделать себе перевязку. Вдруг товарищи вскакивают: “Стой! Вставай, вставай!” Дула пулемётов направлены на нас! Мы, пулемётчики 5-й роты, взяты в плен, пятеро русских уводят нас. Еще семеро из 136-го полка присоединились к нам. Нас двенадцать, конвоируемых девятью русскими. Когда мы проходим мимо нашей

позиции, вдруг расшвырявший русский ефрейтор набрасывается на нашего пулеметчика, унтер-офицера Штайнфурта, и стреляет ему в лоб так, что тот падает замертво. В возникшей сумятице часть людей бежит. Но Альбертса тоже настигает смертельная пуля охранников. Стрелки Мизере и ван Хёген тоже пали там. Так погибла от кровавой руки наша храбрая пулеметная команда».

Лейтенант Хелльмих, командир 1-й роты: «Между 12 и 13 часами русские снова атакуют через реку по фронту. Шум боя становится сильнее. Со штабом батальона больше нет связи. Поэтому я могу рассчитывать только на свою роту, имеющую четкий приказ удерживать позицию в надежде, что в любой момент подойдет желаемое подкрепление. Но ничего подобного! Наша артиллерийская батарея под командованием капитана Гаттига продолжает очень усердно обстреливать атакующих русских. Озабоченно я смотрю и продолжаю прислушиваться к моему левому флангу. Тем временем продолжается глубокоэшелонированная атака большими силами, не прекращающаяся, несмотря на наш огонь. Опасаясь за наш левый фланг, я отправляюсь туда со своими ординарцами, чтобы оценить ситуацию. Я как раз был на пути в местность, покрытую кустарником, когда услышал сильную стрельбу и типичные крики русских: “Ура!” Вскоре после этого мне доложили, что русские окружили левый фланг и он отступил. На фронте теперь тоже необходимо отступление. Но это уже не главное, как я понял, находясь в этом кустарнике. На оставшейся территории я еще пытался создать зацепку для обороны. Во время этого движения вдруг перестала вести огонь наша батарея гаубиц, и с ужасом мы увидели, как русская кавалерия в открытом порядке двигалась на нас, в то время как атака шла сильными волнами по фронту и слева. Возле меня залегли несколько десятков солдат — примерно от 20 до 30; рота образовала правильное каре — и мы стреляли, как сумасшедшие. Все напрасно! Помощь не приходила! Мы пропали!»

Только правое крыло 1-й роты вышло из мешка. Об этом пишет унтер-офицер Дула, исполнявший обязанности офицера в 1-й роте 136-го полка: «Похоже, что русская атака захлебнулась. Тут, к своему ужасу, я обнаруживаю, что лес слева кишит русскими, наше прикрытие

флангов опрокинуто. Русские прорываются в тыл и по фронту. Мы отдаем приказ захватить и оборонять окраину деревни Чижевичи силами людей, отступающих вправо. При отходе русская артиллерия стреляет мимо нас в обошедшие нас свои части, которые они принимают за подходящие немецкие резервы. Нам везет! Из-за этого мы попадаем сначала в деревню, которая тоже находится под огнем противника. Наш 229-й артиллерийский полк, обычно такой бойкий, странным образом молчит. Мы не подозреваем, что противник уже находится на позициях батарей. Мы не можем задерживаться в Чижевичах и устремляемся к лесу севернее деревни. При уходе из нее происходит самое настоящее наказание шпицрутенами: русские стреляют в нас стоя с руки. И снова нам помогает русская артиллерия, которая накрывает деревню и не подпускает к нам преследователей. У опушки леса мы вновь занимаем позицию. Тут из леса раздаются крики казаков: «Ура!» Мы в ответ задаем им перцу. Быстро появившись, они так же быстро скрываются. Теперь обратно через лес, в болотистую местность, где казаки не смогут нас преследовать! Только здесь мы наконец переводим дух. На высоте впереди слева деревня, кишущая русскими! К нам на полном ходу мчится автомобиль. Он скоро остановится. Это наш санитарный автомобиль. Мы видим, как русские лакомятся из наших полевых кухонь. Слава богу, что вечером они снова будут у нас».

Когда несколько казаков появились в тылу 2-й роты, она еще могла отступить в порядке. Но было слишком поздно: отступающие части были вынуждены яростно обороняться от казаков, при этом отличился унтер-офицер Ковальский.

Штаб полка в деревне Грицуки и штаб 1-го батальона 136-го полка в Чижевичах едва спаслись от пленения, так как совершавшие окружающий маневр русские войска оказались здесь раньше, чем на передовой линии. Батальонный адъютант 1-го батальона 136-го полка старший лейтенант Тиме был отослан обеспокоенным командиром батальона, чтобы установить связь с 75-й резервной дивизией. Вместо этого он наткнулся на русских солдат и вынужден был отступить под огнем. Другой ординарец, офицер штаба полка

лейтенант Райх, был утром отправлен вперед, чтобы установить связь с 75-й резервной дивизией у имения Косуа, где ее не оказалась. Потом он поскакал навстречу этой дивизии, надеясь найти ее. На протяжении 3 км он не встретил ни одной немецкой части. Потом он нашел передовой отряд 250-го резервного пехотного полка. С позиций 136-го пехотного полка слышалась сильная стрельба, но помощь пришла слишком поздно.

Очень скоро удалось остановить отход. Здесь наша артиллерия снова показала себя с лучшей стороны.

«Галопом возвращаемся с полевой кухней. Я почти последним проезжаю мимо батареи! Кто-то заряжает снаряд в последнее орудие. Человек в одной рубашке. Кажется, офицер. Остальные орудия отъезжают. Я погоняю своих лошадей, насколько это возможно. Вдруг команда: “Освободить дорогу!” Нам нужно остановиться. Орудия! Прыжок с ними через траншею! Уже раздается грохот по дороге,

Интерьер часовни в д. Косуа после освобождения. Сентябрь 1915 г.

полностью заполненной! Кажется, что всё останавливается!» — вспоминал водитель Быдолек из пулемётной роты.

Единственный полковой резерв (кроме немногочисленных стрелков-драгун) — 4-я рота; когда стала понятной опасность, грозившая левому флангу, она получила приказ срочно перейти туда. Она попала в круговорот наступающих масс и была почти полностью уничтожена возле артиллерийских позиций.

Мушкетёр Боффе из 4-й роты 136-го полка свидетельствует: «Мы заняли позицию и ожидаем противника. Когда меня вызывают к нашему командиру роты старшему лейтенанту Шилли, я замечаю на расстоянии 700 м казаков, которые размахивают своими саблями над головами. В мгновение ока они оказываются во фланге роты и мчатся к ничему не подозревающей цепи стрелков. Я кричу: “Всем возвращаться в деревню, к командиру роты!” Лишь немногим это удастся! Только мы прибыли к командиру роты, как перед нами уже стоит казак и замахивается на него, но два стрелка его убили. Все больше отрядов казаков проникает в деревню. Мы бежим через дома. Казаки объезжают их верхом. Тут подошла русская пехота. На нас направляют огонь. Наш старший лейтенант тяжело ранен и быстро умирает. Мы не можем его спасти».

2-й батальон при нападении русских сначала был «обойден». При охвате слева и намечавшемся прорыве справа необходим был отвод батальона. 6-я, 8-я роты и взвод 7-й роты отступили по приказу. 5-я рота сражалась вместе с 3-м батальоном 171-го полка у вокзала до отхода 171-го пехотного полка на высоты у <деревни> Городище¹⁹. Лейтенант Остер, командир 7-й роты 136-го полка, не получил приказа об отходе и со своими двумя взводами сдерживал русскую атаку до вечера. Он вспоминал об этом бое так:

«Проходящие мимо отставшие (от своей части) солдаты говорят о прорыве у 1-го батальона. У нас становится тихо и настороженно. Унтер-офицер Постен с мельницы докладывает, что повсюду подходят русские колонны. Мы распределяем участки огня. В 300 м перед нами держатся русские. Офицеры заняты своими картами. Потом сразу начинается наш огонь. Он оказывает ужасное действие. Всё,

что еще остается от противника, прыгает в ручей. Но все больше новых цепей стрелков пробивается к ручью. Там, где только покажется русская фуражка, она тут же получает пулю. Мой ординарец Кампинг непрерывно ведет огонь из раскаленного пулемета, несмотря на ранение. Другой ординарец имеет ствольную накладку. Артиллерийский огонь противника направлен за нами в деревню, его артиллерийский огонь слишком высокий, так что мы можем палить беспрепятственно хорошей боевой стрельбой. Темнеет. Боеприпасы кончаются. Нам нужно возвращаться. Под защитой группы я собираю наши силы в деревне. Потом возвращаемся с “арьергардом”, боковым прикрытием и “авангардом”, с набитыми до отказа повозками с провиантом».

О боях 5-й роты у железнодорожной насыпи сообщает исполнявший обязанности офицера унтер-офицер Бензе:

«У нас приподнятое настроение, так как в Вилейке есть всё, что желает солдат, даже водка. 3-й взвод стоит у вокзала, 2-й на кирпичном заводе, 1-й на свободной территории. Здания оборудованы для обороны.

Мощный артиллерийский огонь накрывает Вилейку. Оживленное движение во все стороны. Спецотряды и связные скачут в город и мчатся обратно. Предстоят тяжелые бои. Мы лежим на изготовке. Пока здесь спокойно. Там, слева, сильная стрельба! Мы можем вступить в бой с флангов при атаке из Вилейки. Слева тишина! Что случилось? Атака отбита? Больше никакого соединения! 6-я рота 136-го полка вернулась! Говорят о прорыве у 1-го батальона. Наш штаб батальона больше нельзя найти. Капитан 171-го пехотного полка фон Гаденбер велит сообщить роте, что 171-й полк вечером отходит на высоты в 1 км к северу. Рота придается 3-му батальону 171-го пехотного полка. Слева один взвод должен занять фланговое положение. Русские энергично преследуют отходящие подразделения 171-го пехотного полка. Мы снова открываем огонь. 3-й батальон 171-го пехотного полка возвращается на высоты, оставляя арьергард у железнодорожной насыпи. Теперь наступает время и для нашего 2-го взвода на кирпичном заводе! Бежим назад зигзагами. Сержант Зайдлер и 6 рядовых ранены. Мы не можем взять их с собой. Ночью

мы должны еще отражать атаки противника. Только на следующее утро у нас снова появляется связь с батальоном и полком».

В тот судьбоносный день стемнело рано. Русские не воспользовались своим преимуществом, чтобы энергично развить наступление, и ночью оставались довольно спокойными. Во всяком случае, они нарушили планы нашего командования по продолжению наступления. Для запланированного охвата, после того как 115-я пехотная дивизия также заняла оборону, в их распоряжении оставалось только полторы дивизии.

«Охваченная с востока на фланге, 115-я пехотная дивизия была вынуждена во второй половине дня сдать Вилейку с потерей одиннадцати орудий²⁰. Ожидаемая с утра восточнее селения 75-я резервная дивизия прибыла слишком поздно для того, чтобы предотвратить неудачу», — сообщалось в официальных документах (Немецкий государственный архив, том 8, с. 503).

Наш полк понес горькие потери: старший лейтенант Шилли погиб смертью героя; унтер-офицер, исполняющий обязанности офицера, позднее — лейтенант Францен был тяжело ранен и умер через некоторое время; лейтенант Эберт, лейтенант Зандер и унтер-офицер, исполняющий обязанности офицера Хайнекке были тяжело ранены; лейтенанты Хелльмих, Зандер 1-й и Нюркк, а также штабной врач доктор Мартини и военный фельдшер Райсланд попали в плен. Дневные донесения сообщали: число убитых — 8, раненых — 71, пропавших без вести — 242. К сожалению, позднее выяснилось, что среди последних было еще большее количество погибших. Согласно списку потерь дивизии, в плен попало лишь 56 человек.

«Это было последнее отступление полка в той кампании», — пишет В.Ф. Хойя. Нерешительное наступление русских позволило провести перегруппировку войск у железнодорожной насыпи, где отход окончательно остановился.

Под вечер прибыла также 75-я резервная дивизия и принялась энергично теснить русский фронт. Резервный 251-й пехотный полк отбросил противника обратно на высоту у <деревни> Чижевичи, за нашу артиллерийскую линию сегодняшнего утра. Дальнейшему

продвижению вперед препятствовали наступившая ночь и сильное сопротивление противника. Между 75-й резервной дивизией и левым крылом 136-го пехотного полка у железнодорожной насыпи, с фронтом на восток, еще зияла брешь.

После взвинтившего нервы боевого дня и всех мучений последних недель и ночью не было покоя. Надо было срочно оборудовать оборонительную позицию. Учитывая общее положение, производились постоянные перемещения, то вперед, то назад, особенно у 2-го батальона, который должен был справа установить связь с 171-м пехотным полком на своем участке от дороги на Вилейку до железной дороги на высоте у <деревни> Волковщина.

Поскольку артиллерийская позиция предыдущего дня снова очистилась от противника, 3-й батальон получил вечером задание вернуть оставленные орудия.

В дневнике майора Иргана об этом сказано следующее:

«Взяв примерно 100 солдат, мы с офицерами артиллерии идем в ночь, развернув батальон в широкую цепь. Вдруг кто-то громко вскрикивает. Стрелки наткнулись на пост русских унтер-офицеров, который в составе 5 человек спит в кустах. Его захватывают. Светит луна. Мы обнаруживаем место, где стояли орудия. Вокруг валяются пустые гильзы. Орудий нет. Следы колес ведут к русским. Противник их вывез. Мы возвращаемся ни с чем к железнодорожной насыпи».

То, что осталось от 1-го батальона, собрал лейтенант Фриче у железнодорожной насыпи. Сюда подтягивались заболевшие во время марша, отставшие от своей части солдаты, бежавшие из плена — например, мушкетёру Ломану из 1-й роты 136-го пехотного полка удалось оторваться от казачьей лошади, к которой он был привязан, и убежать. Численность батальона постепенно увеличивалась, так что в нем снова набралось 160 человек. Вместе с саперами и драгунами он образовал полковой резерв. Часть 1-го батальона (2-я рота, под началом лейтенанта Орфа) была введена в бой в составе 3-го батальона.

Наступление 75-й резервной дивизии должно было продолжаться 24 сентября 1915 года. 3-й батальон 136-го полка и 2-я рота получили

приказ примкнуть к движению вперед и дойти до старых позиций у <деревни> Холопки.

24 сентября 1915 года. Атака началась. 3-й батальон 136-го полка доходит до Волковщины. Дальше не идет. Атака прекращается. Начинается позиционная война. В качестве первого препятствия используются телеграфная линия у железной дороги. Полк контролирует сильно укороченный участок от дороги на Вилейку до юго-восточной окраины Волковщины. 2-й батальон подвергается мощному артиллерийскому огню, который противник корректирует с водонапорной башни <станции> Вилейка. 5-я и 6-я роты должны отбивать атаки. Русские постепенно поджигают все деревни в окрестностях.

С 24 по 27 сентября 1915 года позиции удерживаются. Отдельные атаки были отбиты с большими потерями для противника. 25 сентября 1915 года наконец прибыл армейский обоз. Он даже привез почту, но за август! Пока 115-я пехотная дивизия защищала свой участок, попытки завершить окружение <русских> продолжались. Вместе с 75-й резервной дивизией также были введены в бой части 77-й резервной дивизии, 42-й и 58-й пехотных дивизий слева. Кавалерия продвинулась дальше на восток. Но охват был более невозможен. Наоборот, дальнейшее продвижение угрожало нам самим. Севернее сосредотачивалась новая 1-я русская армия. 25 сентября высшее командование сухопутными войсками отдало приказ об остановке, передислокации одиннадцати дивизий на Западный фронт, оттягивании заходящего фланга 10-й армии до линии озер и переходе к обороне.

Очевидно, удалось занять новые обширные земли, которые должны были обеспечивать наше пропитание; важные для передвижения русских войск железнодорожные линии также были перехвачены нами, было взято 25 000 пленных, но ожидавшийся Седан не получился. Может быть, потому, что наступление началось с опозданием на несколько недель. Вновь всплыли в памяти болезненные воспоминания о сентябрьских днях 1914 года.

«Солдаты 10-й армии! Мне приходится требовать от вас огромных усилий на марше, а также лишений, часто обусловленных тяжелыми

Г. фон Эйхгорн

условиями длящихся день и ночь боев с намного превосходящими силами противника, чтобы изгнать цепкого врага с его укрепленных позиций далеко за Вильно. В двадцатидневной битве вы выполнили эти требования блестящим, героическим образом. Минувшие бои дают мне уверенность, что с вами можно решить любую задачу. Я испытываю искреннюю потребность поблагодарить вас и ваших проверенных командиров от всего сердца», — гласил приказ по армии генерал-полковника фон Эйхгорна²¹. Действительно, вряд ли кто-либо был способен на большее.

В ночь с 27 на 28 сентября должно было начаться отступление. Отрыв от противника без серьезной подготовки и обратный марш по немногочисленным дорогам, которые с трудом можно назвать таковыми, были не такими легким делом. Батальоны покинули свои позиции в 9 часов вечера, оставляя по одному ведущему активную перестрелку отделению на роту. В 11 часов вечера ушли и они. Подразделения собрались на рыночной площади <местечка> Куренец. Незадолго до полуночи они выступили.

«В Куренце беспорядочное скопление войск, несколько походных колонн разных родов войск рядом друг с другом! Части 350-го и 171-го пехотных полков двигаются между нашими батальонами. 2-й батальон 136-го пехотного полка следует в арьергарде, 5-я рота организовала тыловую походную заставу. Остановившиеся повозки ночью обозначают наш путь. Слева идет обоз 4-й кавалерийской дивизии, справа — части 75-й резервной дивизии», — записал в дневнике капитан Нойшефер.

Всю ночь с огромными усилиями продолжался переход. Обратное движение осуществлялось по той же дороге, по которой мы наступа-

ли — через <имение> Любань, <деревню> Королевцы²² до <местечка> Ижа. Здесь остановились на обед. 2-й батальон занял промежуточный рубеж у реки Нарочь. 7-я рота должна была оборонять мост и взорвать его после обеда.

«Запечатанный пакет, двое конных связных, команда взорвать! Это война! Создать оборонительную позицию! Потом нагруженные повозки с сеном бросить, бензин на дорогу! При поиске бензина мы везде находим предметы снаряжения: всё уничтожается. В 1.30 пополудни прибывают офицеры продовольственной службы, старшие лейтенанты Ноэль и Хенрих, плетущиеся сзади со своими повозками без конвоя. Продолжают подходить отставшие, счастливые оттого, что наконец оказались в безопасности! Мы медлим со взрывом до 4 часов, так как все еще прибывают обозы и повозки. Русских пока не видно. Наконец я снимаю предохранители и велю поджечь повозку с сеном. Огромный столб дыма вздымается вверх. Моя задача выполнена», — вспоминал лейтенант Остер из 7-й роты 136-го пехотного полка.

Арьергард выступил, русские пока не показывались.

Полк в позиционной войне в России

**Офицерские должности (до командиров рот включительно)
29 сентября 1915 — 9 сентября 1916 года**

Штаб полка

Командир — подполковник (с июня 1916 года полковник) Шпрингман

Начальник штаба — майор Кэтер из 40-го резервного пехотного полка

Адъютант — капитан Дитерих

Ординарец — лейтенант Райх

Офицер связи — лейтенант Мюллер (с 18 апреля 1916 года)

Интендант — лейтенант Мюнтер (до 1 мая 1916 года).

1-й батальон

Командир — капитан Вольтат (до 8 октября 1915 года болен)
капитан Нойшефер (8 — 10 октября 1915 года)
капитан Конради (с 10 октября 1915 года)
адъютанты: лейтенант Тиме (до 5 октября 1915 года болен)
лейтенант ландвера Бёккер (с 5 октября 1915 года)
офицер по кадрам: старший лейтенант Ноэль (до 19 октября 1915 года болен)
вице-фельдфебель Дангерс (19 октября 1915 — 20 января 1916 года)
лейтенант полка Орф (с 20 января 1916 года)
полковой и батальонный врач: штабной врач доктор Дей (до 21 октября 1915 года)
штабной врач доктор Нордман (21 января 1915 — 18 марта 1916 года)
старший врач доктор Мендельштон (18 марта — 17 августа 1916 года)
старший врач доктор Хольхуфен (с 17 августа 1916 года)
полевой ассистент врача Лирц (до 5 сентября 1916 года)
полковой и батальонный казначей: казначей Пфайффер.
1-я рота: лейтенант ландвера Нессель (до 18 ноября 1915 года)
лейтенант резерва Диш (18 ноября 1915 — 15 марта 1916 года)
лейтенант резерва Лёлльте (15 марта 1916 — 7 апреля 1916 года)
лейтенант резерва Тёрман (с 7 апреля 1916 года).
2-я рота: лейтенант резерва Орф (до 16 января 1916 года)
старший лейтенант фон Мюнстерман (с 16 января 1916 года).
3-я рота: лейтенант резерва Бот.
4-я рота: лейтенант резерва Фриче.

2-й батальон

Командир — майор ландвера Виденхёвер
капитан фон Гохенхауфен (5—31 января 1916 года)
адъютант: лейтенант резерва Тонсен (до 4 ноября 1915 года)

лейтенант Депен (4 ноября 1915 — 26 июля 1916 года)
лейтенант Динглер (с 26 июля 1916 года)
офицер по кадрам: вице-фельдфебель Груммель (до 6 октября 1915 года)
старший лейтенант резерва Греффениус (с 6 октября 1915 года)
батальонный врач: старший врач доктор Облэндер (до 11 ноября 1915 года)
ассистент врача доктор Гийлини
штабной врач доктор Фенгер (с 8 января 1916 года одновременно полковой врач)
старший врач доктор Хентцен (18 апреля — 7 мая 1916 года)
полковой ассистент врача Лирц (с 6 сентября 1916 года)
батальонный казначей: унтер-казначей Малле (до 16 марта)
потом казначей Вайс.
5-я рота: лейтенант Отто Бадер (до 10 ноября 1915 года)
ротмистр граф Сольмс (с 10 ноября 1915 года).
6-я рота: лейтенант резерва Матес.
7-я рота: лейтенант резерва Остер (до 22 января 1916 года болен)
лейтенант резерва Моргенрот (28 января — 22 февраля 1916 года)
лейтенант резерва Денк (22 февраля — 6 марта 1916 года)
лейтенант резерва Эберхард (6—12 апреля 1916 года)
капитан резерва Фольтц (12 апреля — 24 июля 1916 года болен)
лейтенант резерва Эберхард (24 июля — 8 августа 1916 года)
старший лейтенант Вакк (с 28 августа 1916 года).
8-я рота: лейтенант Виктор Кох.

3-й батальон

Командир — майор Ирган (до 3 ноября 1915 года)
капитан Нойшефер (с 3 ноября 1915 года)
адъютант: лейтенант Депен, пехота (до 3 ноября 1915 года)
лейтенант резерва Тонзен (3 ноября 1915 — 22 мая 1916 года)

лейтенант Кнаут (с 22 мая 1916 года)

офицер по кадрам: старший лейтенант ландвера Хенрих (до 30 ноября 1915 года болен)

лейтенант резерва Фельдмюллер (30 ноября 1915 — 17 июля 1916 года)

лейтенант резерва Отто (с 17 июля 1916 года)

батальонный врач: штабной врач доктор Ден

старший врач доктор Хольхузен (до 7 августа 1916 года)

батальонный казначей: унтер-казначей Алленбахер,

потом унтер-казначей Грамер.

9-я рота: лейтенант резерва Лёлльке (до 6 марта 1916 года)

старший лейтенант Буркхардт (с 6 марта 1916 года).

10-я рота: лейтенант резерва Немерт (до 9 ноября 1915 года болен)

лейтенант Отто Бадер (с 9 ноября 1915 года).

11-я рота: лейтенант Динглер.

12-я рота: лейтенант резерва Хеббель.

13-я рота (18 ноября 1915 — 28 августа 1916 года): лейтенант ландвера Нессель (до 29 ноября 1916 года)

старший лейтенант Вакк (19 января — 28 августа 1916 года).

14-я рота (18 ноября 1915 — 28 августа 1916 года): лейтенант резерва Денк (до 22 февраля 1916 года)

лейтенант резерва Фишер (22 февраля — 12 апреля 1916 года)

лейтенант резерва Кох, пехота (12 апреля — 28 августа 1916 года).

Запасная рота (6 апреля — 28 июня 1916 года): лейтенант резерва Денк (до 12 апреля 1916 года)

лейтенант резерва Фишер (12 апреля 28 июня 1916 года).

Пулеметная рота: капитан фон Вестернхаген (до 31 октября 1916 года болен);

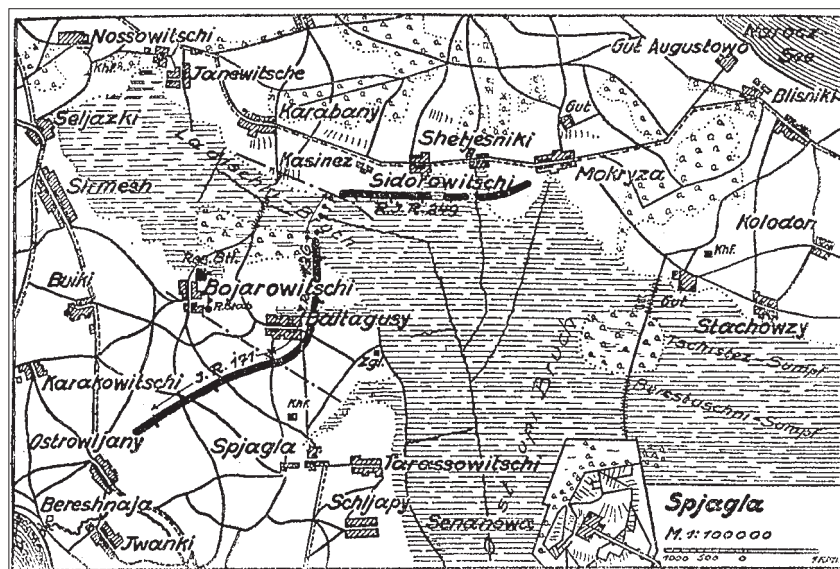
старший лейтенант Нагель (с 31 октября 1916 года).

Балтагузы — Бояровичи

Путь отступления пролегал северо-восточнее озера Вишневого, где 115-я пехотная дивизия должна была занять оборонительную позицию между 10-й ландверной пехотной дивизией и 75-й резервной дивизией. 1-й батальон 136-го пехотного полка стал дивизионным резервом, 2-й батальон 136-го пехотного полка — бригадным резервом в <местечке> Спягло²³, 3-й батальон 136-го пехотного полка — бригадным резервом в <деревне> Тарасовичи²⁴.

2-й батальон прибыл в арьергарде около 9 часов вечера в <местечко> Спягло, но должен был идти дальше в <деревню> Шляпы²⁵, где он до 29 сентября 1915 года находился в распоряжении 171-го пехотного полка. Взвод 7-й роты 136-го полка под командованием лейтенанта Шлютера получил приказ занять имение Зенанова²⁶, расположенное в центре болота, и заблокировать подходы.

Во второй половине дня 29 сентября полк был поднят по тревоге, поскольку было получено сообщение о подходе русских. Болота оказались проходимыми. Была занята оборона по краю болот. 3-й батальон 136-го пехотного полка стал прикрытием артиллерии. Проходимыми оказались также и каналы у <деревни> Ляды²⁷. Поэтому потребовался отвод фронта для лучшей связи с 75-й резервной дивизией у озера Нарочь. Батальоны вернулись вечером по частям. 3-й батальон 136-го пехотного полка обеспечивал новое развёртывание до следующего утра, затем стал бригадным резервом в <деревне> Бояровичи²⁸. 1-й батальон 136-го пехотного полка, присоединившись к 171-му пехотному полку, занял позицию по дуге между южной и восточной окраинами <деревни> Балтагузы²⁹. К нему примкнул и расположился до леса к северу от селения 2-й батальон. Левофланговая 8-я рота имела посты в болоте у <деревни> Ляды и посредством челночных патрулей поддерживала связь с 75-й резервной дивизией (249-й резервный пехотный полк), которая находилась в правом углу от нас по ту сторону вдоль болота. Всеми наличными силами была создана укрепленная позиция — насколько это было возможно в условиях большой удаленности от железной дороги, при которых можно было обеспечить

Бой у местечка Спягло. Положение немецких частей: 136-го, 171-го пехотных и 249-го резервного пехотного полков. Сентябрь 1915 г.

подвоз лишь самого необходимого. У ослабленных рот при таких обширных участках было много работы. Далеко выдвинутые патрули зорко наблюдали за медленно надвигавшимся противником.

В то время, когда русские энергично атаковали 75-ю резервную дивизию, уже 1 октября 1915 года у озера Нарочь несколько раз возникали критические ситуации. Мы начали первые наступательные атаки только 3 октября 1915 года.

Лейтенант Бот писал: «Утром 1 октября медленно вступает в бой артиллерия противника. Первые выстрелы приходятся мимо позиции и деревни. Но разрывы всё приближаются. Недолго думая, я велю поджечь несколько домов. Артиллерия противника сразу замолкает, веря, что они добились хорошего результата в деревне. Во второй половине дня обстрел продолжается. Мы жертвуем еще одним сараем. К сожалению, из-за ветра и точных ударов русских большая часть деревни загорается. Русские продвигаются под артиллерийским огнем к нашей позиции. Вечером от Балтагуз остаются только кирпичные дымовые трубы, ужасная и красивая

картина. 2-го утром я вижу, что русские продвинулись еще. Перед моей позицией находится кирпичный завод — примитивный, как это обычно у русских. Он уже давно раздражает меня. Ночные патрули доложили, что он занят противником. Я хочу удостовериться в этом и в полдень отправляюсь туда лично в сопровождении двух солдат. Скрытые зарослями и кустарником, мы подходим близко к кирпичному заводу. Я быстро зарисовываю позицию противника, оба солдата хотят поджечь здание. Тут происходит движение в сарае: явно русские! Только бежать назад! Несмотря на солнечную погоду, мы возвращаемся к роте незамеченными врагом.

3 октября противник начинает сильную артиллерийскую канонаду. Залп за залпом! Слава богу, снаряды все время ложатся в деревне позади нас! Теперь жди атаки! Но мы полны уверенности. Нам хорошо видны действия противника. Сначала все идет “по правилам”. Однако когда вступает в бой наша пехота, огонь противника слабеет. Тут вмешивается наша артиллерия приличного калибра с фланга. Этого русские не выдерживают и поворачивают назад. Справа они подошли на расстояние до 300 м».

Ротам, находящимся дальше справа, особенно 1-й роте, больше достается от атаки русских.

Сожженная белорусская деревня. 1915 г.

Фельдфебель Шефер из 1-й роты 136-го полка пишет: «Ранним утром 3-го русские массы выдвигаются под артиллерийским огнем с высот Спягло. Наш участок сильно обстреливается. Связной командира роты получает шрапнель в лоб, прилежный писарь ефрейтор Шульц — осколок в висок. Поскольку наш ход сообщения ведет назад, раненые должны оставаться в траншее. Санитары непрерывно выполняют свою тяжелую работу. — Солдаты противника волна за волной исчезают в котловине перед нами. Наша тяжелая батарея гонит русских, как стадо. Все, что еще может стрелять, стреляет безостановочно. Позиции пулемётов практически неприступны, и это дает о себе знать».

С соломенной крыши сарая фельдфебель Хойя мог хорошо наблюдать за ходом боя и докладывать о нем штабу своего батальона.

Русская военная сводка от 4 сентября 1915 года горделиво гласит: «В штыковой атаке мы захватили позиции, усиленные стрелковыми окопами, у деревни Балтагузы, северо-восточнее озера Вишневого!»

Потери с 1 по 3 <октября> составили 12 убитых и 28 раненых.

3-й батальон сначала был в бригадном резерве в <деревне> Бояровичи. Вследствие вклинивания русских в ряды 75-й резервной дивизии у озера Нарочь с 1 октября на несколько дней он был придан этой дивизии. Майор Ирган пишет в своем дневнике: «Батальон проходит в первой половине дня сквозь болото около <деревень> Желязники и Мокрица³⁰ и придается 251-му резервному пехотному полку. 9-я рота (лейтенант Лёлле) перегруппировывается и выдвигается. Освободившийся Лёлле формирует команду добровольцев против русского пулемёта, 11-я и 12-я рота вводятся в бой между 251-м и 249-м резервными пехотными полками в брешь, так как поступает донесение о том, что русские наступают в болоте у <деревни> Ляды. Ночная атака, которая затрагивает и 9-ю роту, отбита».

2 октября 1915 года была введена в бой еще и 12-я рота. 3 октября, после стабилизации ситуации, 3-й батальон по пути к полку был задержан по дороге, а затем 4 октября пошел назад сквозь болото к Бояровичам. 5 октября 1915 года он сменил 1-й батальон.

6 октября 1915 года русские предприняли еще одну попытку атаки по всему фронту, но она была отбита с тяжелыми потерями.

«На протяжении 800 м русские залегли и кричат: “Ура!” Когда против них выдвигаются группы от обоих батальонов, многие из русских бегут. Другие перебегают к нам. Два друга обнимаются, счастливые, что спаслись. “Удачи германцам!” — кричат они. Захватываются 80 пленных, от 80 до 90 убитых лежат перед фронтом одного только 3-го батальона», — записал в дневнике майор Ирган.

Также правый фланг 2-го батальона (5-я и 6-я роты) участвовал в атаке 6 октября 1915 года.

Капитан Нойшефер отмечает в своем дневнике: «В 2 часа ночи русские пробуют атаковать оборону 75-й резервной дивизии. Справа энергичный огонь ведет пехота. Через 2 часа мы снова слышим сильную стрельбу из всех видов оружия. К 5 часам становится заметным наступательный манёвр от кирпичного завода против 3-го батальона и против 5-й и 6-й рот. Русские приближаются длинными цепями. 6-я рота зажигает сигнальные костры. Артиллерия, пехота и пулемёты открывают огонь. Слышны команды русских. Наш огонь становится плотнее. Большая часть наступающих русских полегла. Остальные убегают. Справа мы слышим оживленное “Ура!” во вражеских окопах. Но лишь несколько русских выполняют приказы своих офицеров и поднимаются в атаку. Наших солдат это забавляет. Наше пополнение вызывает доверие. Целятся увереннее. Мы видим, как убегает все больше раненых русских. В половине 6-го перестрелка снова становится очень оживленной: русская стрелковая цепь отступает, несмотря на наш огонь, в лучшем порядке и с похвальным самообладанием. Шестеро храбрых солдат 6-й роты выходят вперед, перевязывают раненых русских — примерно 20 человек — и уводят их к нам. Это замечают отходящие русские. Часть из них останавливается, втыкает штыки в землю и перебегает к нам. Эта картина повторяется по всему фронту. 6-я рота берет в плен не менее 40 нерааненых русских (из 302-го пехотного <Суражского> полка XXVII армейского корпуса), многие из них совсем молодые парни, впервые оказавшиеся в бою. Захваченные орудия — от 50 до 70 — совершенно новые».

Атака стоила полку 1 убитого, 1 раненого и 1 пропавшего без вести. Трофеями стали 56 орудий, были взяты в плен 2 офицера и 121 рядовой.

6 октября 1915 года русские последний раз попытались атаковать. Противнику пришлось вновь отойти на исходные позиции. Нашу позицию можно было совершенно спокойно укреплять среди бела дня. Жизнь здесь была бы прекрасной, если бы было достаточно продуктов. Но из страны больше ничего нельзя было выжать. Начал ощущаться голод.

«Ежедневный рацион, который предлагали полевые кухни, состоял в основном из нормированного количества капусты и картофеля. Стала заметна нехватка соли и кофе. Нередко вместо кофе приходилось довольствоваться лишь кипятком. Хлеб стал абсолютным деликатесом. Как поднималось настроение, когда удавалось достать $\frac{1}{3}$ <фунта> заплесневелого хлеба!» — вспоминал унтер-казначей Кунце.

Находчивый доброволец из 7-й роты Цайгер нашел в болоте среди поросших лесом холмов перед позицией большие запасы продуктов и льна, которые здесь тщательно спрятали местные жители. Сюда же согнали много скота. Животные начинали скучать по своим хлевам и попадали к нам в руки.

Об условиях снабжения можно судить по приказу от 3 октября 1915 года, предписывавший сформировать почтовую колонну для перевозки гор почты — 400 мешков для одного только полка, — скопившихся в Вильно за три дня похода и за три дня отступления.

Скудное питание, прежде всего — нехватка воды (колодцев не было, питьевая вода фильтровалась в санитарной роте), износившееся обмундирование, вынужденное размещение в болотистой местности в холодные осенние дни и морозные ночи естественным образом привели к росту заболеваемости. Возникали даже эпидемии: 10-ю роту пришлось изолировать из-за подозрения на холеру. Заболели командир 1-го батальона капитан Вольгат, а также его адъютант лейтенант Тиме. Тогда батальон принял капитан Конради, который почти непрерывно командовал им следующие полтора года. Его верной опорой в качестве адъютанта стал лейтенант Бёккер, который был всегда уравновешенным, неутомимо деятельным, энергичным, вплоть до своей героической смерти незадолго до окончания войны.

Появились слухи о переводе дивизии на Запад. Там она бы очень теперь пригодилась, так как с 25 сентября 1915 года развернулось большое осеннее наступление Жоффра³¹, более мощное, чем все предыдущие попытки прорыва фронта. Снова высоты Вимы, как и в мае, находились в центре французских усилий, которые, согласно приказу Жоффра, на этот раз просто обязаны были увенчаться окончательным успехом. Но и эта его попытка не удалась. Немецкая живая стена выдержала. Мы пока не понадобились.

Ж. Жоффра

Все наличные силы продолжали энергично работать над укреплением позиции. Но пришел приказ о смене. Она была произведена в ночь на 19 октября 1915 года силами войск 9-й ландверной бригады и 9-й кавалерийской дивизии, 48-го ландверного пехотного полка, 24-го ландверного пехотного полка и 1-го егерского батальона.

Куда теперь идти? Обоз отправили в Вильно. Это значит — на Запад? Однако пришел другой приказ: дивизия осталась на Востоке. Ей предстояло встать второй линией за позициями 42-й пехотной дивизии в районе <деревни> Камай!³²

Примечания

¹ Жупраны — местечко, ныне деревня в Ошмянском районе Гродненской области (Беларусь).

² Эбен, Йоханнес Карл Луис Рихард фон (*Johannes Karl Louis Richard von Eben*) (1855—1924) — генерал пехоты (1914), с июня 1915 г. командовал немецким I армейским корпусом. В годы Первой мировой войны прошел путь от командира дивизии до командира армейского управления «А», отличился в боях на Западном и Восточном фронтах.

³ В тексте буквально: Обер Ост (*Ober Ost*, от нем. *Oberbefehlshaber der gesamten deutschen Streitkräfte im Osten*) — сокращённое обозначение Верховного командования всеми германскими вооружёнными силами на Востоке и контролируемой им территории.

⁴ Долгиново — местечко, ныне агрогородок в Вилейской районе Минской области (Беларусь).

⁵ Верусово — населенный пункт на территории современной Литвы.

⁶ Гутьер, Оскар Эмиль фон (*Oskar Emil von Hutier*) (1857—1934) — генерал-лейтенант (1912), с апреля 1915 по январь 1917 г. командовал немецким XXI армейским корпусом. Один из наиболее успешных немецких полководцев Первой мировой войны.

⁷ Дорога на город Двинск (Динабург, ныне Даугавпилс в Латвии) на территории современной Литвы.

⁸ Апущины, Девжуны, Свиранки, Хадюши — населенные пункты на территории современной Литвы.

⁹ Супроненте — видимо, имеются в виду Струнойцы, населенный пункт на территории современной Литвы.

¹⁰ Педборце и Хведбевичи — населенные пункты на территории современной Литвы. Видимо, первый из них — искаженное название Побродзе, местечка Виленской губернии, ныне город в Вильнюсском уезде Литвы.

¹¹ Ижа — местечко, ныне агрогородок в Вилейской районе Минской области (Беларусь).

¹² Любань — имение, ныне агрогородок в Вилейской районе Минской области (Беларусь).

¹³ Завельцы — деревня, ныне в Островецком районе Гродненской области (Беларусь).

¹⁴ Пликовичи — деревня, ныне в Вилейской районе Минской области (Беларусь).

¹⁵ Илья — местечко, ныне агрогородок в Вилейской районе Минской области (Беларусь).

¹⁶ Грицуки — деревня, ныне в Вилейской районе Минской области (Беларусь).

¹⁷ Против немецкого 136-го пехотного полка вела наступление русская 18-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Павла Оскаровича Папенгута (1854—1935). Её состав см. в Приложении 1.

¹⁸ Подробности атаки казаков известны из представления к награде есаула Василия Михайловича Панова, командира 3-й сотни 2-го Оренбургского казачьего воеводы Нагого полка. 10 сентября 1915 г. по собственной инициативе со своей 3-й сотней он переправился через реку Вилию у д. Касута, получив сведения о противнике у генерал-майора Михайлова, решил помочь русской пехоте. Пройдя несколько верст, рысью догнали у д. Клыни 5-ю, 6-ю и 8-ю роты 70-го пехотного Рязского полка, которые настолько были утомлены, что не могли далее наступать и стали окапываться, а противник пытался

зайти слева и уже вел по ним фланговый огонь. Видя критическое положение этих трех рот, есаул Панов раскинул сотню в лаву, лихо бросился на немцев и перебив и переколов их, выгнал их из д. Клыни. По свидетельству очевидцев, казаки перебили не менее роты солдат противника, а 28 солдат и офицеров взяли в плен. Потери казаков: убитых — 4, раненых — 4. Убито 7 лошадей, ранено 7 лошадей. За этот бой В.М. Панов был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

¹⁹ Городище — деревня на территории Вилейского района Минской области, с 1966 г. не существует.

²⁰ В русской 18-й пехотной дивизии и 18-й артиллерийской бригаде за захват этих орудий, пулеметов и пленных 7 офицеров были награждены орденами Св. Георгия 4-й ст., еще 6 были удостоены Георгиевского оружия. Описание их подвигов см. в Приложении 2.

²¹ Эйхгорн, Герман Эмиль Готфрид фон (*Hermann Emil Gottfried von Eichhorn*) (1948—1918) — генерал-полковник (1913), командующий немецкой 10-й армией в 1915—1916 гг. С 1916 г. — главнокомандующий группы армий «Эйхгорн», генерал-фельдмаршал (1917). В 1918 г. руководил оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России, возглавлял административную оккупированных областей Украины. Погиб в Киеве в результате теракта.

²² Королевцы — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²³ Спягло — местечко, ныне деревня в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²⁴ Тарасовичи — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²⁵ Шляпы — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²⁶ Зенанова — имение, ныне деревня в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²⁷ Ляды — деревня, ныне в Вилейской районе Минской области (Беларусь).

²⁸ Бояровичи — деревня, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

²⁹ Балтагузы — деревня, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

³⁰ Желязники и Мокрицы — деревни, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

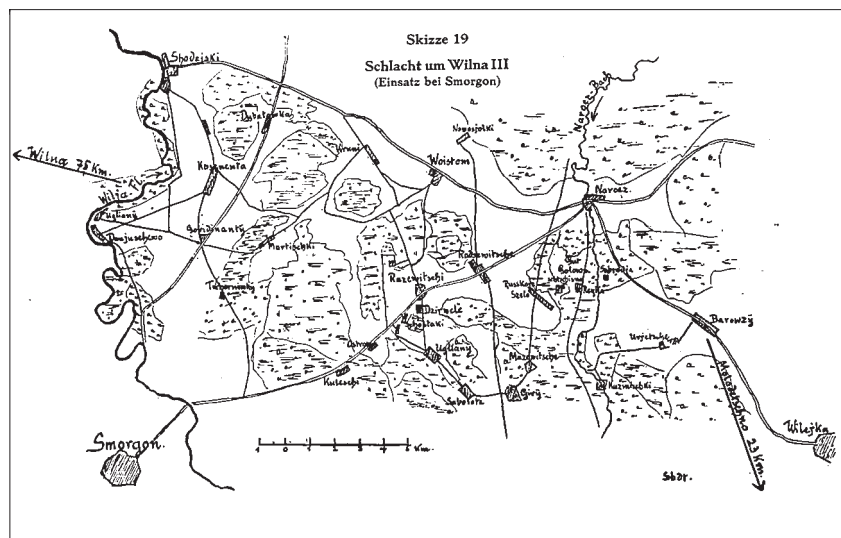
³¹ Жоффр, Жозеф Жак Сезар (*Joseph Jacques Césaire Joffre*) (1852—1931) — главнокомандующий французской армией в 1914—1916 гг., маршал Франции (1916).

³² Камай — деревня, ныне в Постапском районе Витебской области (Беларусь).

ИЗ КНИГИ Х. ЗОММЕРБРОДТА
«ПОЛК ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ ФОН ГОЛЬЦЕНДОРФА
(1-Й РЕЙНСКИЙ) № 8 В МИРОВОЙ ВОЙНЕ
1914—1918 ГОДОВ»

Операции под Сморгонью
(22—25 сентября 1915 года)

22 сентября был введен в бой наш 2-й батальон (майор Клотц) вместе с 3-й и 4-й батареями восточнее <местечка> Данюшево и <деревни> Угляны¹. Батареи расположились между батареями 1-го батальона, который должен был поддерживать фланговым огнем запланированное наступление 31-й пехотной дивизии. Перед этими и нашими батареями стояли части 17-го пехотного полка. Однако после того, как немецкое наступление остановилось, русские со своей стороны во второй половине дня — в основном на западном, но также и на восточном берегу Вилии — перешли в контрнаступление. Все батареи, стоявшие у Данюшево, отбили своим сильным и эффективным огнем

Битва за Вильно. Местность у Сморгони

русские контратаки и остановили противника. Уже 21 сентября 31-я пехотная дивизия и 65-я пехотная бригада (при них 1-я батарея и наша 6-я батарея), опережая нашу 59-ю пехотную бригаду, были введены в бой между <деревнями> Горидинянты и Мартышки², восточнее Данюшево. Два дня (21 и 22 сентября), в то время как там стояла 6-я батарея, на эту часть фронта были направлены также сильные атаки <русских>, которые, однако, захлебнулись под артиллерийским огнем (6-я батарея 8-го полка, 6-я батарея 15-го полка и 8-я батарея 1-го резервного полка тяжелой артиллерии). Наш 1-й батальон (майор Зоммербродт), вместе с 1-й, 2-й и 5-й батареями выступил 22 сентября одновременно с 138-м пехотным полком из своих мест дислокации у <местечка> Жодзишки³ и проследовал маршем через Круни — Войстом на <деревню> Дервили⁴, чтобы сменить части 77-й резервной дивизии, противостоявшие противнику на линии Черняты — Кулеши — Заболоте — Гиры в районе Остров — Угляны⁵. Слева к нам примкнула 16-я, а справа 41-я кавалерийские бригады. Поскольку основной натиск противника был направлен из района Кулеши на Остров — Угляны, батареи, к которым также присоединилась 4-я тяжелая батарея 59-го резервного <артиллерийского полка>, были введены в бой примерно в 4 часа пополудни следующим образом:

5-я <батарея> 8-го <артиллерийского полка> — примерно 800 м севернее Шостаки;

2-я <батарея> 8-го <артиллерийского полка> — с 4 орудиями, вплотную севернее Шостаки, фронтом на запад;

с 2 орудиями, вплотную южнее Шостаки, фронтом на юг;

4-я <батарея> 59-го резервного <полка> — 400 м юго-восточнее Дзирвеле;

1-я <батарея> 8-го <артиллерийского полка> — 500 м севернее Мазевиче.

Однако последняя (1-я батарея) 22 сентября больше не действовала и должна была 23 сентября до обеда поступить в распоряжение 16-й кавалерийской бригады, которая севернее <деревень> Мацевичи и Косичи⁶ находилась в стесненном положении. На действиях этой батареи мы остановимся ниже. После того как батареи были приведены в бое-

вую готовность, произошла смена пехоты — однако только частичная; части 256-го резервного пехотного полка остались, так как в самое ближайшее время ожидалась атака русских. Для усиления пехоты и по ее просьбе полковник фон Гримм приказал ввести в бой орудие 2-й батареи, которое было взято из ее северной части, в качестве средства отражения атаки на самой передовой линии; майор Зоммербротт лично инструктировал на месте командира этого орудия, полкового вице-вахмистра Вестхоффа. Когда первый некоторое время спустя вернулся со своего командного пункта, находившегося в <деревне> Дервили, было получено донесение, что это орудие попало в руки русских. Вице-вахмистр Вестхофф после полученной инструкции сам привел в боевую готовность орудие и зарядный ящик. Орудие и ящик были установлены на огневой позиции, <зарядный ящик> еще не был открыт, в это же время Вестхофф лично отводил в укрытие конскую упряжку. Неожиданно с близкого расстояния напали русские. Прежде чем расчет приблизился к орудию, орудие и зарядный ящик оказались в руках противника, который моментально поджёг захваченные Угляны⁷. При незамедлительно осуществленной контратаке частями 138-го пехотного полка у русских была сразу отбита захваченная ими местность, однако орудие было потеряно. После наступления темноты вице-вахмистр Вестхофф попробовал провести разведку боем, чтобы

Немецкие солдаты в горящей деревне. 1915 г.

узнать о нахождении орудия. Он был тяжело ранен. Солдаты перенесли его в дом; однако эвакуация <раненого> была невозможна из-за сильного обстрела. Вскоре после этого дом стал добычей пламени, и храбрый вице-вахмистр Вестхофф погиб в нем.

В течение ночи несколько раз русские атаковали позиции близ кладбища <деревни> Острова, но они были отбиты огнем наших 2-й и 5-й батарей. Личный состав располагался прямо на огневых позициях. Все лишнее было отправлено в тыл, штабы и <батарейные> упряжки постоянно находились в состоянии повышенной готовности.

1-й батальон простоял на прежнем месте в течение двух следующих дней 23 и 24 сентября, и поскольку русские продолжали атаковать на этом направлении, он находился в непрерывной, но успешной обороне. Удерживая фронт в этом месте, 138-й пехотный полк был поддержан частями 97-го пехотного полка и 77-й резервной дивизии. Однако при всех атаках противника за эти три дня не была потеряна ни пядь земли.

Радиограмма от 23 сентября <1915 года> — «Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург⁸ просит сообщить всем командирам и рядовому составу, что им нужно вплоть до завтрашнего дня продержаться при всем их тяжелом положении и ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва русских. Очень многое поставлено на карту!» — была полностью выполнена здесь, как и на других участках фронта 42-й пехотной дивизии.

Командир 1-й батареи капитан Хёккнер докладывал о ее действиях: «1-я батарея заняла позицию после того, как я доложил о ней командиру 16-й кавалерийской бригады, полковнику герцогу Ульриху фон Вюртембергу⁹, утром 23 сентября юго-западнее имения Галовщина¹⁰, южнее Нарочи. Герцог сказал мне: “Вам нужно выйти слева, какое-либо прикрытие я не могу вам дать, у меня больше ничего нет!”»

Так мы двинулись, мужественно и с верой в Бога, и дело пошло. Однако уже 23 сентября стало жарко. В 12 часов первая сильная атака русских из района Кузмишки и лесов западнее от него была направлена на стоящие перед нами части 6-го и 7-го полков конных егерей и 3-ю батарею 256-го резервного пехотного полка. Они отступили, и мой наблюдательный пункт в окопе также пришлось отвести, что-

П. фон Гинденбург

бы не попасть в плен. Один только огонь батареи — 350 выстрелов за 30 минут — остановил наступление, и они <русские> отступили. Солдаты вновь заняли свои прежние позиции. В 6 часов вечера вторую атаку <русских> с направления <деревень> Уречье — Кузмишки постигла та же участь. <Деревня> Уречье была подожжена. Около 11.30 вечера последовала третья атака, на этот раз с направления Кузмишки — Мацевичи. И она была отбита огнем батареи. За ней последовала четвертая атака ранним утром 24 сентября. Она также захлебнулась в огне батареи. Затем в течение дня 24 сентября царил полная тишина, но ночью 24/25 сентября постоянная стрельба противника не давала нам покоя, приходилось отвечать.

Днем меня вызвал герцог, поздравил с большим успехом и поблагодарил от имени своей бригады: “Был слышен только один голос, батарея действовала отлично!”

Мы потеряли четверых раненых товарищей: полкового вице-вахмистра Р. Роубаха, добровольца военного времени унтер-офицера Боргмана и еще двоих рядовых. За два дня батарея израсходовала 1027 выстрелов.

Особо отличился вышеуказанный унтер-офицер Боргман. Он все время помогал обслуживать свое орудие вследствие отсутствия наводчика, и, несмотря на то что вечером был серьезно ранен в плечо, оставался у своего орудия и продолжал действовать в бою, насколько позволяло его ранение, всю ночь. Лишь на следующее утро (24 сентября), когда наступила тишина, он сообщил о своем ранении, поступил на лечение в лазарет и на следующий день был там награжден за свое мужественное поведение Железным крестом 2-го класса».

23 сентября в 8 часов утра наш 2-й батальон (майор Клотц) получил приказ вывести батареи с позиций под Данюшево и отправить в Косененту¹¹. Оттуда они были направлены дальше через Дубатовку в Войстом и, наконец, из Родзевичей распределены и введены в бой полковником Кёлером, командиром 42-й бригады полевой артиллерии. 4-я батарея при этом была выведена из состава 2-го батальона и поступила в подчинение 1-й батареи. Она заняла позицию под именем Галовщина. Штаб 2-го батальона с 3-й батареей продолжал двигаться маршем через <местечко> Нарочь в направлении находящейся к югу от него <деревни> Забродье. Немного севернее этого места заняла позицию 3-я батарея. В подчинение 2-го батальона поступили уже действовавшие восточнее 3-я батарея,

Немецкая батарея ведет огонь

половина 2-й батареи 59-го резервного артиллерийского полка и 5-я батарея 15-го артиллерийского полка. Фронт перед 2-м батальоном был занят частями 1-й кавалерийской дивизии до ее замены 97-м пехотным полком. Однако поскольку эти войска были очень ослаблены — в каждом эскадроне конных стрелков насчитывалось не более 150 человек — против этой части фронта были направлены разрозненные русские атаки. Они были отбиты артиллерийским огнем. Целями 2-го батальона были окопы перед <деревнями> Уречье и Баровцы. Когда эти селения ночью были заняты русскими, они были подожжены, но затем снова заняты ротой 17-го пехотного полка, которая при этом взяла в плен всю русскую роту. После того как в течение 24 сентября части 1-й кавалерийской дивизии были выведены с фронта, вступило в силу новое боевое расписание артиллерии. Командиром участка, на котором (см. выше) стоял 1-й батальон с приданными ему батареями, был полковник фон Гримм. Среди подразделений под его началом находились: 2-я конная и 8-я резервные батареи 4-го <полка> тяжелой артиллерии, 8-я резервная батарея 1-го <полка> тяжелой артиллерии. С востока участок фон Гримма был ограничен линией, проходившей от <деревни> Родзевичи на юг. Командиром артиллерии примыкающего с востока участка был подполковник Бавловский. Его западная подгруппа, ограниченная на западе вышеназванной линией, на востоке — притоком Нарочи, находилась под командованием майора Клотца (2-й батальон). Последнему подчинялись:

3-я <батарея> 8-го <артиллерийского полка> — западнее имения Галовщина;

1-я <конная батарея> 11-го <конноартиллерийского дивизиона> — севернее имения Галовщина;

4-я <батарея> 8-го <артиллерийского полка> — на позиции, занятой днем ранее южнее имения Галовщина;

1-я <батарея> 8-го <артиллерийского полка> — на прежней позиции юго-западнее имения Галовщина;

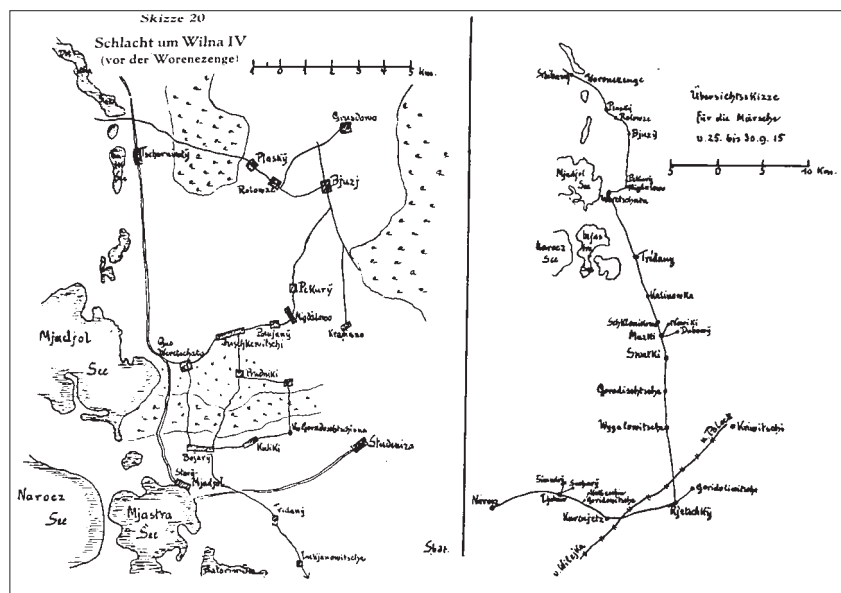
6-я <батарея> 8-го <артиллерийского полка> — западнее Реутки.

Пехота перед группой Клотца состояла из частей 97-го, 131-го и 17-го пехотных полков, 267-го резервного пехотного полка и 5-го гвардейского конноегерского полка.

Усиленный XXI армейский корпус в эти дни продолжал наступление на восток, почти к притоку Червеца, затем на северо-восток до высоты Кривичи. Восточнее, примыкая к 42-й пехотной дивизии, стояли 115-я пехотная дивизия, 75-я, 77-я и 58-я резервные дивизии; на самом внешнем северо-восточном крыле находилось 6-е высшее кавалерийское командование. 2-я пехотная дивизия последовала за уклоняющимися от боестолкновений русскими через Сморгонь в восточном направлении. 25 сентября 10-я дивизия ландвера с войсковой группой «Центр» через позиции 42-й пехотной дивизии перешла в наступление и одновременно, по возможности, сменяла последнюю на фронте. Эта операция удалась, и части нашей дивизии заняли во второй половине дня район севернее и северо-западнее <местечка> Куренец. Батареи попали на место только после поздно произведенной частичной смены позиции лишь глубокой ночью. 2-й батальон с 97-м пехотным полком находился в районе Сухари — Зимодры¹², 1-й батальон с 138-м пехотным полком у Кульбашино — Горидовичи¹³. Потери в эти дни операции: 1 вице-вахмистр и 1 унтер-офицер убиты; 1 вице-вахмистр, 1 унтер-офицер и 3 рядовых ранены.

На пути к зимней позиции (с 26 по 30 сентября 1915 года)

Противник собрал новые силы восточнее озера Нарочь. Ожидалось стремительное наступление с этой стороны. В течение 26 сентября войска 59-й пехотной бригады были приведены в боевую готовность у <деревни> Речки¹⁴, чтобы при необходимости вступить в бой севернее или юго-восточнее её. Капитан Хёккнер укрепил позиции в местности севернее и южнее <местечка> Кривичи¹⁵. Во второй половине дня войска выдвинулись в место расположения, а именно штаб полка и 1-й батальон — в <деревню> Речки и её окрестности, 2-й ба-

Марш 8-го артиллерийского полка по территории Вилейского уезда
12 (25) — 17 (30) сентября 1915 г.

тальон — в <деревню> Городиловичи¹⁶ и её окрестности. Перед этим перемешавшиеся части были упорядочены. К 1-му батальону теперь снова относились 1-я, 2-я и 4-я батареи 8-го артиллерийского полка, ко 2-му батальону — 3-я, 5-я батареи 8-го артиллерийского полка и 3-я батарея 15-го артиллерийского полка. 6-я батарея была опять придана полевой артиллерии 15-го артиллерийского полка. 27 сентября 42-я пехотная дивизия выступила маршем на север. (2-й батальон в авангарде, 1-й батальон в основной группировке). Пройдя через <деревни> Выголовичи — Городище — Сватки¹⁷, назначенные квартирные расположения подразделений были заняты только после 9 часов вечера. 2-й батальон находился в <деревнях> Шкленниково и Новики¹⁸, 1-й батальон в <деревне> Мацки¹⁹ и <фольварке> Дубовой²⁰. Эти квартиры из-за подъёма по тревоге пришлось снова покинуть уже в 1.30 утром 28 сентября, и марш был продолжен тем же походным порядком через <деревни> Калиновку — Лукьяновичи — Триданы — хозяйство Герадощизна²¹. Во время привала капитан полка Эккхардт укрепил артиллерийские позиции в районе южнее и юго-восточнее дворянского

поместья Веречата²² на озере Мядзиол, которое позднее было занято полком. 1-й батальон встал южнее Веречаты, 2-й батальон примкнул к нему восточнее. Фронт был направлен на северо-северо-восток. В первый день противник обнаружен не был. На следующий день, 29 сентября, наблюдались небольшие кавалерийские стычки, однако батареи, расчеты которых ночью оставались у своих орудий, и в этот день не действовали. Наша 6-я батарея прошла почти тот же путь от <деревни> Речки, как и полк. После своего последнего участия в бою у Реутки она ночевала сначала в <деревне> Дядичи, северо-западнее <местечка> Куренец, потом в <деревне> Кулеши²³, восточнее <деревни> Речки и, наконец, в Наврах восточнее Сватков. Потом она еще продолжала стоять с 28 до утра 30 сентября восточнее в районе Кулики — Студеница²⁴, но не вступала в бой.

Тем временем командование сухопутных войск 28 сентября отдало приказ о прекращении всех наступательных операций. Окружение русской Виленской <10-й> армии не удалось, несмотря на все усилия. Причины неудачи были следующие:

— во-первых, незначительная по численности и сильно ослабленная кавалерия больше не могла держать фронт;

— во-вторых, также очень ослабленные и уставшие пехотные дивизии не могли достаточно быстро сменить кавалерийские части.

Противник атаковал с новыми силами левый фланг нашего корпуса. Войска были сильно измотаны, и нужно было срочно занимать оборонительную позицию, учитывая приближение зимы. В качестве таковой для усиленного XXI армейского корпуса была выбрана широкая полоса от озер Вишневское и Нарочь до озера Можейки. Снова очень активизировались русские, атаковав находящуюся на северном крыле корпуса 58-ю (Королевства Саксония) резервную дивизию, которую они 29 сентября, как говорит в своих «Военных мемуарах» генерал Людендорф²⁵, «грубо схватили». 42-я пехотная дивизия 29 и 30 сентября сменила <на позиции> эту «грубо схваченную» дивизию и прикрыла её отход через горловину у Воронце и <деревни> Шабаны²⁶, при этом особенно проявил себя 1-й батальон (1-я и 2-я батареи, а также наша 6-я батарея). Отступление

Э. Людендорф

58-й резервной дивизии, а также перегруппировка 42-й пехотной дивизии 30 сентября были осуществлены за счет того, что три группы, состоящие из пехоты и одной артиллерийской части в качестве правого флангового прикрытия пошелонно в разных исходных позициях при орудиях, снятых с передка или взятых на передок, должны были отражать каждую атаку врага. 2-й батальон в этот день больше не открывал огня, в то время как батареи 1-го батальона, к которому примкнула 3-я батарея, вместе с 138-м пехотным полком с первой позиции

восточнее Мигдалово — Бекуры (3-я, 1-я, 4-я батареи), со второй позиции восточнее <деревни> Раловцы²⁷ (4-я, 3-я батареи) и с третьей позиции восточнее и северо-восточнее <застенка> Плаксы доставили много хлопот наступающему противнику. Когда основная масса 42-й пехотной дивизии собиралась самостоятельно занять озерное дефиле, 138-му пехотному полку и 1-му батальону было дано почетное задание в качестве арьергарда прикрывать отступление дивизии и обязательно упреждать каждую атаку противника. Последнюю позицию — четвертую — заняли 2-я и 1-я батареи примерно в 1 км восточнее <застенка> Плаксы. Лейтенант Мюлингхаус, адъютант 1-го батальона, описывал этот день 30 сентября в своем личном дневнике:

«Очень почетно, но очень неудобно! Так как со всех сторон русские нападают медленно, но непрерывно. За счет километрового рассредоточения орудий и частой смены позиций мы делаем вид, что у нас здесь большие силы. Так удается держать русских на почтительном расстоянии. Около 6 часов пополудни мы отступаем до западной Плаксы. Там две батареи еще раз занимают позицию и, обеспечив

орудиям максимальный угол, ведут огонь для прикрытия отступления на предельно возможное расстояние. После того как стемнело и наши войска пропали из виду, мы с последним батальоном (1-й пехотный полк) тоже начинаем отходить. Усилия последних недель, и прежде всего сегодняшний день, волнительный и напряженный, всех ужасно утомили. Нам уже было все равно, отрежут ли нам русские обратный путь или нет...

Сон, сон, сон — вот то, чего всем нам не хватает.

Отступать приходится по плохим дорогам, медленно и с остановками почти каждые 300—400 м. Как только делается привал, все падают и спят, независимо от того, лежат ли они в лужах или вообще в грязи, с уздой в руке. Как только марш продолжается, лошадь дергает за узду, ты возвращаешься в строй и идешь. Наконец, около 12 часов ночи пройдена горловина у Воронце. Все облегченно вздыхают. Сразу прошла усталость. Тут мы получаем приказ полка о том, чтобы теперь же занять позиции у Шабан <деревни Шабаны>. Естественно, этот приказ невозможно было выполнить. От офицера штаба полка, доставившего приказ, мы еще узнали, что 138-й пехотный полк и наш 1-й батальон, как жертву этого отхода дивизии, считали погибшими

Немецкие артиллеристы на марше

за озерами и уже не верили, что мы вообще прибудем. Хорошо, что мы об этом не знали, когда еще были на позиции под Плаксами!!!

В 1 час ночи мы разместились в полностью занятых Шабанах, с саксонской полевой кухней. Прибывшие с нами батареи стали бивуаком под Шабанами».

Большая манёвренная война на Восточном фронте в 1915 году, начатая 2 мая Горлице-Тарновским прорывом, закончилась 30 сентября.

С нашим выходом на озёрное дефиле Воронце закончился также период активных боев продолжавшейся с 9 сентября «битвы за Вильно».

От нас в этот период требовалось невозможное, но именно невозможное мы и совершили. Гигантское сражение длилось 22 дня. 17 из них были днями активных боев. Только 5 дней мы провели в переходах, без боевого соприкосновения с противником. Но именно в эти дни марша были предъявлены максимальные требования к личному составу и лошадям, тем более что из-за безостановочно следующих друг за другом боев и те и другие страдали от сильнейшего, постоянно растущего утомления и усталости. Но погода нам благоприятствовала. Только два дня (17 и 18 сентября) шли дожди. В остальные дни преобладала то теплая, то прохладная, но всегда сухая осенняя погода. В противном случае сильное напряжение стало бы для солдат просто невыносимым. Оно и так было огромным. К организму солдата предъявлялись максимальные требования. Почти без исключений ежедневные выступления начинались после 4 утра, но никак не позднее 5 часов — и это было общим правилом. До следующего бивуака добирались, тоже без исключений, к 12 часам ночи. При любом намеке на возможность тревоги было правилом, что оружейный расчёт оставался при орудиях. Питания, которое нам предлагали полевые кухни, было вполне достаточно; разнообразию его рациона способствовало и местное богатое поголовье скота. Но удаленность от ближайшей железнодорожной станции Ландварово²⁸, западнее Вильно, все же давала о себе знать.

Коммуникации, по которым этапные и корпусные колонны снабжения должны были доставлять на фронт все припасы, чрезвычайно растянулись. Уже скоро начал ощущаться постоянный недостаток соли, поэтому даже лучшие супы казались безвкусными и пресными. Иногда ежедневные порции хлеба приходилось очень ограничивать, а кофе, сало, алкоголь и копчености были всегда очень редкими продуктами. Хуже приходилось бедным лошадям. Кое-где находчивые вахмистры и фуражиры отыскивали запасы овса, которые давали славным животным или со стеблей, или слегка обмолоченным. В большинстве случаев батарея должна была довольствоваться одним мешком овса, поэтому на одну лошадиную голову приходилось немногим более чем 1—1½ фунта. Тем удивительнее то, что все более и более изматывавшаяся часть смогла успешно выдержать огромные физические нагрузки. За 22 дня сражения мы прошли огромное расстояние, равное 350 км (если включить в него все передвижения во время битвы у Немана, то за 36 дней оно составило ровно 700 км). Несмотря на все лишения и мучения людей и лошадей, успехи полка и его батарей были значительными. Израсходовав ровно 12 000 выстрелов на весь полк в период с 9 до 20 сентября, мы гнали перед собой русских, хотя они отчаянно огрызались и оказывали сопротивление. Они понесли бесчисленные кровавые потери, и это не считая многих тысяч пленных, взятых нашей пехотой. С 22 по 25 сентября все их яростные атаки отбивались в кровопролитных схватках, и наша линия обороны оставалась неприступной. Но, к сожалению, эти выдающиеся успехи потребовали и от нашего полка тяжелых и кровавых жертв. Их стоит здесь упомянуть еще раз.

Мы оплакивали павших героев: 2 офицеров (старшего лейтенанта резерва Абельса, лейтенант Винцера), 1 вице-вахмистра, 2 унтер-офицеров, 4 рядовых.

Были ранены: 1 офицер (старший лейтенант резерва Браун, остался в строю), 1 вахмистр (вахмистр Хоффман, 3-я батарея), 1 вице-вахмистр, 5 унтер-офицеров, 17 рядовых.

Большими были также потери среди конского состава, как от огня противника, так и от перенапряжения. Точные цифры привести здесь невозможно.

Подводя итоги этого периода боевых действий, необходимо сказать еще и о кадровых перемещениях. В начале сентября заболел старший лейтенант резерва Шульце-Бурлох, очень хорошо проявивший себя командир 6-й батареи, и больше не вернулся в полк. Также заболел во время пребывания в Берлине лейтенант Тохольте. Лейтенант ландвера Вальстер и лейтенант резерва фон Рон были переведены 3 сентября в 10-ю дивизию ландвера.

Примечания

¹ Данюшево и Угляны — деревни, ныне в Сморгонском районе Гродненской области (Беларусь).

² Горидинянты и Мартышки — деревни, ныне в Сморгонском районе Гродненской области (Беларусь). В 1964 г. последняя была переименована в Березы.

³ Жодзишки — местечко, ныне деревня Жодишки, центр сельсовета в Сморгонском районе Гродненской области (Беларусь).

⁴ Круни, Войстом и Дервили — деревни, ныне в Сморгонском районе Гродненской области (Беларусь).

⁵ Черняты, Кулешы, Заболоте, Остров, Угляны Гиры — деревни, ныне все, кроме последней, в Сморгонском районе Гродненской области; деревня Гиры — в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁶ Мацевичи и Косичи — деревни, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

⁷ В высочайшем приказе от 7 ноября 1916 г. о награждении орденом Св. Георгия 4-й ст. имеются сведения о событиях у деревни Угляны. В частности, были отмечены действия «призванного из запаса армейской пехоты и состоящего в 39-м Сибирском стрелковом полку Иоганнеса Адлера», который «в бою 9-го сентября 1915 года у д. Уляны (так в тексте), получив приказание атаковать д. Уляны, выделил один взвод для охвата левого немецкого фланга, а с остальными тремя взводами атаковал эту деревню. Находясь под сильным ружейным и пулеметным огнем, лично довел роту до штыкового удара, выбил немцев из деревни Уляны и занимаемых им позиций, причем с боя захватил одно исправное немецкое орудие, с зарядным ящиком при нем, с полной упряжкой, и около 145 пленных с офицером». Также георгиевским кавалером стал Иван Арефьев, который «в бою 9-го сентября 1915 года у д. Уляны, будучи младшим офицером роты, получив приказание атаковать врага с охватом фланга, бегом со своим взводом двинулся в атаку; встреченный сильным ружейным и пулеметным огнем бросился вперед на стрелявший почти в упор неприятельский пулемет, уничтожил

штыковым ударом прислугу и часть прикрытия; захватил действующий пулемет и 14 пленных».

⁸ Гинденбург, Пауль фон (*Paul von Hindenburg*) (1847—1934) (о нем см. прим 112 на стр. 169 настоящего издания) — генерал-фельдмаршал (1914), главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте в 1914—1916 гг., начальник германского Генерального штаба в 1916—1919 гг. Рейхспрезидент Германии в 1925—1934 гг.

⁹ Ульрих фон Вюртемберг (1877—1944) — герцог, представитель младшей линии правящей династии Королевства Вюртемберг. Полковник (1913), в 1915 г. командовал 16-й кавалерийской бригадой (7-й и 8-й конноегерские полки). Впоследствии — генерал-майор (1917), командир 26-й пехотной дивизии.

¹⁰ Галовщина — имение (фольварк), ныне не существует. Находилось на территории Вилейского района Минской области (Беларусь).

¹¹ Косенента — ныне деревня Козеняты в Сморгонском районе Гродненской области (Беларусь).

¹² Сухари, Зимодры — деревни, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

¹³ Кульбашино, Горидовичи — деревни, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

¹⁴ Речки — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

¹⁵ Кривичи — местечко и железнодорожная станция, ныне деревня в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

¹⁶ Городиловичи — деревня, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

¹⁷ Выголовичи, Городище, Сватки — деревни, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

¹⁸ Шкленниково и Новики — деревни, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

¹⁹ Мацки — деревня, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

²⁰ Дубовой — имение (фольварк), ныне не существует. Находилось на территории Мядельского района Минской области (Беларусь).

²¹ Калиновка, Лукьяновичи, Триданы, хозяйство Герадошизна — деревни, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

²² Веречата — господский двор, ныне не существует. Находился на территории Мядельского района Минской области (Беларусь).

²³ Дядичи, Кулеши — деревни, ныне в Вилейском районе Минской области (Беларусь).

²⁴ Навры, Кулики, Студеница — деревни, ныне в Мядельском районе Минской области (Беларусь).

²⁵ Людендорф Эрих (*Erich Ludendorff*) (1865—1937) — генерал-лейтенант (1914), начальник штаба Восточного фронта с ноября 1914 г. и 1-й генерал-

квартирмейстер штаба германского верховного командования с августа 1916 г. Являлся непосредственным помощником П. фон Гинденбурга, с 1914 г. фактически руководил боевыми действиями на Восточном фронте.

²⁶ Шабаны — деревня, ныне в Поставском районе Витебской области (Беларусь).

²⁷ Мигдалово, Бекуры, Раловце — деревни, ныне в Поставском районе Витебской области (Беларусь).

²⁸ Ландварово — владельческое имение и железнодорожная станция в Троцком уезде Виленской губернии, ныне город Лентварис в Вильнюсском уезде (Литва).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Память о Первой мировой войне

До сих пор белорусская земля густо покрыта незаживающими ранами, оставленными Первой мировой войной. Это многокилометровые ряды окопов, блиндажи, остатки дзотов, оплывшие насыпи узкоколеек. В полях и лесах, под ногами, бывает, встречаются старые патроны, гильзы, временами даже неразорвавшиеся снаряды. Часто можно увидеть заброшенные военные кладбища и безымянные братские могилы тех, кто не вернулся с той далекой войны.

Святое дело — возвращать имена павшим за Отечество. Нелёгкий труд — чтить и хранить память о них. Пожалуй, нигде так трепетно не берегут память о русских воинах той забытой войны, как это делают сегодня в Беларуси.

Долгое время о памятниках Первой мировой войны на белорусских землях никто не заботился, и они медленно разрушались под влиянием времени. С образованием независимой Республики Беларусь отношение к памятным местам, связанным с событиями Первой мировой войны, начало меняться. В местах воинских захоронений уже в начале 1990-х годов местными жителями, краеведами, при содействии территориальных административных органов были установлены новые памятники и памятные знаки.

Беспрецедентным для всего СНГ стал опыт создания 52-го отдельного специализированного поискового батальона Министерства обороны Республики Беларусь, который специализируется

на поиске неучтенных воинских захоронений и перезахоронении павших. Свою работу это подразделение проводит не только на местах боев Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, но и там, где проходили сражения Первой мировой, советско-польской и Отечественной войны 1812 года. Неоднократно он проводил полевые поисковые работы и на территории Вилейского района. Военнослужащим-поисковикам удалось сделать множество интересных для историков находок.

Георгиевский крест 4-й степени рядового М.С. Клабукова, найденный при раскопках у д. Порса в 2003 г.

В частности, летом 2003 года при раскопках у деревни Порса Вилейского района среди останков 49 русских солдат и других сопутствующих находок был обнаружен Георгиевский крест 4-й степени № 419176. Эта находка помогла установить не только фамилию кавалера данной награды, но и идентифицировать захороненных вместе с ним солдат, погибших в том же бою.

По найденной награде был сделан соответствующий запрос в Российский государственный военно-исторический архив. Полученный ответ гласил:

«На Ваш запрос о воинских захоронениях на территории Республики Беларусь сообщаем выявленные в архиве сведения.

*Из “Списка нижним чинам 178-го пехотного Венденского полка, награжденным Георгиевскими крестами Его Императорским Величеством Государем Императором через Его Императорское Высочество Великого Князя Георгия Михайловича 24 августа 1915 года” следует, что Георгиевский крест 4-й степени за № 419176 был пожалован рядовому 178-го пехотного Венденского полка **Клабукову Михаилу Сергеевичу**, уроженцу Тобольской губернии, Курганского уезда; он значится в списке под № 37 (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1923. Л. 98об.—99).*

*В приказе по 178-му пехотному Венденскому полку от 19 сентября 1915 г. № 231 среди исключенных из списков полка с 13 сентября пропавшими без вести значится 6-й роты рядовой **Михаил Клабуков** (РГВИА. Ф. 2792. Оп. 1. Д. 133. Л. 23об.).*

*В “Именном списке потерь нижних чинов 178-го пехотного Венденского полка за время боев с 26 августа по 15 сентября 1915 г.”, составленном 14 ноября 1915 г., под номером 337 значится рядовой 6-й роты **Михаил Сергеевич Клобуков** (в данном документе фамилия написана через “о”), православного вероисповедания, холост, уроженец Тобольской губернии, Курганского уезда, Мостовской волости деревни Круглой. Пропал без вести 12 сентября 1915 г. в бою при деревне Порса» (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 343. Л. 433об.—434).*

**Мемориал русских солдат, павших в 1915 г. в боях у г. Вилейка.
Городское кладбище «Лесное» в Вилейке**

Позже при обработке этих архивных документов были установлены имена и фамилии остальных погибших солдат того же полка, которые приведены в Приложении 3. Останки павших перезахоронили на новом городском кладбище «Лесное». Сам же Георгиевский крест 4-й степени, принадлежавший рядовому М.С. Клабукову, бережно хранится и экспонируется в Вилейском краеведческом музее.

Постоянную работу по восстановлению и обустройству воинских захоронений в Вилейском районе Минской области проводит известный белорусский художник Борис Борисович Цитович, который сорок лет назад вместе со своей супругой Валентиной Петровной поселился в маленькой, живописной деревеньке Забродье Нарочанского сельского совета. «Смысл моей жизни — здесь, в деревне Забродье, — говорит Борис Борисович. — Наш край в Первую мировую войну был линией фронта. Жертвы, которые несли местные жители, были огромны. Но со временем это всё забылось. И я понял, что должен вернуть память о тех событиях из забвения».

Военное кладбище у д. Забродье

Мемориальный комплекс у д. Русское Село

Памятник павшим солдатам Первой мировой войны в д. Поповцы

Борисоглебская часовня в д. Забродье

Музейная экспозиция в часовне в Забродье

По инициативе Б.Б. Цитовича полностью восстановлено и обустроено лазаретное кладбище русских солдат в лесу у деревни Забродье, мемориальный комплекс на воинском братском кладбище у деревни Русское Село, установлены памятники на братских могилах в деревнях Жерствянка, Поповцы и в ряде других мест.

В 2004 году Б.Б. Цитович был отмечен Президентской премией «За духовное возрождение», средства которой были использованы на строительство часовни в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба — покровителей воинства, в притворе которой разместилась музейная экспозиция.

В 2014 году, к столетию со дня начала Первой мировой войны, по эскизу Б.Б. Цитовича на минском предприятии «СЭНС» был из-

Нагрудный памятный знак «100 лет Первой мировой войны. Светлой памяти павших героев». 2014 г.

готовлен нагрудный памятный знак «100 лет Первой мировой войны. Светлой памяти павших героев». В 2015 году, к столетию освобождения города Вилейки в ходе Виленско-Молодечненской операции, также планируется изготовить памятную медаль.

С 2013 года в Вилейке ведет свою деятельность благотворительный культурно-исторический фонд памяти Первой мировой войны «Кроки». Его основной задачей является обустройство воинских захоронений и восстановление памяти о событиях вековой давности на Вилейщине.

По благословению Его Высокопреподобия Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета при входе на вилейское городское

Часовня — памятник воинам Первой мировой войны на городском кладбище в Вилейке. 2015 г.

кладбище по ул. 1 Мая возведена надвратная часовня — памятник русским воинам, погибшим в годы Первой мировой войны. Авторами памятника являются архитекторы Виктор Владимирович Бурый и Анатолий Иванович Каптюг, художник Борис Борисович Цитович и военный консультант, директор фонда Первой мировой войны «Кроки» Александр Валерьевич Пресняков. Место возведения часовни-памятника выбрано не случайно: именно здесь в годы Первой мировой войны находилось Вилейское братское кладбище, на котором было погребено более 500 солдат и офицеров Русской императорской армии. Удалось установить и увековечить на мраморных плитах фамилии около 300 из них.

Уже много лет подряд 9 Мая — в День Победы в Великой Отечественной войне и 11 ноября — День окончания Первой мировой войны в деревню Забродье со всех уголков Беларуси и из-за рубежа

Мраморные плиты с именами павших воинов Первой мировой войны

приезжают сотни людей, чтобы ещё раз вспомнить и помянуть тех, кто сражался и выжил, кто погиб или скончался от ран, кто стоял на смерть ради жизни и мира на земле, почтить память павших отцов, дедов и прадедов во всех войнах.

24 ноября 2012 года известный белорусский журналист и писатель Вячеслав Бондаренко опубликовал в «Белорусской военной газете» статью «Вилейка — город-герой Первой мировой». Мы полагаем, что, ознакомившись с материалами настоящего сборника, многие согласятся с такой оценкой роли Вилейки в событиях 100-летней давности.

**Благотворительный культурно-исторический фонд
памяти Первой мировой войны «Кроки»**

Основной целью фонда является осуществление деятельности, направленной на увековечение памяти героев, жертв и событий Первой мировой войны 1914—1918 годов.

Фонд осуществляет свою деятельность по следующим направлениям:

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— развитие мемориально-культурного комплекса с экспозиционным центром в деревне Забродье на территории Нарочанского сельсовета Вилейского района;

— мемориальная реконструкция и восстановление воинских захоронений;

— реконструкция и музеефикация фортификационных сооружений и других объектов Первой мировой войны;

— реконструкции боевых действий и операций, проходивших на белорусской земле, сотрудничество с военными реконструкторами Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья;

— издание книг, журналов, плакатов, изготовление сувенирной продукции по тематике сохранения и увековечивания памяти героев Первой мировой войны и др.

РЕКВИЗИТЫ ФОНДА

222410, Республика Беларусь, г. Вилейка, ул. Волынца, 13

р/с 3015450230017 РКЦ № 39 г. Вилейка

филиала ОАО «Белагропромбанк» — Минское областное управление,

код 153001942

УНП 691150277

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ЧАСТИ И СОЕДИНЕНИЯ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ, ОСВОБОЖДАВШИЕ ВИЛЕЙКУ И ВИЛЕЙСКИЙ УЕЗД В СЕНТЯБРЕ 1915 ГОДА

Приложение составлено по книге: *Евсеев Н.* Свентянский прорыв (1915 г.). Военные действия на Восточном фронте мировой войны в сентябре — октябре 1915 года. М.: Госвоениздат, 1936. 272 с., а также другим источникам.

XXVII армейский корпус на 13(26) сентября 1915 года

Командир генерал от инфантерии Баланин Дмитрий Васильевич, начальник штаба генерал-майор Иванов Александр Михайлович, инспектор артиллерии генерал-лейтенант Нищенков Никанор Никанорович. При штабе корпуса находился подполковник Соловкин Петр Илларионович. Всего в корпусе: 15 076 штыков, 779 сабель, 37 пулеметов и 89 орудий. В состав корпуса входили:

45-я пехотная дивизия. Командир генерал-майор Николаев Павел Тимофеевич, начальник штаба полковник Родкевич Николай Николаевич: 5650 штыков, 20 пулеметов.

177-й пехотный Изборский полк (полковник Швецов Андрей Александрович (?)).

178-й пехотный Венденский полк (полковник Вансович Николай Афанасьевич).

179-й пехотный Усть-Двинский полк (полковник Даценко Иван Дмитриевич).

180-й пехотный Виндавский полк (подполковник Фрост 1-й Григорий Владимирович).

45-я артиллерийская бригада (генерал-майор Андреев Иван Никонорович): 26 орудий.

76-я пехотная дивизия. Командир генерал-лейтенант Кузьмин-Короваев Александр Николаевич. Командир 1-й бригады генерал-майор фон Гальберг Анатолий Михайлович: 8926 штыков, 17 пулеметов.

301-й пехотный Бобруйский полк (подполковник Бурский).

302-й пехотный Суражский полк.

303-й пехотный Сенненский полк.

304-й пехотный Новгород-Северский полк (подполковник Буткевич Карл Карлович).

76-я артиллерийская бригада: 33 орудия.

1-й батальон 4-го стрелкового полка 1-й стрелковой бригады: 500 штыков, 18 орудий.

1-й Амурский казачий полк: 779 сабель.

27-й саперный батальон.

Мортирный и 2-й Ивангородский тяжелый артиллерийский дивизионы: 12 орудий.

V армейский корпус на 13 (26) сентября 1915 года

Командир генерал от инфантерии Балуев Петр Семенович. Всего в корпусе: 9100 штыков, 845 сабель, 40 пулеметов и 79 орудий. В состав корпуса входили:

7-я пехотная дивизия. Командир генерал-лейтенант Михно Сергей Дмитриевич. 3300 штыков, 18 пулеметов.

25-й пехотный Смоленский генерала Раевского полк (полковник Сокира-Яхонтов Виктор Николаевич).

26-й пехотный Могилевский полк (полковник Лебедев Дмитрий Капитонович).

27-й пехотный Витебский полк (полковник Чеглов Михаил Петрович).

28-й пехотный Полоцкий полк (полковник Штубендорф Алексей Оттович).

7-я артиллерийская бригада: 29 орудий.

10-я пехотная дивизия. Командир генерал-майор Гаврилов Василий Тимофеевич. 5800 штыков, 22 пулемета.

37-й пехотный Екатеринбургский Святой Троицы полк (полковник Буров Петр Никитич).

38-й пехотный Тобольский графа Милорадовича полк.

39-й пехотный Томский полк (полковник Пацевич Михаил Григорьевич, убит на территории современного Вилейского района 13 февраля 1916 г.).

40-й пехотный Кольванский полк (генерал-майор Щербачев Аркадий Владимирович).

10-я артиллерийская бригада: 36 орудий.

5-й мортирный дивизион.

23-й саперный батальон.

XIV армейский корпус на 13 (26) сентября 1915 года

Командир генерал от инфантерии Войшин-Мурдас-Жилинский Ипполит Паулинович, начальник штаба генерал-майор Ромейко-Гурко Дмитрий Иосифович. Всего в корпусе: 10 223 штыка, 919 сабель, 49 пулеметов и 82 орудия.

18-я пехотная дивизия. Командир генерал-лейтенант Павел Оскарович Папенгут, начальник штаба полковник Гейдеман Константин Иванович. 4117 штыков, 24 пулемета.

1-я бригада. Командир генерал-майор Михайлов Михаил Пантелеймонович.

69-й пехотный Рязанский генерал-фельдмаршала князя Александра Голицына полк (полковник Вансович Николай Афанасьевич).

70-й пехотный Ряжский полк (полковник Брюхов Владимир Владимирович).

71-й пехотный Белевский полк (полковник Галкин Михаил Сергеевич).

72-й пехотный Тульский полк (полковник Курбатов Алексей Александрович).

18-я артиллерийская бригада (полковник Берг Михаил Леонтьевич): 35 орудий.

70-я пехотная дивизия. Командир генерал-лейтенант Белов Николай Васильевич. Командир бригады генерал-майор князь Стокасимов Николай Павлович. 5237 штыков, 25 пулеметов.

277-й пехотный Переяславский полк.

278-й пехотный Кромский полк.

279-й пехотный Лохвицкий полк.

280-й пехотный Сурский полк.

70-я артиллерийская бригада (генерал-майор Горелов Федор Иванович): 29 орудий.

22-я ополченская бригада: 869 штыков.

23-й Донской казачий полк: 919 сабель.

8-й саперный батальон.

Тяжелая и гаубичная артиллерия: 18 орудий.

XX армейский корпус на 13 (26) сентября 1915 года

Командир генерал от инфантерии Иевреинов Александр Иоасафович, начальник штаба генерал-майор Люпов Сергей Николаевич.

28-я пехотная дивизия. Командир генерал-лейтенант барон Леопольд Фридрихович фон ден Бринкен. Командир 2-й бригады генерал-майор Российский Евгений Александрович.

109-й пехотный Волжский полк.

110-й пехотный Камский генерал-адъютанта графа Толя 1-го полк (полковник Кузнецов Михаил Николаевич).

111-й пехотный Донской полк.

112-й пехотный Уральский полк (полковник Гржибовский Михаил Фелицианович).

28-я артиллерийская бригада.

29-я пехотная дивизия. Командир генерал-лейтенант Борис Алексеевич Дзичканец.

113-й пехотный Старорусский полк (полковник фон Ольдерогге Владимир Александрович).

114-й пехотный Новоторжский полк (полковник Иванов Федор Матвеевич).

115-й пехотный Вяземский генерала Несветаева полк (полковник Новаков Борис Иванович).

116-й пехотный Малоярославский полк.

29-я артиллерийская бригада.

20-й саперный батальон

20-й мортирный артиллерийский дивизион: 20 орудий.

I конный корпус на 13 (26) сентября 1915 года

Командир генерал от кавалерии Орановский Владимир Алоизиевич, начальник штаба генерал-майор Товарищев Сергей Павлович. Всего в корпусе: 13 455 сабель, 33 пулемета и 42 орудия.

6-я кавалерийская дивизия. Командир генерал-лейтенант Рооп Владимир Христианович. 1577 сабель, 4 пулеметов.

1-я бригада. Командир 1-й бригады генерал-майор барон фон Корф Сесиль (Семен) Артурович.

6-й драгунский Глуховский императрицы Екатерины Великой полк (полковник Шмидт Артур Адольфович).

6-й уланский Волынский полк (полковник Петров Павел Иларионович).

2-я бригада. Командир 2-й бригады генерал-майор барон фон Штемпель Николай Аркадьевич.

6-й гусарский Клястицкий генерала Кульнева полк (полковник Гамзагурди Сергей Львович).

6-й Донской казачий генерала Краснощекова полк.

6-й конноартиллерийский дивизион.

11-я конноартиллерийская батарея.

12-я конноартиллерийская батарея.

8-я кавалерийская дивизия. Командир генерал-майор Киселев Леонид Петрович. 2367 сабель, 7 пулеметов.

1-я бригада. Командир 1-й бригады генерал-майор Красовский Александр Аполлинариевич.

8-й драгунский Астраханский генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полк (полковник де Витте Анатолий Яковлевич).

8-й уланский Вознесенский Е.И.В.В. кж. Татьяны Николаевны полк (полковник Хмыров Петр Евгеньевич)

2-я бригада. Командир 2-й бригады генерал-майор Устимович Юрий Константинович.

8-й гусарский Лубенский полк.

11-й Донской казачий генерала от кавалерии графа Денисова полк (полковник Ушаков Алексей Никифорович).

8-й конноартиллерийский дивизион: 10 орудий.

15-я конноартиллерийская батарея.

1-я Донская казачья батарея.

13-я кавалерийская дивизия. Командир генерал-майор князь Георгий Александрович Туманов. 3469 сабель, 6 пулеметов.

1-я бригада. 13-й драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полк.

13-й уланский Владимирский полк (полковник Максимович Клавдий Иннокентьевич).

2-я бригада. 13-й гусарский Нарвский полк (полковник Оноприенко Александр Александрович).

2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк.

13-й конноартиллерийский дивизион: 8 орудий.

21-я конноартиллерийская батарея.

26-я конноартиллерийская батарея (?).

27-я конноартиллерийская батарея (?).

14-я кавалерийская дивизия. Командир генерал-майор Владимир Николаевич Петерс, начальник штаба полковник Филиппов Георгий Владимирович. 3062 сабли, 8 пулеметов.

1-я бригада. 14-й драгунский Малороссийский наследного принца Германского и Прусского полк.

14-й уланский Ямбургский Е.И.В. в.к. Марии Александровны полк.

2-я бригада. 14-й гусарский Митавский полк.

14-й Донской казачий войскового атамана Ефремова полк.

12-й конноартиллерийский дивизион: 8 орудий.

23-я конноартиллерийская батарея.

(?)-я конноартиллерийская батарея.

Уральская казачья дивизия. Командир генерал-лейтенант фон Кауфман-Туркестанский Алексей Михайлович. Командир бригады генерал-майор барон Стенбок Петр Михайлович. 2980 сабель, 8 пулеметов.

4-й Уральский казачий полк (генерал-майор Акутин Владимир Иванович).

5-й Уральский казачий полк (полковник Шипов Николай Николаевич).

6-й Уральский казачий полк.

ПРИЛОЖЕНИЯ

7-й Уральский казачий полк.

7-й Донской казачий артиллерийский дивизион: 12 орудий.

14-я Донская казачья батарея.

15-я Донская казачья батарея.

Приложение 2

ОФИЦЕРЫ — КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СВ. ГЕОРГИЯ И ГЕОРГИЕВСКОГО ОРУЖИЯ, ОТЛИЧИВШИЕСЯ НА ВИЛЕЙЩИНЕ В СЕНТЯБРЕ 1915 ГОДА

Кавалеры ордена Св. Георгия 4-й степени

БОГДАНОВИЧ Владимир Платонович (10.07.1887—?). Штабс-капитан 25-го пехотного Смоленского полка. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: *«За то, что в бою 6-го Сентября 1915 года, атакуя укрепленные позиции противника у д. Гирь, захватил две линии окопов, причем большинство защитников было перебито, а часть, в числе 160-ти человек, была взята в плен, будучи затем окружен подошедшими к неприятелю подкреплениями с обоих флангов и тыла, своим мужеством и умелыми распоряжениями, находясь все время под сильнейшим пулеметным и ружейным огнем, пробился сквозь окружавшего его противника, выведя с собой взятых им пленных и вынеся всех раненых».*

ГОРБ Григорий Ефимович (?—?). Подпоручик, командир роты 70-го пехотного Рязского полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что в бою с германцами 10-го Сентября 1915 года у г. дв. Косута, командуя ротой резерва всего в составе 60-ти штыков, получив предупреждение о готовящейся общей атаке, улучив удобный момент, по собственному почину и за своей ответственностью, стремительно во главе своей роты бросился в штыки на*

неприятельскую позицию, чем увлек вперед весь боевой порядок полка. В последующей затем общей атаке противник понес решительное поражение и оставил в наших руках действующие и защищаемые пулеметы, орудия и зарядные ящики, а также и пленных».

ГРУЩИНСКИЙ Гелиодор Станиславович (?—?). Поручик 115-го пехотного Вяземского генерала Несветаева полка. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Прапорщика, в бою 14-го Сентября 1915 года у д. Жизнево-Гришкевичи, находясь под сильным перекрестным ружейным и пулеметным огнем, с командуемой им ротой ворвался в сильно защищаемые противником деревни, выбил его оттуда, захватив действовавший пулемет и пленных».*

Орден Св. Георгия 4-й степени

ДВИГУБСКИЙ Андрей Максимилианович (?—?). Поручик, командир роты 69-го пехотного Рязанского генерал-фельдмаршала князя Александра Голицына полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что в бою 10-го Сентября 1915 года, несмотря на пулеметный и артиллерийский огонь, атаковал позицию противника у д. Малмыги, выбив его из 2-х рядов окопов, причем захватил одно защищаемое неприятельское орудие, которое и представил своему начальству».*

ЕГОРОВ Сергей Васильевич (30.09.1881—?). Подпоручик 71-го пехотного Белевского полка. Награжден ВП от 13.10.1916 г.: *«За то, что 10-го Сентября 1915 года в бою у д. Касута, получив*

С.В. Егоров

приказание от командира соседнего полка пробраться к оставленным немцами 2-м орудиям, находившимся между нашими и неприятельскими цепями, и если не удастся взять, то привести их в негодность, в сопровождении нескольких конных разведчиков, под ружейным огнем противника, подскочил к брошенным орудиям, повернул лично одно из них и, открыв стрельбу по неприятельской цепи, приказал разведчикам повернуть другое орудие и, открыв из него огонь, отбил зашедших ему во фланг немцев; продолжая стрельбу под ружейным огнем и огнем неприятельской тяжелой артиллерии до последнего снаряда, принудил к отступлению подошед-

ший бронированный автомобиль, Подпоручик ЕГОРОВ, выиграв таким образом время, дал возможность подвести наши передки, которыми были вывезены оба неприятельских орудия и шесть находившихся там же задних ходов зарядных ящиков».

ЕРЕМИН Иван Васильевич. Подпоручик, командир роты 69-го пехотного Рязанского генерал-фельдмаршала князя Александра Голицына полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что в бою 10-го Сентября 1915 года, несмотря на пулеметный и артиллерийский огонь, атаковал во фланг противника, занимавшего позицию у д. Малмыги, выбил его из двух рядов окопов, причем захватил действующий пулемет и четыре защищаемых неприятельских орудия, которые доставил по начальству».*

КЛУГЕ Константин Иванович.

(30.05.1884—21.11.1960). Поручик, командир 3-го батальона 304-го пехотного Новгород-Северского полка. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Поручика, в бою 13-го Сентября 1915 года у д. Уречье, с командуемым им батальоном, будучи под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника, по собственному*

К.И. Клуге

почину перешел в решительную контратаку, штыками выбил его из занятых им окопов и тем восстановил прежнее положение и предотвратил возможность нашего отступления по всему фронту».

КОНСТАНТИНОВ Петр Дмитриевич. (16.06.1873—11.09.1915).

Полковник, командир 1-й батареи 18-й артиллерийской бригады. Награжден ВП от 13.10.1916 г.: *«За то, что 10-го Сентября 1915 года, следуя с батареей в авангарде и заметив у д. Малмыги немецкую батарею, не дававшую нашей пехоте пройти открытое пространство, огнем своих трех орудий заставил замолчать неприятельскую батарею и дал возможность нашей пехоте захватить 11 орудий неприятеля. А на следующий день умер от ран».* Место погребения неизвестно.

С.К. Максимов

МАКСИМОВ Сергей Константинович (?—?).

Подпоручик, командир 8-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Прапорщика, в бою 10-го Сентября 1915 года под гор. Вилейкой, с частью своей роты, быстро вы-*

шел на противоположную окраину города, где увидел действующую германскую тяжелую батарею. Присоединив к себе часть людей другого полка, здесь находившихся, он открыл по артиллерийской прислуге ружейный огонь и заставил ее разбежаться и огнем не допустил взять орудия на передки; участвовал в отбитии двух контратак противника и этими блестящими действиями обеспечил захват пяти тяжелых орудий, пяти зарядных ящиков, одного передка, одного пулемета и одиннадцати лошадей».

МОСКЕВИЧ (МОКСЕВИЧ) Алексей Антонович (?—?). Подпоручик 278-го пехотного Кромского полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что 13-го Сентября 1915 года, при атаке позиции противника у дер. Сосенка, захватил действующий неприятельский пулемет».*

МУРАШКО Василий Афанасьевич (?—?). Поручик, командир роты 70-го пехотного Ряжского полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что 10-го Сентября 1915 года, командуя ротой при атаке противника у г. дв. Косула, несмотря на его сильный огонь, захватил два действующих немецких пулемета».*

ПАНОВ Василий Михайлович (29.12.1875—09.11.1936). Войсковой старшина, командир 3-й сотни 2-го Оренбургского казачьего воеводы Нагого полка. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Есаула, 10-го Сентября 1915 года у д. Косуты, по собственному почину произвел со своей сотней лихую конную атаку и истребил неприятельскую пехотную часть не менее роты и, жертвую собой, оказал решительное содействие общему успеху».*

ПЕТРАШЕВИЧ Николай Александрович (?— убит 30.08.1916). Штабс-капитан, командир 3-й роты 112-го пехотного Уральского полка. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: *«За то, что в бою у мест. Сосенка, в ночь с 12-го на 13-е Сентября 1915 года, перейдя вброд р. Вилию, зашел с ротой в тыл, переколот многих защитников, а одного офицера и 62 нижних чина взял в плен и, заметив, что неприятельский пуле-*

мет действует нам во фланг, с двумя отделениями своей роты, по собственной инициативе, бросился на пулемет, захватил его в полной исправности и сдал начальству». В ночь с 30 на 31 августа 1916 года погиб во время проведения ночной разведки у д. Лещеняты. Похоронен 1 сентября 1916 года на братском кладбище в д. Погорельщина Свенцянского уезда Виленской губернии (сейчас Сморгоньский район Гродненской области).

РОЗЕНФЕЛЬД **Георгий Александрович** (?—?). Штабс-капитан, командир 1-го батальона 180-го пехотного Виндавского полка. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Штабс-Капитана, 10-го Сентября 1915 года в бою под гор. Вилейкой, командуя батальоном, находясь под сильным ураганным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем неприятеля, штыковым ударом выбил противника с его передовой позиции, а затем штурмом с главной позиции на окраине города, что заставило противника быстро очистить гор. Вилейку и отступить; этими блестящими действиями он облегчил отряду задачу, как овладение гор. Вилейкой, так и при обладании станцией “Вилейка” с ее боевыми запасами».*

ТУРУНЕН **Михаил Александрович** (?—?). Штабс-капитан, командир роты 98-го пехотного Юрьевского полка. Награжден ВП от 7.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине подпоручика, 12-го Сентября 1915 года при атаке у околицы Мацевичи укрепленной позиции, несмотря на убийственный артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь, все время шел впереди своей роты и примером мужества и храбрости увлекал за собою роту и первым же вскочил в немецкий окоп. После штыковой схватки окоп был взят и немцы отброшены».*

ФРОСТ **1-й Григорий Владимирович** (25.01.1874—22.05.1938). Подполковник, командир 180-го пехотного Виндавского полка. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Подполковника, в бою 10-го Сентября 1915 года под гор. Вилейкой, командуя сводной бригадой, находясь под сильным артиллерийским и ружейным огнем,*

овладел укрепленной позицией и гор. Вилейкой, имевшими большое значение и с занятием которой очищена была железнодорожная станция Вилейка с находящимися там боевыми и продовольственными припасами, взято до 100 нижних чинов пленных, 4-орудийная гаубичная батарея и много других военных запасов».

Князь ЧЕЛОКАЕВ Илья Васильевич (19.12.1886—16.09.1915). Прапорщик. Прикомандированный из 303-го пехотного Сенненского полка к 301-го пехотному Бобруйскому полку. Награжден ВП от 7.11.1916 г.: *«За то, что в бою 9-го сентября 1915 г. у д. Баранцы, командуя головной заставой и будучи встречен огнем двух пулеметов и частым ружейным, быстро, с криком “ура”, бросился с своею ротой на врага, противник дрогнул и бросился бежать, причем было захвачено два пулемета и пленные».* Умер от ран в Приамурском отдельном лазарете Красного Креста 16.09.1915 года. Похоронен на Минском братском военном кладбище.

ЧИЖЕВСКИЙ Григорий Романович (?—?). Капитан 69-го пехотного Рязанского генерал-фельдмаршала князя Александра Голицына полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что 10-го Сентября 1915 года, командуя батальоном, искусно руководя действиями рот, несмотря на превосходство в силах и губительный огонь германцев, выбил из двух рядов окопов у д.д. Малмыги и Чижевичи, обратил их в беспорядочное бегство, причем ротами батальона было захвачено 2 действующих пулемета и 5 защищаемых орудий».*

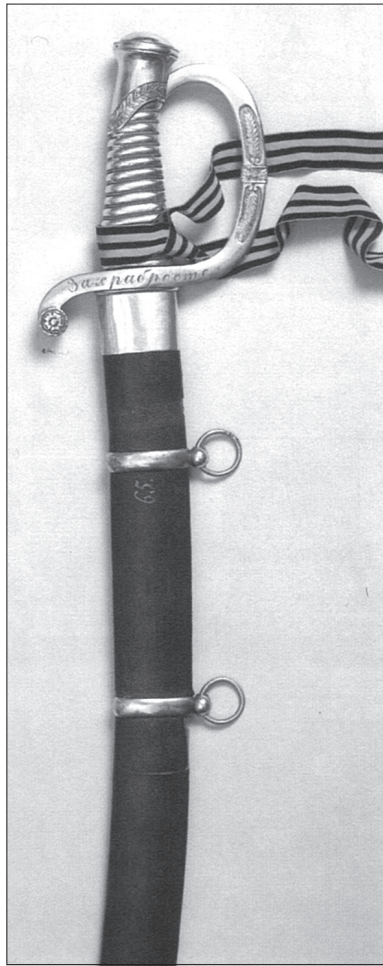
ШАМПИЕ Георгий (?—?). Поручик 278-го пехотного Кромского полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что 13-го Сентября 1915 года, при атаке у д. Сосенка позиции противника, выбил его из двух рядов окопов, причем захватил действующий германский пулемет».*

Князь И.В. Челокаев

Кавалеры Георгиевского оружия

БЕЛОВ 1-й Иван Иванович (17.08.1864—?). Войсковой старшина, командир 2-й сотни 2-го Оренбургского казачьего воеводы Нагого полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Есаула, 6-го сентября 1915 года в конном строю при особо трудных условиях местности, атаковал у д. Шведы противника, опрокинул его, причем, при преследовании, захватил германский пулемет».*

Георгиевское оружие

БЕЛОУС Павел Онуфриевич (?—?). Поручик 38-го пехотного Тобольского генерала графа Милорадовича полка. Награжден ВП от 7.11.1916 г.: *«За то что, в бою 14-е Сентября 1915 года у госп. дв. Осташков, командуя ротой, лично повел людей в атаку под губительным огнем противника, по труднопроходимому болоту, на укрепленную позицию, выбил неприятеля и после рукопашного боя обратил его в бегство».*

ВЛАДИМИРОВ Николай Константинович (?—?). Прапорщик 26-го пехотного Могилевского полка. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: *«За то, что, будучи начальником команды разведчиков и действуя во главе её в бою 18 сентября 1915 года при устье речки Нарочь на Вилие и имея в составе команды всего лишь 25 человек, лихо атаковал сначала сторожевое охранение, а затем*

батарею противника, захватил 39 человек пленных, которые были доставлены в полк».

ГАЛЕНКОВСКИЙ Сергей Митрофанович (01.10.1870—?). Подполковник 38-го пехотного Тобольского генерала графа Милорадовича полка. Награжден ВП от 7.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Капитана, в бою 14-е Сентября 1915 года у д. Остаиков, командуя 3-м батальоном полка, смелым штыковым ударом подчиненных рот выбил*

И.И. Белов

противника из двух рядов окопов, прорвав фронт, чем заставил его очистить и соседние участки. Результатом этого штыкового удара было беспорядочное отступление противника на значительное расстояние и продвижение вперед соседнего корпуса».

ГАРБАРУК Михаил Ильич (?—?). Подполковник, командир 3-й батареи 18-й артиллерийской бригады. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Капитана, в боях с 11-го по 15-е Сентября 1915 года у д. д. Чижевичи — Малмыги и г. дв. Косуты, находясь в течение всех дней боя на передовых наблюдательных пунктах в положении исключительной опасности, под непрерывным действительным ружейным и артиллерийским огнем, корректируя огонь своей батареи, рассеивал настойчиво наступающие цепи немцев и удачно обстреляв затем окопы их, содействовал нашей пехоте при захвате немецких 7-ми орудий, 10-ти задних ходов, 4-х пулеметов и пленных».*

ГАЦКЕВИЧ Леонид Владимирович (? — убит 10.09.1915). Прапорщик 179-го пехотного Усть-Двинского полка. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что 10-го Сентября 1915 года в бою у д. Холопки,*

наступая с вверенной ему ротой под сильнейшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, ворвался в деревню и выбил оттуда противника, причем сам пал геройской смертью». Место погребения неизвестно.

ГЕЙМАН Константин Владимирович (?—?). Подпоручик 25-й артиллерийской бригады. Награжден ВП от 7.11.1916 г.: *«За то, что, в боях с 12-го по 15-е сентября 1915 года у д.д. Токовице, Касечи и фольв. Реутки неизменно находясь в передовой стрелковой цепи под сильным действительным огнем противника, умелым ведением огня своей батареей, блестяще содействовал пехоте по занятию и укреплению вновь занятых с боя позиций, нанося решительное поражение противнику».*

ГЛАЗУНОВ Иван Александрович (14.01.1874—?). Подполковник Приморского драгунского полка. Награжден ВП от 18.05.1916 г.: *«За то, что, состоя в прикомандировании к 8-му драгунскому Астраханскому Генерал-Фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полку, в бою 12-го Сентября 1915 года, командуя тремя эскадронами, проскочив в конном строю у д. Погост через обстреливаемый ружейным и артиллерийским огнем мост на р. Вилие, атаковал в деревне германцев и уничтожил два их эскадрона».*

ДЕМЕНТЬЕВ Константин Константинович (?—?). Подполковник 71-го пехотного Белевского полка. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Штабс-капитана, 10-го сентября 1915 года, командуя батальонами и будучи вызван на помощь соседнему полку, положение коего становилось критическим, ввиду наступления противника на обнаженный фланг, быстро двинулся со стороны д. Каменки и несмотря на сильный огонь противника, атаковал немцев, выбил их из деревни Каченца, занял ее и оборонялся там, пока не получил приказ отходить, прикрывая собой отход всего отряда».*

ДЮСИМЕТЬЕР Леон (Лев) Павлович (16.01.1883 — после 1930). Подполковник, заведующий авиационной группой 2-й армии. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: *«За то, что, состоя в чине Капитана и будучи заведующим авиационной группой 2-й армии, своими лихими и самоотверженными полетами, неоднократно подвергая свою жизнь опасности и попадая под неприятельский огонь, доставляя своими воздушными полетами точные и ценные*

Л.П. Дюсиметьер

данные, и тем действительно содействовал штабу армии в выполнении поставленных ей задач. 12-го сентября 1915 г., вылетев на разведку, обнаружил подход по дороге к д. Вишнево, Нефеды, Войстом и Поповцы не менее корпуса противника, направленного против левого фланга 4-го и правого фланга 27-го корпусов, что дало возможность принять меры к парированию готовившегося удара противником».

А.А. Зайцов

ЗАЙЦОВ Арсений Александрович (16.10.1889—2.04.1954). Штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: «За то, что 18-го Сентября 1915 года под сильным и действительным огнем противника произвел рекогносцировку позиции на р. Нарочь, занятой противником. После рекогносцировки позиции противника, подвергая свою жизнь явной опасности, произвел рекогносцировку линии боевой нашей цепи, которую надлежало занять на ночь и, когда ночью противник перешел в контратаку, то

был отбит нашими частями, занявшими означенную обрекогносцированную Поручиком Зайцовым позицию». Скончался 2 апреля 1954 года в Париже.

КУЗНЕЦОВ Михаил Николаевич (4.11.1868—?). Полковник, командир 110-го пехотного Камского генерал-адъютанта графа Толя 1-го полка. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: «За то, что в авангардных боях под действительным артиллерийским и ружейным огнем противника лично форсированием переправы у д. Каменки и наступлением полка на д. Оношки, из которой выбил противника

штыками и этим дал возможность продолжить движение дивизии, причем, наступая далее на д. д. Моховичи и Юшковичи, утром 17-го Сентября 1915 года выбил противника из занимаемой им сильно укрепленной позиции, захватил много оружия, снаряжения, патронов и более 40 пленных. Благодаря его умелым действиям целая немецкая пехотная дивизия бросила сильно укрепленную позицию у Триданы-Круты».

ЛИХАРЕВ Всеволод Александрович (?—?). Поручик 8-го уланского Вознесенского полка. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Корнета, 12-го Сентября 1915 года, при форсировании полком р. Вилии и взятии д. Стахи, когда немцы стали отходить, получив приказание атаковать их, под сильнейшим огнем, лично ведя свой эскадрон, в конном строю, атаковал немцев, отбросил их и, спешившись, занял позицию на высотах к северо-западу от д. Стахи, чем обеспечил общий успех своего полка».*

ЛУКИЧЕВ Иван Ермилович (?—?). Поручик 69-го пехотного Рязанского полка. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, состоя в чине Подпоручика, 15-го Сентября 1915 года, будучи выслан с партией разведчиков в 11 человек в разведку в районе м. Куринец и заметив немецкую заставу в 30 человек, скрытно приблизился к ней и стремительно внезапно атаковал ее в штыки с фланга, захватив 18 человек в плен и переколов остальных».*

МАДЧАВАРИАНИ Соломон Заалович (1.11.1874—?). Штабс-ротмистр 8-го уланского Вознесенского полка. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Поручика, 12-го Сентября 1915 года, при форсировании полком р. Вилии и взятии д. Стахи, под сильнейшим ружейным и пулеметным огнем противника, личным примером увлекая командуемый им эскадрон, атаковал в конном строю немцев, окопавшихся у д. Стахи и после короткого удара холодным оружием, опрокинул их, преследовал, после чего*

спешился и, задержав перешедшего в наступление противника, оказал существенное содействие своему полку в укреплении за собой д. Стахи».

МАНЮКИН Николай Николаевич (?—?). Подполковник, командир 1-й батареи 18-й артиллерийской бригады. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Капитана, в боях с 11-го по 15-е Сентября 1915 года у д. д. Кривое Село — Новоселки и г. дв. Косуты, находясь в течение всех дней боя на передовых наблюдательных пунктах в положении исключительной опасности, под непрерывным действительным ружейным и артиллерийским огнем, корректируя огонь своей батареи, рассеивал настойчиво наступающие цепи немцев, чем оказал решительное содействие своей пехоте в отражение наступления неприятеля».*

МЕЖАК Петр Андреевич (?—24.11.1920). Подполковник 98-го пехотного Юрьевского полка. Награжден ВП от 7.11.1916 г.: *«За то, что 12-го Сентября 1915 года во время наступления полка на позиции германцев между ручьем Нарочь и ок. Мацевичи, невзирая на губительный огонь немцев и труднопроходимую местность, со своим батальоном упорным боем овладел немецкими окопами, закрепился на захваченной позиции и удержал ее в крайне неблагоприятных условиях до 15-го Сентября, отразив многократные атаки германцев».* Расстрелян в Симферополе органами ЧК после эвакуации армии генерала Врангеля.

МОРОЗОВ Евгений Васильевич (? — убит 22.11.1916). Штабс-ротмистр 8-й гусарского Лубенского полка. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Корнета, 9-го Сентября 1915 года, когда немцы, занимая р. Вилию у д. Сосенка, задерживали наступление наших 4-х кавалерийских дивизий, переправился с полуэскадром вплавь через реку, выбил немцев из занимаемых ими окопов и прорвал их линию, выйдя в тыл расположения противника у сел. Робунь, чем оказал полное содействие частям при их переправе через реку Вилию».*

ПУАРЭ Альфонс Флавиен (31.12.1883—14.11.1922). Прапорщик, прикомандирован ко 2-му армейскому авиационному отряду. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: *«За то, что, как выдающийся военный*

А.Ф. Пуарэ

летчик, с беззаветной храбростью, вылетев 12-го сентября 1915 г. на разведку, несмотря на сильный огонь противника, доставил особо важные сведения о подходе германского корпуса в район д. Нарочь, чем дал возможность командующему армией, а затем и Главкомандующему подвести резервы и тем повлиять на успех дальнейшего наступления 2-й армии и исполнения ею постановленной Главкомандующим задачи».

ПЫШКАЛЮ Василий Максимович (?—?). Поручик 112-го пехотного Уральского полка. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: *«За то, что в ночь с 12-го на 13-го Сентября 1915 года при взятии местечка Сосенки, командуя партией разведчиков, пробрался, рискуя быть окруженным противником, в тыл его позиции у этого местечка, уничтожил телефонные провода, соединяющие эту позицию с резервами противника; подошел с тыла к неприятельским передовым окопам, под огнем неприятеля произвел разведку и своевременно донес об этом командиру батальона. Одновременно со штыковой работой рот бросился со своей командой в штыки на фланговый окоп и выбил из него противника и захватил в плен 2-х офицеров и 27 нижних чинов».*

РЕЙТЦ Александр Гергардович фон (?—?). Капитан 18-й артиллерийской бригады. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Капитана, в боях с 11-го по 15-е Сентября 1915 года у д. д. Кривое Село — Новоселки и г. дв. Косуты, находясь в течение всех дней боя на передовых наблюдательных пунктах в положении исключительной опасности, под непрерывным действительным ружейным и артиллерийским огнем, корректируя огонь своей батареи, рассеивал настойчиво наступавшие цепи немцев и удачно обстреляв затем окопы их, содействовал нашей пехоте при захвате немецких 7-ми орудий, 10-ти задних ходов, 4-х пулеметов и пленных».*

СОЛОВЬЕВ Александр Александрович (06.02.1884—?). Подполковник 70-го пехотного Ряжского полка. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Штабс-капитана, 10-го Сен-*

ПРИЛОЖЕНИЯ

тября 1914 года в бою у г. дв. Косуца, командуя ротой, несмотря на ураганный огонь немцев, довел свою роту до штыкового удара, выбил немцев из первой линии окопов, а затем, преследую дальше, обратил их в беспорядочное отступление, причем захватил с боя действующее тяжелое орудие, но не будучи в состоянии его вывезти, испортил таковое».

А.А. Соловьев

СТАНКОВ Павел Данилович (?—?). Подпоручик 112-го пехотного Уральского полка. Награжден ВП от 29.08.1916 г.: *«За то, что в ночь с 12-го на 13-го Сентября 1915 года при атаке местечка Сосенки во главе своей роты под убийственным пулеметным и ружейным огнем пошел в атаку на окопы, занятые противником, довел роту до этих окопов, бросился с нею в штыки, выбил противника, и занял их, при этом захватил в плен одного офицера и 58 нижних чинов».*

СУМАРОКОВ Сергей Николаевич (?—?). Штабс-ротмистр 8-го гусарского Лубенского полка. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что 12-го Сентября 1915 года, в бою у д. Погост, наступая на фланг боевого порядка полка, ружейным огнем не допустил германцев уничтожить мост через р. Вилию и, переправившись затем вброд, штыковым ударом выбил их из прилегающей к мосту части деревни, благодаря чему получилась возможность перевести по мосту часть наших сил в конном строю и окончательно овладеть упомянутой деревней».*

СУТКОВСКИЙ (СУТКОВОЙ) Григорий Евгеньевич (?—?). Полковник, командир 1-го дивизиона 104-й артиллерийской бригады. Награжден ВП от 18.09.1916 г.: *«За то, что, будучи командиром 1-го дивизиона 85-й артиллерийской бригады, находясь с 16-го по 19-е Сентября 1915 года под действительным ружейным и артиллерийским огнем в бою у д. Поповцы, руководил и корректировал стрельбу батареи, чем дал возможность нашей пехоте выполнить поставленную ей задачу».*

ТАРНОВСКИЙ Георгий Георгиевич (?—?). Подпоручик 1-й отдельной автомобильной батареи для стрельбы по воздушному флоту. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что, состоя в 45-й артиллерийской бригаде, в бою 22-го Сентября 1915 года у оз. Вишневого, когда батальон 178-го пехотного Венденского полка не был в состоянии подняться под сильнейшим ружейным и пулеметным огнем противника, выкатил два орудия почти на линию цепей, быстро погасил огонь».*

ПРИЛОЖЕНИЯ

неприятельских пулеметов, привлек на себя огонь неприятельской артиллерии и тем дал возможность пехоте продвинуться вперед и закрепиться в этом положении».

ЧЕРНЫХ Дионисий Петрович (?—?). Штабс-капитан 45-й артиллерийской бригады. Награжден ВП от 2.11.1916 г.: *«За то, что с 9-го по 14-е Сентября 1915 года у гор. Вилейки, командуя 5-й батареей и находясь передовым наблюдательным пункте на линии стрелковых цепей в положении исключительной опасности, под сильным артиллерийским и ружейным огнем, давал точные указания для корректирования стрельбы своей батарее и тем дал возможность пехотному полку завладеть деревнями Холопки, Чернохвостово и Волковцизна и нанести немцам решительное поражение».*

ШИКАЛОВ Илья Филиппович (? — убит 10.09.1915). Прапорщик 179-го пехотного Усть-Двинского полка. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что 10-го Сентября 1915 года в бою у д. Холопки, наступая с вверенной ему ротой под сильнейшим артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем, ворвался в деревню и выбил оттуда противника, причем сам пал геройской смертью».* Место погребения неизвестно.

ШПАКОВСКИЙ Борис Федорович (?—?). Командир 1-й батареи тяжелого запряженного дивизиона Ивангородской крепостной артиллерии. Награжден ВП от 3.11.1916 г.: *«За то, что, будучи в чине Подпоручика, в бою 10-го Сентября 1915 года у гор. Вилейки, находясь в исключительной опасности на передовом наблюдательном пункте в стрелковой цепи, давал точные указания тяжелым батареям, выбившим своим огнем противника из окопов и тем дал возможность пехоте продвинуться вперед».*

**ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ XXVII АРМЕЙСКОГО КОРПУСА,
ПАВШИЕ В ХОДЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВИЛЕЙКИ
И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ В СЕНТЯБРЕ 1915 ГОДА**

ОФИЦЕРЫ

Гацкевич Леонид Владимирович. Прапорщик, командир роты 179-го пехотного Усть-Двинского полка. Убит 10 сентября 1915 года в бою у д. Холопки, сейчас черта города Вилейка.

Нарватник (возможно, Нарваткин) **Василий Гаврилович.** Прапорщик, начальник пулеметной команды 178-го пехотного Венденского полка. В бою 11 сентября 1915 года ранен разрывной пулей в голову. 12 сентября умер от раны. Похоронен у православной церкви г. Вилейка (возможно, имеется в виду церковь-часовня на кладбище).

Князь Челокаев Илья Васильевич. Прапорщик, прикомандированный из 303-го пехотного Сенненского полка к 301-му пехотному Бобруйскому полку. В ночь с 11 на 12 сентября князь Челокаев во время ночной атаки д. Боровцы, участвуя в ней со своей ротой, был смертельно ранен. Умер от ран 16 сентября 1915 года. Погребен 18 сентября 1915 года на 1-м участке Минского братского военного кладбища. По другим данным, умер от ран 20 сентября 1915 года в Приамурском отдельном лазарете Красного Креста. Уроженец села Ланискури Телавского уезда Тифлисской губернии.

Шикалов Илья Филиппович. Прапорщик, командир роты 179-го пехотного Усть-Двинского полка. Убит 10 сентября 1915 года в бою у д. Холопки.

НИЖНИЕ ЧИНЫ

Агоян Гукас. Канонир 3-й батареи 45-й артиллерийской бригады. Убит 13 сентября 1915 года.

Андрюсенко Трофим Кириллович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года при деревне Порса. Православный, женат. Уроженец Полтавской губернии, Хорольского уезда, Остаповской волости, деревни Малой Кохановки.

Анохин Василий Михайлович. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, холост. Уроженец Орловской губернии, Карачевского уезда, Богатской волости, деревни Алексеевка.

Балахонов (Балохонов) Василий Сергеевич. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года при деревне Порса. Православный, женат. Уроженец Нижегородской губернии, Сергачского уезда, Чукаловской волости, села Новое-Селинце.

Барсуков Михаил Петрович. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Тамбовской губернии и уезда, Малотиленской волости, села Столовое. (Ошибка писаря, записал волость и село так же, как и у Кремера А.И.)

Березенец Кирилл Петрович. Рядовой 7-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Черниговской губернии, Остёрского уезда, Жукинской волости, деревни Выше-Дубочной.

Бойрон Лев Григорьевич. Рядовой 5-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, холост. Уроженец Подольской губернии, Балтского уезда, Сивзинской волости и местечка.

Бородин Иван Васильевич. Старший унтер-офицер 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 10 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Оренбургской губернии, Троицкого уезда и волости, села Иваново.

Бригинец Петр Иванович. Рядовой 7-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Черниговской губернии, Козелецкого уезда, Никольской волости и села.

Бондарь Яков Федорович. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года при деревне Порса. Православный, женат. Уроженец Полтавской губернии, Гадячского уезда, Велико-Будищской волости и села.

Былинский Александр Владимирович. Рядовой 7-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Рязанской губернии, Касимовского уезда, Тумской волости и села.

Бычков Даниил Иванович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Уроженец Рязанской губернии, Пронского уезда, Полянкой волости, деревни Песочной.

Валеев Абдул Валеев. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Магометанин, женат. Уроженец Самарской губернии, Бугульминского уезда, Урсалинской волости, села Новой-Кашгуры.

Васюдж (Васюхно — в приказе по полку) Василий Степанович. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, холост. Уроженец Полтавской губернии, Гадячского уезда, Подолковской волости, хутора Васюхова.

Волков Василий Степанович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Бессарабской губернии, Аккерманского уезда, Подоклинской волости и села.

Воробьев Андрей Евграфович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Вологодской губернии, Тотемского уезда, Харинской волости, деревни Н.-Печиной.

Гаврюк Андрей Григорьевич. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Екатеринославской губернии, Павлоградского уезда, Юрьевской волости и местечка.

Галанин Василий Андреевич. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Олонецкой губернии, Вытегорского уезда, Шильдской волости, деревни Сазоновой.

Грищук Самуил. Нижний чин 177-го пехотного Изборского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года.

Данилов Деонисий Данилович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Смоленской губернии, Юхновского уезда, Вознесенской волости, деревни Троицкой.

Домиков Егор Харитонович. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Симбирской губернии и уезда, Чегуженской волости, села Рожунск.

Доница Болислав Осипович. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 10 сентября 1915 года при городе Вилейка. Католик, холост. Уроженец Люблинской губернии и уезда, гмины Чекарники, деревни Скоки.

Доцук (Доцюк) Филипп Михайлович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Холмской губернии, Влодавского уезда, села Любин.

Евграфов Иван Захарович. Младший унтер-офицер 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, холост. Уроженец Оренбургской губернии, города Оренбурга.

Ивченко Николай Кондратович. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Кубанской области, Лабинского отдела и волости, села Колпаково.

Игнатъев Алексей Ануфриевич. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Иркутской губернии, Нижнеудинского уезда, Переденинская волости, села Бодар.

Ималетдинов Хасиметдин. Рядовой 3-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Мусульманин, холост. Уроженец Нижнеградской губернии, Сергоцкого уезда, Грибинской волости, деревни Шубино.

Калугин Павел Ипполитович. Рядовой 12-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, холост. Уроженец Пермской губернии, Екатеринбургского уезда, Полевской волости и завода.

Каплин Петр Васильевич. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Вологодской губернии, Тотемского уезда, Пятовской волости, деревни Ивойловой.

Карлаш Петр Митрофанович. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Полтавской губернии, Кобеляцкого уезда, Хорошковской волости, села Гауптева.

Кириков Василий Самойлович. Рядовой 8-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Черниговской губернии, Городнянского уезда, Изгимовской волости, села Вербовки.

Кирка Влас Корнеевич. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Екатеринославской губернии, Бахмутского уезда, Кривоженской волости, деревни Александровки.

Клабуков (Клобуков) Михаил Сергеевич. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Православного вероисповедания.

Холост. Уроженец Тобольской губернии, Курганского уезда, Мостовской волости, деревни Круглой. Пропал без вести (убит) 12 сентября 1915 года в бою при деревне Порса. Кавалер Георгиевского креста 4-й степени за № 419176.

Кобко Филипп Савельевич. Рядовой 5-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Черниговской губернии, Городянского уезда, Шемельской волости, села Новые Млыны.

Королев Василий Емельянович. Рядовой 5-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Томской губернии, Змеиногорского уезда, Александровской волости и села.

Кремер Альберт Иулевич. Доброволец 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Лютеранин, холост. Уроженец Курляндской губернии, Тукумского уезда, Малотиленской волости, села Столовое. (Ошибка писаря, записал волость и село так же, как и у Барсукова. — М.П.)

Крючков Андрей Евстафьевич. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Пермской губернии, Кунгурского уезда, Березовской волости, деревни Рязаловки (Рязиловки?).

Лазарев Иван Васильевич. Рядовой, 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 10 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Саратовской губернии, Вольского уезда, Донгузовской волости и села.

Луконин Тимофей Иванович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Костромской губернии, Макарьевского уезда, Ловычинской волости, деревни Юркино.

Макаренко Дмитрий Иванович. Рядовой 7-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный женат. Уроженец Полтавской губернии, Золотоношского уезда, Волкобуринской волости, села Мохлюч.

Мальков Михаил Афанасьевич. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Пермской губернии, Ирбитского уезда, Карчинской волости, деревни Маль-Мальково.

Махмудов Василий. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 10 сентября 1915 года при городе Вилейка. Мусульманин, женат. Уроженец Казанской губернии и уезда, Кармужской волости, села Амандул.

Микеров Иван Семенович. Рядовой 7-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный женат. Уроженец Рязанской губернии, Раненбургского уезда, Салтыковской волости и села.

Митрошин Петр. Нижний чин 177-го пехотного Изборского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года.

Михалев Иван Арсентьевич. Рядовой 9-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 13 сентября 1915 года в районе города Вилейка. Православный, женат. Уроженец Курской губернии, Дмитриевского уезда, Прильпиевской волости, села Старшее.

Мозоль Борис Дмитриевич. Рядовой 7-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный женат. Уроженец Черниговской губернии, Остёрского уезда, Броверской волости, деревни Большие Александровки.

Монахов Савелий Степанович. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Московской губернии, Богородского уезда, Карповской волости, деревни Кололицой.

Мостовенко Тарас Гурьевич. Рядовой 8-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Киевской губернии и уезда, Хотовской волости, села Гвоздева.

Никифоров Иван Никифорович. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Смоленской губернии, города Вязьма.

Нимков Иван Яковлевич. Младший унтер-офицер 11-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Пензенской губернии, Мокшанского уезда, Мокшанской волости, села Келенки.

Огородов Деомид Александрович. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Тобольской губернии, Ялуторовского уезда, Плетневской волости, деревни Ониклево.

Окунев Афанасий Яковлевич. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Пермской губернии, Кунгурского уезда, Покровской волости, деревни Косулиной.

Окунев Иван Михайлович. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Тобольской губернии, Тарского округа, Самохваловской волости, села Подмаревки.

Оленев Алексей Иванович. Рядовой 8-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Вятской губернии, Сарапульского уезда, Толкинской волости и села.

Пелипенко Деомид Дмитриевич. Младший унтер-офицер 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Полтавской губернии, Миргородского уезда, Петровской волости, села Слободки.

Первушкин Иван Прохорович. Младший унтер-офицер 9-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою при городе Вилейка 12 сентября 1915 года, по другим данным — при деревне Порса 13 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Пензенской губернии, Гарадищенского уезда, Вошилейской волости, села Пазелки. Похоронен у господского двора Порса.

Помиткин (в приказе по полку — Поматкин) Федор Михайлович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Перм-

ской губернии, Кунгурского уезда, Серебрянской волости, деревни Луковки.

Попченко Прохор Данилович. Рядовой 7-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Черниговской губернии, Глуховского уезда, Тулиговской волости, деревни Черторычи.

Поталов Семен Дмитриевич. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 10 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Сарапульского уезда, Ширконской волости, деревни Сюрюя.

Рожков Косьян Владимирович. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 10 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Орловской губернии, Ливенского уезда, Барковской волости, села Устюжского.

Руденко Василия Родионович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Томской губернии, Канского уезда, Юдинской волости, села Бушуево.

Саломонников (в приказе по полку — Соломонников) Кива Вольфович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Полтавской губернии, г. Пирятин.

Титов Лаврентий Максимович. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Области войска Донского, Новочеркасского округа, станицы Егоровская.

Тухватуллин Гизятулла. Рядовой 12-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Мусульманин, женат. Уроженец Уфимской губернии, Белебейского уезда, Чукаты-Томакской волости и села.

Фистуль Вольф Ицкович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Иудей, женат. Уроженец Полтавской губернии, Зеньковского уезда, местечка Опошна (?).

Ховрин Пётр Васильевич. Младший унтер-офицер 8-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Пензенской губернии, Городищенского уезда, Ишимской волости, деревни Русский Ишим.

Хоматов Мухамет-Куля. Рядовой 12-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Мусульманин, женат. Уроженец Уфимской губернии, Белебейского уезда, Чукаты-Томакской волости, деревни Батарино-Кыбаво.

Хохлов Петр Александрович. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 10 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Саратовской губернии, Камышинского уезда, Топовской волости и села.

Чекалов Константин Васильевич. Младший унтер-офицер 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 10 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, холост. Уроженец Таврической губернии, Симферопольского уезда, Солынской волости, деревни Карачек.

Чернильников Сидор Евстафьевич. Рядовой 2-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Области войска Донского, Ростовского округа, Александровской волости и села.

Чернышев Василий Петрович. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года, по другим данным, умер в полковом околотке от ран, полученных в бою при деревне Порса 11 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Астраханской губернии и уезда, Гачанской волости, села Иванчук.

Чижов Осип Александрович. Рядовой 8-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Сарапульского уезда, Тонкинской волости, деревни Жоринохи.

Шамаев Сергей Николаевич. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Нижегородской губернии, Сергачского уезда, Чукальской волости, деревни Мшаевки.

Шамякин Василий Степанович. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Вологодской губернии, Тотемского уезда, Шебенской волости, деревни Пятовки.

Шапошников Ефим Васильевич. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 11 сентября 1915 года при городе Вилейка. Православный, женат. Уроженец Астраханской губернии и уезда, Чичинской волости, села Иванчук.

Шеблотов (Шеблатов) Михаил Иванович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Казанской губернии и уезда, Алатской волости, села Шубин (Шубан?).

Шитик Борис Кузьмич. Рядовой 6-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Черниговской губернии, Городнянского уезда, Сепинская волости, деревни Вербичи.

Ширягин (Ширячин) Иван Михайлович. Рядовой 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Православный, женат. Уроженец Казанской губернии, Тетюшского уезда, Богородской волости и села.

Юсупов Шамай Мудзин. Ефрейтор 1-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года. Иудей, женат. Уроженец Бакинской губернии, Кубинского уезда, Еврейской слободы.

Ярославский Войцех Степанович. Рядовой 3-й роты 178-го пехотного Венденского полка. Убит в бою 12 сентября 1915 года при городе Вилейка. Католик, женат. Уроженец Варшавской губернии, Яблонского повета и гмины, деревни Кандрынова.

Список составлен по следующим источникам:

1. «Именной список потерь нижних чинов 178-го пехотного Венденского полка за время с 26 августа по 15 сентября 1915 года» (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 343. Л. 41—456).
2. «Список нижних чинов 178-го пехотного Венденского полка, награжденным Георгиевскими крестами Его Императорским Величеством Государем Императором через Его Императорское Высочество Великого Князя Георгия Михайловича 24 августа 1915 года» (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1923. Л. 98об.—99).
3. «Сведения о могилах русских воинов, доставленные генерал-квартирмейстером Штаба 2-й армии при сношении от 7 июля 1916 года за № 4215» (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 1535).
4. Журнал «Разведчик» №1308. С. 749 и №1312. С. 804.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва.
Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск.
Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, г. Москва.

Литература

14-го мортирного артиллерийского дивизиона, а затем 71-го пехотного Белевского полка подпоручик Сергей Васильевич Егоров // Герои и трофеи Великой народной войны. Вып. № 4. 1916.

Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914—1918 годов: Биографический справочник / Сост. М.С. Нешкин, В.М. Шабанов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917). Том 2: 1915 год — апогей. М.: ИД КДУ, 2014.

Баланин Д. Вилейка. Бой 10-го сентября 1915 года // Военный сборник. № 10. 1916.

Баланин Д.В. Молодечно // Военный сборник. № 9. 1916.

Баланин Д.В. Спасение г. Варшавы от захвата ее немцами в 1914 г. // Военное дело. Сборник статей по военному искусству. Вып. 2. М., 1920. С. 180—189.

Бондаренко В.В. Утерянные победы Российской империи. Минск: Харвест, 2010.

Брусилов А.А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1983.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вилейка — город воинской славы Первой мировой войны / Сост. Каркотко А.Ю., Колосова О.А. Минск, 2014.

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769—1920. Биобиблиографический справочник / Отв. сост. В.М. Шабанов. М.: Русский миръ, 2004.

Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004.

Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002.

Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891—1945. Биографический справочник. М., 2007.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв 1915 г. М., 1936.

Жертвы политического террора в СССР: 4-е издание диска, Международное общество «Мемориал». М., 2007.

Зайончковский А.М. Мировая война 1914—1918. Том 1 и 2. М., 1932.

Залесский К.А. Военная элита Германии 1870—1945. Энциклопедический справочник. М.: Вече, 2011.

Залесский К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: Астрель. АСТ, 2003.

Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788—1913. М., 2007.

Кавтарадзе А.Г. Военспецы на службе Республики Советов. М., 1988.

Каркотко А.Ю. Генерал Баланин — полководец и писатель // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні: мат. Міжнар. навук. канф. (Мінск, 7—8 кастрычніка 2014 г.). Мінск: Права і эканоміка, 2014. С. 218—221.

Каркотко А.Ю. Установление имён погибших по наградам Российской империи // Военная археология. № 5 (14). 2011. С. 42—51.

Керсновский А.А. История Русской армии. Том 3. М., 2000.

Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с.

Кравков В.П. Дневник участника Русско-японской войны (1904—1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // *Время и судьбы. «Военные мемуары»*. Вып. 1. М., 1991. С. 259—286.

Куликов В.П. 1-й корпусной авиационный отряд. М.: Охотник, 2009.

Лазарев С.А. Герои Великой Войны. Известные и неизвестные. СПб., 2007. 384 с.

Ліхадзедаў У.А., Карлюкевіч А.М. Знічкі Айчыны. Мінск: Літаратура і Искусство, 2008.

Ліхадзедаў У.А. Беларусь праз фотааб'ектыў немецкага салдата. 1915—1918 гг. Мінск: Тэхналогія, 2008.

Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. Составлен по 1.01.1909 г. СПб., 1909.

Общий список офицерским чинам русской императорской армии. Составлен по 1.01.1910 г. СПб., 1910.

Памяць: Гісторыка — дакументальная хроніка Вілейскага раёна. Мінск: БЕЛТА, 2003.

Поддубный М.В. Корпусный врач В.П. Кравков и его дневник Первой мировой войны // *Военно-медицинский журнал*. Т. 336. № 2. 2015. С. 85—88.

Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938.

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1999.

Российский М.А. 10-я армия в Восточной Пруссии. Зимние операции 1914—1915 гг. в дневниках В.П. Кравкова // *Известия лаборатории древних технологий*. № 4 (13). 2014. С. 45—72.

Российский М.А. Дневники В.П. Кравкова за 1914—1917 гг. как исторический источник // *Великая война: сто лет / Под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка*. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 237—250, 302—322.

Российский М.А. Первая мировая война глазами доктора Кравкова // *История без купюр: от прошлого к настоящему*. М.: Международная жизнь (специальный выпуск), 2013. С. 89—137.

Российский М.А. Рига в 1916 году: взгляд русского военного врача // *Baltfort*. № 4 (29). Декабрь 2014. С. 58—68.

Российский М.А. «Смерть какого-то проходимца Распутина заслонила... все события фронта и тыла; и это — в момент великой трагедии, решающей

БИБЛИОГРАФИЯ

судьбы русского народа!» Первая мировая война в дневниках В.П. Кравкова // Военно-исторический журнал. № 6. Июнь 2015. С. 63—69.

Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. Белград, 1933.

Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1904 г. СПб., 1904.

Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 г. СПб., 1908.

Список генералам по старшинству. Составлен по 10 июля 1916 г. Пг., 1916.

Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 года. Пг., 1914.

Список Генерального штаба. Исправлен по 1 января 1916 года. Пг., 1916.

Список Генерального штаба. Исправлен на 3 января 1917 года. Пг., 1917.

Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1 ноября 1911 г. СПб., 1912.

Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. Военная типография Штаба Р.-К.К.А., 1923.

Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1 января 1905 г. СПб., 1905.

Список подполковникам по старшинству. Составлен по 15 мая 1913 г. СПб., 1913.

Список полковникам (и далее) по старшинству. Составлен по 1 мая 1902 г. СПб., 1902.

Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1910 г. СПб., 1910.

Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1914 г. СПб., 1914.

Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 августа 1916 г. Пг., 1916.

Список старшим войсковым начальникам, начальникам штабов, округов, корпусов и дивизий и командирам отдельных строевых частей. СПб.: Военная типография, 1913.

Статут Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской медали. С дополнениями и разъяснениями. Екатеринодар, 1919.

У пошуках страчанага: гісторыя Беларусі ў старых паштоўках/ Аўтар тэксту А.М. Карлюкевіч; паштоўкі У.А. Ліхадзедава. Мінск: Літаратура і Искусство, 2008.

Узбекова Д.Г. Кравковы: два поколения ученых из Рязани. М.: Вече, 2014. 352 с.

Узбекова Д.Г. В.П. Кравков — военный санитарный врач Русской императорской армии (К 100-летию начала Первой мировой войны) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. № 4. 2014. С. 51—54.

Церковная история города Вилейки / Сост. Н.А. Ефимова. Минск: Ковчег, 2013.

Das Feldartillerie-Regiment «von Holtzendorff» (1. Rheinisches) Nr. 8 im Weltfriege 1914—1918/Heinq Gommerbrodt. Gros-Wartenberg, 1930.

Geschichte 4. Lothringischen Infanterie-Regiment Nr.136. Duisburg am Rhein. 1933.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Высочайшие приказы по Военному ведомству. За разные годы.

Журнал «Разведчик». Выпуски разных лет.

Журнал «НИВА». Выпуски разных лет.

Летопись войны, 1914—1915—1916 гг.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Википедия (<https://wikipedia.org/>)

«Великая война 1914—1917. Форум истории и реконструкции» (<http://1914.borda.ru/>)

«Дворянский род Рогге» (<http://genrogge.ru/>)

«Онлайн Библиотека Царское Село» (<http://book-olds.ru>)

«Русская Императорская Армия» (<http://www.regiment.ru/>)

«Русская армия в Великой войне» (<http://www.grwar.ru>)

«ЦГАКФФД» (<http://photoarchive.spb.ru>)

КАРКОТКО Андрей Юрьевич родился в 1979 году в Вилейке. Выпускник Международного гуманитарно-экономического института (Минск, 2001), магистр политических наук (2006). В 2004—2014 годах работал археологом в 52-м отдельном специализированном поисковом батальоне Министерства обороны Республики Беларусь. С 2014 года по настоящее время — научный сотрудник Государственного учреждения «Вилейский краеведческий музей». Автор публикаций по военной археологии и истории Первой мировой войны.

РОССИЙСКИЙ Михаил Анатольевич родился в 1974 году в Москве. Выпускник Московского государственного лингвистического университета (1996), кандидат исторических наук (2002). С 1997 года на дипломатической службе: работал в посольствах Российской Федерации в Гаване, Мадриде и Риме. Советник МИД России (2011). Автор публикаций по истории русского зарубежья и Первой мировой войны.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. ГЕНЕРАЛ БАЛАНИН — ПОЛКОВОДЕЦ И ПИСАТЕЛЬ	10
Д.В. Баланин. Вилейка (Бой 10-го сентября 1915 года).....	21
Примечания	39
Глава II. СКРОМНЫЙ ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ КЛУГЕ	45
Описание боев 3-го батальона 304-го Новгород-Северского полка 25 сентября 1915 года	55
О том, как присуждались Георгиевские кресты	62
Примечания	66
Глава III. ВИЛЕЙКА В ВОЕННОМ ДНЕВНИКЕ ДОКТОРА КРАВКОВА.....	67
Из дневника В.П. Кравкова 1915 год	83
Примечания	162
Глава IV. СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ СОСНОВСКИЙ. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЛЕТОПИСИ НАРОЧСКОГО ПРИХОДА.....	176
Из церковно-приходской летописи нарочской Свято-Ильинской церкви	186
1915 год.....	186
1916 год.....	192
1917 год.....	194
Примечания	194
Глава V. ВЗГЛЯД С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ФРОНТА. НЕМЕЦКИЕ ПОЛКОВЫЕ ИСТОРИИ О БОЯХ НА ВИЛЕЙЩИНЕ.....	196
4-й Лотарингский пехотный полк № 136 (4. Lothringischen Infanterie-Regiment Nr. 136).....	199
Полк полевой артиллерии фон Гольцендорфа (1-й Рейнский) № 8 (Feldartillerie-Regiment «von Holtzendorff» (1. Rheinisches) Nr. 8).....	204

Содержание

ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ 4-ГО ЛОТАРИНГСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА № 136»	208
Глава 3. СРАЖЕНИЕ ЗА ВИЛЬНО	208
Дни наступления с 18 по 22 сентября 1915 года	208
Вилейка	214
Полк в позиционной войне в России	231
Балтагузы — Бояровичи	235
Примечания	241
ИЗ КНИГИ Х. ЗОММЕРБРОДТА «ПОЛК ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ ФОН ГОЛЬЦЕНДОРФА (1-Й РЕЙНСКИЙ) № 8 В МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914—1918 ГОДОВ»	244
Операции под Сморгонью (22—25 сентября 1915 года)	244
На пути к зимней позиции (с 26 по 30 сентября 1915 года)	251
Примечания	258
ПОСЛЕСЛОВИЕ	261
Память о Первой мировой войне	261
Благотворительный культурно-исторический фонд памяти Первой мировой войны «Кроки»	270
ПРИЛОЖЕНИЯ	272
Приложение 1	272
Приложение 2	280
Приложение 3	300
БИБЛИОГРАФИЯ	312
ОБ АВТОРАХ	317

Научно-популярное издание

Каркотко Андрей Юрьевич
Российский Михаил Анатольевич

НА ЛИНИИ ОГНЯ
Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 года

Корректор *О.Б. Бубликова*
Верстка *И.В. Хренов*
Оформление и подготовка обложки *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.08.2015. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 20. Тираж 300 экз. Заказ .